

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

АЛЬМАНАХ

«ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ»

2002

ЛС

Таймырская окружная библиотека
Управление образования и культуры
администрации округа
Таймырская региональная писательская организация

Этот выпуск авторы посвящают памяти
Виктора Петровича Астафьева.
Здесь все, чем болело его сердце, – любовь и
страдания, горе и надежда, жизнь
и размышления о ее смысле.

Издание альманаха ставит своей целью
популяризацию творчества
прозаиков и поэтов,
драматургов и литературных критиков,
проживающих на полуострове Таймыр
или пишущих о нем.

Составители *Елена Ягумова, Марина Ширяева*
Редактор *Валентина Заварзина*
Ответственный за выпуск *Клара Глехугова*
Корректор *Светлана Петрова*
Набор *Марина Ширяева*
Верстка *Анна Просекова*

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Ася РУДИНСКАЯ

- «Мы блуждали среди судеб...» . 5
«Лениво кружатся снежинки...» 5

Людмила ЗНАЕВА

- «Я ухожу от вас, мои родные...» 6
«То ли плач, то ли хохот...» . 6
«К Великим Тетрадам...» . 6

Нина КОВАЛЬЧУК

- Осеннее воспоминание 7
Лето 7
Кто сказал, что время лечит? . . . 8
Поздняя осень 8
Время летних отпусков 9
Ночные перроны 9

Владимир КАНТАРИЯ

- «Я по осени брел...» 10
«Печаль — надуманная ложь...» 10
«Я, сгоревший дотла...» 10
«Стихи во мне кричали...» 11
«Я не знаком с романтикой
морей...» 11
«Мне было холодно...» 11

Владислав РЕШЕТОВ

- «У тебя за спиной два веселых
крыла...» 12
Напоминанье 12
«Мы с тобою пилигримы...» . . . 12

Елена ЯГУМОВА

- «Говорят, что лето было...» . . . 13
«Ходит, бродит — колобродит...» 14
«Никуда не хочется идти...» . . 14

Сергей КУЗНЕЧИХИН

- Льдина 15
Продолжение рода 15
Волкопес в зоопарке 15
«До безумья — нужна...» 15

Юлия ЛИСИЧКИНА

- «Все ищут равновесия
в природе...» 16
«Все промокло до нитки
в зной...» 17
«Мне стыдно, потому что я не
воин...» 17

Наталья БЛОХИНА

- «Ты зря испугался любви
моей...» 18
Полдень 18

Роман СОЛНЦЕВ

- Лайка 19
Норильск 19
Таймыр 19
Картинки Севера 20

Геннадий КУЗНЕЦОВ

- «Пока не высохло перо...» 21
«Осень, боль, ожоги лета...» . . . 21
Два котенка 21

Ольга ЛОШКАРЕВА

- Дети Чечни 22
На детской площадке 22

Геннадий МЕДВЕДЕВ

- «В уединении выходишь
из воды...» 23
«Новый век! Мечты,
надежды...» 23
«Кусты, вздымая шевелюры...» . 23

Надежда МОРДАСОВА

- «Подслушала пророческие
песни...» 24
«Не знающие мрак не ценят
света...» 24
«Веселый седой художник...» . . 24

Сергей ПОПУГАЕВ

- «Быстро мчатся по небу тучи...» 25
«Кончается лето на грешной
земле...» 26
«Никогда ничего не вернуть...» . 26
Формула жизни 26

Светлана САЛАЙКИНА

- «Ночь опускается на Землю...» . 27
«В последних числах
сентября...» 27

Евгений ТОЛМАЧЕВ

- «Вот и Сентябрь. И лиственный
узор...» 28
Предзимье 28
Погасла звезда! 28

Алевтина ЩЕРБАКОВА

- Открытое письмо Сергею Лузану от
женщины, сошедшей с полотна
Ренуара 29
«Я от пальто пустые рукава...» . 30
Провожая В. Е. К. (Валерия Ефимо-
вича Кравца) 30

Марк ХАСДАН

- «Не гремела божья гроза...» . . . 31
«Куда-то вглубь уходит фон
забвенья...» 31
Псалом 151 31

Валентина ЗАВАРЗИНА

- Мой рассвет 32
Утро 32
«Межсезонье сменилось
летом...» 33
«Солнце-лодка на веслах-
лучах...» 33

Виктор ВОЩЕНКОВ

- «Пахнет тундра морозом и
инеем...» 34
«Меня редко балует удача...» . . 34
«Я синим ветром стукну в твои
двери...» 35
«Как понять эту вечную
связь...» 35
«Прости меня — за тот далекий
март...» 35

ДЕБЮТАНТЫ

Александр ЗБОРЧИЛА

- «Я вышел из себя и стал
необъясним...» 36
Осень 36
Зима 36

Юлия ВОЛКОВА

- «Вопрос «Любовь?» напрасно
вновь...» 37
«Велев: «Уйди!», забыл сказать, где
дверь...» 37
«На щеке — оранжевое море...» . 37
«Уехал, и привычно вновь...» . . 37
«Шел снег. Скучали облака...» . 37
«Апельсины пахнут радостью...» 37

Артур ВАРНАКОВ
Инна 38
«Небо плачет дождем...» 38
Кукушка 38

Сергей НАУМОВ
«Я снова улетаю, улетаю...» ... 39
«...А было время, что тропюю...» 39

Наталья РУССКОВА
«Я надену нищенское платье...» 40
«Тают годы, словно облака...» . 40
«Лежит росинка в устье
лепестка...» 40
«Сердца стук и шум дождя...» . 40

Константин САЛЬНИКОВ
Накануне Рождества 41

Татьяна ЮРИНСКАЯ
«Надену платье цвета моря...» . 42

Станислава МОГИЛЕВА
«Иду, иду без остановок...» 43
«Забери меня отсюда...» 43
«Седые узницы не спорят...» 43
«...Это все не просто так...» 43

ПРОЗА

Владимир ЭЙСНЕР
«...И одно дыхание у всех...» . 44

Ирина АПЛЕСНЕВА
Самый счастливый день. Из записок
шестиклассницы. Рассказ. 46

Владимир СОЛДАКОВ
Телеоператор Царьков. Из цикла
«Хантайские зарисовки». 49

Анатолий САВИНОВ
Станция дурных снов. Рассказ.
Окончание. 51

Галина ЗАБЕЛКИНА
Ромка с озера Таймень. Рассказ. 56

Виктор САМУЙЛОВ
Знак равенства. Повесть.
Продолжение. 58

Лилия ГАРМАНОВА
В неведомом царстве... Сказка. . 67

Сергей АЛЕКСЕЕВ
О войне.... Из цикла «Морские
истории». 68
Алексеевский равелин. Рассказ. 68

Наталья БОРИСЕНКО
Маленькие откровения. Тундровые
былинки. 70

Татьяна БЕГЛЕЦОВА
Люблю тебя крепко. Из цикла
«Женькина жизнь». Рассказ. ... 72

Ирина ДУБОВИЦКАЯ
Крымский этюд. Рассказ. 74

Юрий ГРАДИНАРОВ
В низовье Енисей могуч... Фрагмент
из романа. Продолжение. 79

ДРАМАТУРГИЯ

Анатолий ЛЕВЕНКО
Как Таймыр Таймыром назвали.
Историческая версификация.
Отрывок. 87

ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ ТАЙМЫРА

Надежда КОСТЕРКИНА
Шаманская сага. Нганасанская
легенда. 90

Оксана ДОБЖАНСКАЯ
Нганасанский шаманизм: звучание
ритуала. На примере обрядов Демни-
ме и Тубяку Нгамтусуо. 91

Казимир ЛАБАНАУСКАС
О чем пела священная ель. Энецкая
легенда. 98

Ася РУДИНСКАЯ

Родилась в 1959 году на Таймыре. Закончила Восточно-Сибирский государственный институт культуры. Живет в Хатанге, работает методистом отдела просвещения заповедника "Таймырский". Ее стихи печатаются на страницах окружной газеты, в коллективных поэтических сборниках, в альманахе "Полярное сияние".

Мы блуждали среди судеб, не ведая,
Что искали друг друга всю жизнь.
В лабиринтах надежд и неверия
Наши души стремились сойтись.

Лениво кружатся снежинки,
Ложась в подножье снежных гор.
Что мы с тобой две половинки —
Не поняла ты до сих пор.

Пройдет зима, и будет день,
Свою тоску ты спрячешь в тень.
И мы дорогою одной
Пройдем, обвенчаны весной.

Зима холодными глазами
Плядит уныло в никуда.
Но в сердце с первыми лучами
Растает льдинка навсегда.

Пройдет зима, и будет день,
Свою тоску ты спрячешь в тень.
И мы дорогою одной
Пройдем, обвенчаны весной.

Людмила ЗНАЕВА

Преподает в Норильском педагогическом училище психологию. Автор поэтического сборника "Одинокий силуэт". Стихи публиковались в местной печати, в альманахе "Полярное сияние", в сборниках "Гнездовье выюг", "Стихотворящая лоза". Лауреат литературной премии имени Юрия Бариева за 2000 год.

* * *

Я ухожу от вас, мои родные,
почти издалека, простите мне
ту детскую по маме ностальгию,
мой одинокий силуэт в окне.

А вам — покоя и в добре достатка,
еще, чтоб рядом не было меня,
ведь я заплатка на руду, заплатка.
Я сгусток темноты средь бела дня.

* * *

То ли плач, то ли хохот,
так случалось всегда:
за эпохой — эпоха,
за годами — года.
Очарованный странник —
это я или ты,
иль бродячий изгнанник
с отдаленной звезды.
Но неведомым млечным
остается наш миг,
то ли крик в бесконечность,
то ли вечности вскрик.
То ли плач, то ли хохот —
черный призрак беды.
Словно скоро эпоха
смоет наши следы.

* * *

К Великим Тетрадам
с великой любовью
от строчки своей откажусь.
Судьбы моей пряди
пропитаны болью,
в которой душою лечусь.
Больней и сильнее
студеность обвеет
под натиском вечной пурги...
А кто их заплатит —
по ветру развеет —
вселенские наши долги.

Нина КОВАЛЬЧУК

Родилась в 1949 году на Полтавщине. С 1980 года живет в Хатанге, работает инженером-синоптиком в Хатангском аэропорту. Стихи пишет давно, но больше "для себя". Ее стихи публиковались в окружной газете "Таймыр", в альманахе "Полярное сияние", в коллективных поэтических сборниках.

ОСЕННЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Окунаясь в далекое прошлое,
Натыкаюсь на пристальный взгляд
В увядающих листиках осени,
Что сквозь пламя, как птицы, летят.
И летят, и кружат желтым вальсом,
Исполняя его для двоих.
И проносится давнее счастье
Каруселью улыбок твоих.

Снова вижу пустынные улицы,
По которым мы бродим вдвоем.
Будто сами из собственной юности
В настоящее машем крылом.
Юность светлая, юность крылата...
Сумрак сада лучами прошит —
Там, в беседке, забытый когда-то
Томик Пушкина так и лежит...

С первым снегом поземок срывается
За троллейбусным темным окном.
Все уходит. И мысль возвращается
В мой желанный, мой нынешний дом.
Но не верю, не верю, не верю,
Что мы оба могли бы забыть:
В постаревшей садовой аллее
Томик Пушкина светлый лежит.

ЛЕТО

Отзвенело лето желтыми шмелями,
Травы — вкривь и вкось.
Как же ты жестоко поступило с нами —
Разбросало врозь.

Как посмело, лето, темными ночами
Счастье посулить?
Что ж не научило время беспечально
Поровну делить?

Как в высоком небе, синевой богатым,
Жаворонок пел!
И пленял беззвучно сочным ароматом
Золотистый хмель.

Радуга угасла в переливах света,
Липа отцвела.
Как же ты посмело разлучить нас, лето?
Ведь любовь была!

И сказало лето: "Разбирайтесь сами" —
Улетело прочь.
Лишь осталось чудо с серыми глазами —
Маленькая дочь.

КТО СКАЗАЛ, ЧТО
ВРЕМЯ ЛЕЧИТ?

Ну, кто сказал, что время лечит?
Оно лишь притупляет боль.
И остаешься, искалечен
Кровавой раной сквозной.

Ну, кто сказал, что время лечит?
Колодец памяти хранит
Тот миг, когда был изувечен,
А, может, попросту — убит.

Как часто память воскрешает
Слова, по сути — приговор,
И снова к сердцу подступает,
И душу треплет до сих пор.

И не вздохнуть, и слез не вылить,
Зови на помощь — не зови.
Пронзают горечью навывлет
Осколки призрачной любви.

А где-то тишина на свете,
Царят согласие и покой...
Ну, кто сказал, что время лечит?
Оно лишь притупляет боль.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Осень поздняя уверенно
Открывает в зиму дверь,
Все леса давно проверены:
Листьев нет уже, поверь.
Не кружит дорогой белою
Их цветная карусель,
И снежинки сели первые
На твой собранный портфель.

Осень поздняя задумалась,
Может, вспомнила весну.
И природа пригорюнилась,
Отошедшая ко сну.
Но не спят оконца школьные,
Притягательен их свет,
Там с диктантами, контрольными
Мы встречались столько лет.

Закругляется десятая
Осень школьная для нас,
Бередит разлуки датою
Наш одиннадцатый класс.
И глядят уже с грустинкою
На ребят учителя...
Осень поздняя, слезинками
Не тумань тревожный взгляд.

Не спешి звенеть метелями,
Попытайся бег унять,
Чтобы вовремя успели мы
Предстоящее понять.
Дай уйти из детства бережно,
Без болезненных потерь...
Осень поздняя уверенно
Открывает в юность дверь.

ВРЕМЯ ЛЕТНИХ ОТПУСКОВ

Над Хатангой апрель,
И первая капель
Несмело из-под крыш пошла гулять...
Веселый месяц май,
Нас в отпуск отправляй!
Но август возвращает нас опять.

Прощальный взмах руки,
Желаньям вопреки
Растаял в небе лайнер за рекой.
Дай, Бог, счастливый путь!
Теснит волненье грудь,
Но в августе вернешься ты домой.

Над Хатангой-рекой
Согласье и покой
Царит во время летних отпусков.
А нежная заря
В начале сентября
Приветствует вернувшихся домой.

НОЧНЫЕ ПЕРРОНЫ

Прощание пришло —
Мы на пустом перроне
Под необъятной ночью —
Последняя глава.
Сочувственно тихи
Вокзальные колонны,
А в горле застревают
Ненужные слова.

Ах, эти ночные перроны,
Ах, эта немая мольба —
Сегодня в последнем вагоне
Моя уезжает судьба.

Все кажется простым,
И внешне мы спокойны,
Как будто расстаемся
До утренней зари.
И быются рядом два,
Два сердца обожженных,
Но счет ведут минутам
Входные фонари.

Ах, эти ночные вокзалы,
Сплетенье прощальное рук,
Летающие в темень составы —
Предвестники встреч и разлук.

Еще остался шанс —
В любви свои законы...
Но вот подходит скорый,
В него садишься ты.
И красный огонек
Последнего вагона
Насмешливо мигает
Из темной пустоты.

Ах, эти пустые перроны,
Чужих хризантем лепестки,
Разлука печальной короной
Упрямо венчает виски.

Владимир КАНТАРИЯ

Родился в 1952 году в Грузии. С 1973 года — на Таймыре: Усть-Порт, Дудинка. Работал докером-механизатором. Первая поэтическая публикация состоялась в газете "Советский Таймыр" в 1979 году. Автор поэтического сборника "Верните мне мое..." (1994г). Регулярно печатается в альманахе "Полярное сияние". Лауреат литературной премии имени Огдо Аксеновой за 1998 год. Живет в Дудинке.

Я по осени брел
Меж личин безучастных
и хмурых,
Думу павшей листвы,
Как дурак, я тревожил
клюкой.
Я хватался за веко,
Как Юрка Бариев
за суры,
Я хватался за веру,
Но снова срывался
в запой.
Мне не надо богатств
И обглоданной кости
морали.
Я, прозрев, не узрел,
Что прозренья печально
мое.
Я ведь как-то писал,
Что лечу между
Гончими псами.
Я ведь вам пожелал,
Чтоб слетело
с лица воронье.
Я по осени брел
Меж личин безучастных
и хмурых...

Печаль — надуманная ложь.
Любовь — ободранная липа.
Поэт — пророк и вечный бомж.
Суть бытия — отвага крика.
Крути шарманку, дуралей,
Пожизненно в вагоне спальном.
Себе налей и мне налей
На полустаночке летальном.
Свята рассказанная бредь,
Смешны высокие персоны.
Нам всем придется умереть,
Кому в лаптях, кому в короне.

Я, сгоревший дотла
На ступенях небесного храма,
Не держал на вас зла,
И не шарил по вашим карманам.
Крест на теле носил,
И в крещении был православным.
Я вас, люди, любил.
Вам же это казалось забавным.

* * *

Стихи во мне кричали...
Я молчал.
А кто-то крикнул:
"Выдохся и спекся!"
А я не выдохся,
Я только жизнь начал.
А голос мой
От боли чуть осекся.
Я струны рвал,
Как сестры рвут белье.
Я струны рвал,
Как рвут с себя рубаху.
И зажившее металось воронье.
И душу я тащил, тащил на плаху.
А кто-то крикнул: "Выдохся!" И рад!
Добавил кто-то радостно: "И спекся!"
Но я то знал, что расцветал мой сад.
И кто-то крикнул... Крикнул и осекся...

* * *

Я не знаком с романтикой морей,
Мне по душе безбрежность
звездной дали.
Мне по душе осенние печали
И одиночество подъездных фонарей.
Я не знаком с романтикой людей.
Со скрипом снасти, с вывихом уключин.
Моей душою мир другой изучен.
Мир, обнаженный в зеркале огней.
Я не знаком с романтикой морей,
Мне ближе звезд веселое мерцанье.
И тень неуловимых кораблей –
Бродяг межзвездных вечное скитанье.

* * *

Мне было холодно. Я мерз.
Метафор бред был неожидан.
Тащили душу на погост.
И друг под зека был острижен.

Конец терпенью. В двери стук.
Начало и конец эпохи.
Ищу глазами сук и крюк,
Молясь на выдохе и вздохе.

Не отрекаясь от судьбы,
С судьбою заварил я свару.
Вы господа и вы рабы,
А я у вас седой волчара.

Владислав РЕШЕТОВ

Родился в 1972 г. в Дудинке. Образование среднее. По специальности электромонтер. Женат, двое детей. Стихи и песни пишет с 1996 года, сам их исполняет под гитару. Впервые публиковался в альманахе "Полярное сияние-2001".

Из цикла "Кромка света"

* * *

У тебя за спиной два веселых крыла —
Серафимов и ангелов знак,
Но к утру неизбежно сгораешь дотла
И, как в плащ, укрываешься в мрак.

И небесное скрыто до времени днем,
Позабыто, как вещие сны.
Так постылое время сгорает огнем,
Испаряется в танцах весны.

Забывая недели, как взмахи весла,
Удивляешься — что-то не так.
У тебя за спиной два веселых крыла —
Серафимов и ангелов знак.

НАПОМИНАНЬЕ

В забытых днях есть упование
На бренность непросветных дел,
И свято то воспоминанье,
Что чертит снов счастливый мел.
И звезды — как напоминанье
О вечности...и тленьи тел.

* * *

Мы с тобою пилигримы
В этой облачной тиши,
Упоительно ранимы
Сладким ядом для души.

Видишь, дождик неумело
Горизонтом в руки льет,
Шепчет ветерок несмело,
Скоро все уснет, уснет.

Я секрета не открою,
Звездных врат не отворю,
Только это нам с тобою
Ветер шепчет грусть свою.

Забываясь, нежной ночью
Будем в сонный мир лететь.
Все равно того, что хочешь,
В этой жизни не успеть.

Елена ЯГУМОВА

Родилась в 1949 году. В Норильске с 1986 года. Самая известная за пределами округа поэтесса. Ее стихи печатались в журналах "Октябрь", "Новый мир", "Москва", "Студенческий меридиан", в альманахах "Сура", "День и ночь", "Енисей", "Полярное сияние". Она автор поэтических сборников "Апокалипсис" (1998) и "Белая бессонница" (1998). Лауреат литературной премии имени Огдо Аксеновой за 1999 год.

* * *

Говорят, что лето было
где-то там, за гранью слез,
где по водам, как Христос,
солнце спелое ходило.

И несло на голове
полную корзину яблок.
Вслед луна кралась на запах,
шарить яблоки в листве,

вслед гроза со всех сторон
заходила, била залпом,
чтоб потом — монашкой — на пол —
рвать рубаху у икон.

И глядеть, как чей-то сад
в вихре птиц, в зигзагах молний,
самого себя бездомней,
шел, куда глаза глядят,

и срывал с себя листву,
и вслепую бился в стены,
и о стекла резал вены,
и ворочался во рву,

и ругался, и швырял
окровавленные ветки,
и плоды терял навеки,
и о них стихи орал.

Но на утро яркий Спас
потянул по саду тени,
и пошел по всей деревне
колокольный перепляс.

Говорят, греховный плод
в грозовую полночь слаще,
даже Дух животворящий
ночью яблоки крадет.

Кто о чем, я — о любви,
толкователь мне не нужен.
Сад внутри, а не снаружи:
хочешь яблок — позови.

* * *

Ходит, бродит — колобродит —
тундрой черная пурга,
всех сердец сейчас свободней
ее мрачные снега.

Заступила мне дорогу,
льдом ошпарила лицо
и пошла лупить свинцом
в душу, ангела и бога.

“Што ли” ей псалом пропеть ?
Как метет и в хвост, и в гриву.
Не до жиру — быть бы живу,
мне бы голос отогреть.

По живому узы рвет.
Что ей родственные узы,
прошивает насквозь друзой
боль, спрессованная в лед.

“Нету” дыму без огня,
слез без смеха не бывает.
По живому вынимает
Стужа душу из меня.

2002

* * *

Никуда не хочется идти.
Ты побудь со мной еще немного.
Постоим у млечного порога
на краю прозрачной литии.

Двери настезь. Теплый снег идет.
Боже мой, как улица бездонна!
Ты скрывал меня от глаз Харона,
своим сердцем запечатав вход.

Время исчисления имен
кончилось, храм гулко умолкает.
Где-то тут душа твоя летает
и колеблет пламя у икон.

Сквозь нее просвечивает сад.
Боже мой, как листья пахнут пылью,
полнолунием, степью и бессильем...
И из рук твоих в меня летят.

2001, декабрь

Сергей КУЗНЕЧИХИН

Член Российского союза писателей, редактор по прозе в альманахе "День и Ночь", редактор серии "Поэты свинцового века". Живет в Красноярске.

ЛЬДИНА

Шагов за триста от реки,
пригорок лысый проутюжа,
подмяв под брюхо листвяки,
она лежала в мутной луже,
словно огромная свинья,
которой лучшего не надо,
и пот катился в три ручья
по складкам глыбистого зада.
Дышала холодом и злом
в грязи завязшая гигантша.

И только голубой излом
напоминал о том, что раньше,
в поре беспечной и молодой,
когда влекли иные веси,
когда была еще водой,
она витала в поднебесье.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОДА

Палачи, работая ножами,
все-таки находят между дел
время, чтобы самки их зачали,
чтобы древний клан не оскудел.

Лишь бы только самка пахла пряно,
а палачье семя хоть куда,
выживет, пробьется, несмотря на
вредные условия труда.

Он ведь не какой-нибудь алхимик,
в нем мужик остался мужиком,
значит, быть наследникам лихими
от избытка крови с молоком.

ВОЛКОПЕС В ЗООПАРКЕ

Не волк, не собака,
но волка лютей,
глядит сквозь решетку
на праздных людей.
Из пасти оскаленной каплет слюна
и, кажется,
вот задымится она.
И капли слюны продырявят настил...
И страшно подумать,
что может настичь
тебя этот зверь на дороге пустой,
и серое тело из серых кустов
метнется, клыки заблестят, как ножи,
чтоб кровью утешить обиду на жизнь...
В глазах его слезы густые, как гной.
Сын пленного волка и суки цепной.
Дитя обстоятельств, где в роли царя —
не похоть овчарки, но прихоть пса,
и вот для того,
чтобы дать ему жизнь,
две злобы, две ненависти слились,
два страха, две страсти, вскипевшей весной,
презрения два,
и любви — ни одной.

* * *

До безумья — пужна
ты была мне вчера.
А сегодня —
чужая глухая нора,
но уютная,
хищная, как западня,
проглотила, без лишних усилий, меня,
и нет воли — желать приближенья утра...

Но как сильно нужна
ты была мне вчера.

Юлия ЛИСИЧКИНА

Родилась и выросла в Дудинке. Постоянный член клуба дудинских бардов. Неоднократный лауреат таймырских фестивалей авторской песни в Норильске. Ее стихи уже публиковались в окружной газете "Таймыр" и в альманахе "Полярное сияние" в 2001 году.

* * *

Все ищут равновесия в природе,
Хотят достичь высот в умении любить.
Все говорят, что зло теперь не в моде,
Не уставая это зло творить.

Все знают с детства истины простые
И что нужны волшебные слова,
Но ими шантажируют в порыве
Добиться своего. Права иль не права

Та женщина, что тратит годы
На поиски единственной любви?
И прав ли тот мужчина, внешне строгий,
Скрывая свою бархатность внутри?

Мы смотрим, а ведь очень важно видеть.
Мы слушаем, а важно слышать звук.
Мы говорим, и так легко обидеть,
Случайно спутав трусость и испуг.

Как отыскать среди людского моря
Достойных откровенья в трудный час?
И что же все-таки в известном споре
От всех невзгод оберегает нас?

Я знаю, что нас тянет к свету,
И убеждаюсь в этом вновь и вновь:
Достойна Красота пера поэта,
Но мир спасает все-таки Любовь!

* * *

Все промокло до нитки в зной.
Обмелело до дна в дождь.
Потеряло покой свой.
И безумная бьет дрожь.
Без эмоций и сердца в даль
Посмотреть бы тебе, река,
И увидеть, что где-то там
Ты вполне еще глубока.

Но не день пройдет и не два,
Слишком много воды утекло.
Твоей силы хватит едва
Быть прозрачной, словно стекло.
Вспомни ширь своих берегов
И теченья былую мощь...
А теперь острова валунов
Не покроет и ливневый дождь.

Не спеши сейчас течь вперед,
Ведь река без воды — бред.
Тебе кажется — это цейтнот,
И что выхода нет.

Доверься ветру, река,
Чтоб в кучевых облаках
Тебе над знойною мчать землею.
Потом прольешься дождем,
Чтоб новым стать ручейком,
Истоком силы, готовой к бою.
Трудно только на первый взгляд...
Сквозь сомнения всех подряд
Тишину разобьешь прибоем!

Не спеши сейчас течь вперед...
Доверься ветру, река...

* * *

Мне стыдно, потому что я не воин.
В который раз за счастье не борюсь.
И снова сам с собою остаюсь,
Последней нитью связанный с тобою.

Мне страшно, что известный лекарь ран
Залечит мою боль, тоску, тревогу,
Песком тяжелым занесет дорогу,
Что нас когда-нибудь вернула б нам.

Мне грустно, потому что я люблю
И потому, что именем рискую,
И помня, что всю жизнь искал такую,
Я оставляю здесь тебя одну.

Мне больно нежности прервать поток,
Не слышать голоса, не тронуть руку...
Но сквозь кошмарно долгий срок разлуки
Надежды чистой пронесу глоток.

181754

Таймырская
окружная
библиотека

Наталья БЛОХИНА

*Психолог-консультант, живет и работает в Норильске.
Ее стихи печатались на страницах местной газеты, в альманахе «Полярное сияние», в поэтическом сборнике «Стихотворящая лоза» (2001).*

* * *

Ты зря испугался любви моей —
Заботы, звонка, письма,
Вериги и сети безрадостны ей,
Легко отпущу сама.

Споткнешься — услышу, скажу: «Храни,
Храни тебя Ангел-Свет».
В тоске по любви пролетали дни
Бессчетным потоком лет.

Любовь, она дышит, поет, живет,
Не страшно ей быть одной.
И страстно я верю, любовь не умрет,
Она не умрет со мной.

Как ангел, босая, взмахнет крылом,
Легко полетит искать,
Найдет и начнет под твоим окном
Песенки распевать.

Знакомую песню услышишь ты вдруг
И голос узнаешь мой,
Ты нежный, но странный, испуганный друг,
Женщиной слабой — мной...

5.07.01

ПОЛДЕНЬ

Там стаи бабочек-капустниц
с цветка порхают на цветок,
какой-то птенчик неуклюже
свой робко подал голосок.

На солнце тело сладко тает,
нет сил, ума, сравнений, мер...
Под небом ласточки летают,
щебечут трепетное «ЭР».

Белее мела, снега —
пышно
плывут и тают облака,
так грациозно, еле слышно...
А тело просит ветерка.

И до земли склонила слива
все ветви с тяжестью плодов,
ждет облегченья терпеливо —
вздыхнуть от праведных трудов.

Роман СОЛНЦЕВ

Родился в 1939 году. С 1965 года член Союза писателей России. Автор ряда сборников прозы и поэзии. Печатался и в альманахе "Полярное сияние". Живет в Красноярске.

ЛАЙКА

Словно вор, не бегают амбарами.
 Будто сахар, светится мой друг.
 От собаки, освещенной фарами,
 на снегу родится белый круг!
 Пес хозяина жалеет хмурого,
 греет пышным боком на ветрах.
 Не боится он медведя бурого,
 лишь себя — в квартире — в зеркалах!

НОРИЛЬСК

Нарастает холодный презрительный свет
 заполярного снега.
 В тундру выйдешь — вернешься ли, бледный поэт?
 Там лишь мертвому нега.
 Там наклонные кольца торчат и кресты,
 тронешь — сыплется пеплом...
 Там не солнце, а кто-то глядит с высоты —
 себя чувствуешь беглым.
 Ты скорей к океану летишь... чтоб темно —
 очи синие жмурия...
 Там тебя превратит в ледяное бревно
 ледовитая буря.
 Но достанут тебя изо льда, из тоски,
 сунут в самые углы
 старикашки-синоптики и моряки,
 их седые подруги...
 Лето краткое здесь, как будильника звон.
 Вскрикнул цветики разом —
 и наотмашь чернеет опять горизонт,
 словно выбитый сглазом.
 Были птицы — во тьме лишь один самолет
 кружит, крыльями прядая...
 И ружье из-за сопки безумное бьет.
 Спирт всемогущ, как правда.
 И приходит зима, всем родная, как мать,
 словно счастье ночлега...
 И тебя он не может уже испугать,
 свет презрительный снега.

ТАЙМЫР

Сергею Лузану

Ты помнишь ли свечение небес
 на севере всю ночь, и ржавый лес
 июньской тундры, и плаксивый звон
 мошки и комара, кривой бетон
 нетающего снега, и балок,
 где от тоски ты умереть бы мог?...

Но в час иной вдруг виделись вдали
 зеленые, как рожи, корабли,
 и красные, как угли, города...
 Ты понимал: не близко, не беда.
 Но твой приемник ржал и хохотал,
 во тьме светились пластик и металл.
 И в страхе уповая на Творца,
 в окне ты видел лысого песка...

Какой же силы там, на островах,
 взорвали нечто?... Приплывал рыбак,
 эвенк с ружьишком, спрашивал: "Там се?"
 Ты отвечал с усмешкою: "Усе".
 Играет вечность светом в небесах...
 Вы пили водку. Выхватив тесак,
 строгал он рыбу, мех тебе дарил.
 Он русского за все благодарил:
 за школы и за порох, за кино,
 хотя туда не ездит он давно...

И ты в душе его благодарил,
 что не убил тебя, не схоронил.

КАРТИНКИ СЕВЕРА

1.
Мгновенно одеваются деревья,
мгновенно все сверкает и цветет,
и вот уж птицы кружат в отдаленье —
пора на юг, с птенцами в перелет.
И вновь зима, замешанная с тьмою...
Но есть покуда счастье — ты со мною.
2.
И вновь зима, помешанная с тьмою.
Сплошное электричество, мороз...
От волчьего иль ветрового воя
за стенкою от страха бьется пес!
Там песик малый, бритая болонка...
Соседка тварь целует, как ребенка.
3.
Тоска, тоска! Гостиничные пьянки.
Засохший хлеб, вина и дыма смрад.
Ботинком на подушке, словно янки,
сидит и курит новый депутат.
И местная нагая поэтесса
взирает на него без интереса.
4.
Открылось небо — синее, как смерть.
И взмыли самолеты, вертолеты.
Начальнички спешат — в пылу охоты
забыться, в небо пострелять успеть.
Но вот и повезло — взирает хмуро
на всех живой башкой медвежья шкура...
5.
“Мы дети эзков, белых человек.
А ты откуда, загорелый друг?”
Соотношенье сил пораскумекав,
обходит местных прилетевший юг.
Но все ж придется брать от сухогруза
кровавую ухмылочку арбуза.
6.
Здесь, говорят, и Лемешев на сцене
певал — и гостю потрясенный зал
к ногам выкатывал в знак восхищенья
бутылки спирта, спички, драгметалл
взамен цветов... Но редко в Заполярье
людей подобным счастьем забавляли.
7.
Наш дом стоит на сваях, и рокочет
под днищем дома снежный ураган...
Но в клетке синий попугай хохочет,
осипший, как бывалый уркаган.
И в сизом телевизиорном экране
Москва кривится, словно на вулкане.
8.
Люби меня! И я тебя навеки...
Хоть век наш краток, не длинной ремня...
Здесь только в цехе огненные реки
напомнят Волгу на закате дня.
Но уж зато напишешь на снегу
“Люблю” — навек останется, не лгу!

Геннадий КУЗНЕЦОВ

Родился в Тамбовской области. С 1992 года живет в Норильске. Работает в отделе снабжения. Его лирические стихи и стихи для детей публиковались в периодических изданиях Норильска, Тамбова, Мичуринска, в альманахе "Полярное сияние".

* * *

Пока не высохло перо
И блеск чернил так осязаем,
И лучезарное тепло
В глазах твоих сияло раем,
Порой куда-то уходил
Так далеко в себя, до края,
И, пустоту осозная,
Я края там не находил.
Нас по течению несло,
Тела о камни ударялись,
И дни летели, повторялись.
Ты помнишь? Что-то нас спасло.
А ты молчишь. Молчи, я знаю.
Я ту же боль в себе несу
И те же истины вкушаю.
Как почва утром пьет росу,
Мы пьем вино из общей чаши,
В нем мысли дерзкие слились.
Резным узором пальцы наши
На чаше той переплелись.
Пьянит вино, как сладкий мед,
Мы безвозвратно понимаем:
Нас эта чаша жадно пьет,
И крыльев нет, но мы летаем.
Быть может, нам все только снится,
Глаза твои сияют раем,
Весь мир за радугой ресницы,
И блеск чернил так осязаем.

* * *

Осень, боль, ожоги лета,
Дверь, открытая ветрам,
Голоса, за желтым цветом,
Воробьиный тарарам.
Под навесом старой крыши
Шифер, разогретый днем,
Остывает, только дышит
Вечер ласковый на нем.
Скачет сонная лягушка,
Влажным брюхом стежку бьет.
Кошка с именем Старушка
Молоко парное пьет.
У крыльца лежит неловко
С катафоном самокат,
Это бросил его Вовка
В тихий желтый листопад.

ДВА КОТЕНКА

Два котенка на заборе
Жмутся теплыми боками
И следят за облаками.
Небо плещется как море,
Облака бегут волнами.
Два котенка лижут лапки,
В сонном прищуре зевая,
И на серых лапах тапки
В море облаков макают.
Шепчет ветерок устало,
Молоко лакая с блюдца,
Солнце в небе заиграло,
Глазки у котят смеются.

Ольга ЛОШКАРЕВА

Родилась в Дудинке в 1982 году. Пробует себя в разных журналистских жанрах, публиковалась на страницах окружной газеты "Таймыр". В 2000 году стала победителем литературного конкурса "Наш дом — Россия". Ее стихи под рубрикой "Дебютанты" напечатаны в альманахе "Полярное сияние-2001".

ДЕТИ ЧЕЧНИ

Война в Чечне, и в памяти восстанут
Дома горящие, солдат бегущих полк,
И крошка-девочка братишку в угол тянет,
Неправда, что "не страшен серый волк".

Вот он бежит в шинели нараспашку,
В руках зажав зловеший автомат,
И падает, как кукла-неваляшка,
Сраженный пулей вражеский солдат.

Вот он стоит, в противника прицелясь,
Давно не видя радужные сны.
Неважно, кто он: русский иль чеченец,
Важнее правда горькая войны.

Зачем, не понимаю, на планете
Бессмысленные боины начинать?
Когда весь ужас драки видят дети,
В пять лет услышав слово "умирать".

И детям непонятно, кто на свете
Послал людей друг друга убивать?
Они не знают, кто теперь в ответе
За слезы, что ночами льет их мать.

За голод, что закрался серой мышью
В их мирный дом, за то, что без конца
Раскаты грома слышатся над крышей,
За черный гроб убитого отца.

Их детский мир, нечаянно разбитый
Навек рукой тирана иль глупца,
Не воротить на прежнюю орбиту,
Как не вернуть погибшего отца.

Война пройдет, и люди вдруг заметят,
Как повзрослели лица тех детей,
И зададут вопрос: "А кто в ответе
За души искалеченные те?"

НА ДЕТСКОЙ ПЛОЩАДКЕ

И вновь я прихожу сюда,
И вновь качаюсь на качелях.
Здесь дни беспечные летели,
Сплетаясь в светлые года.

То вверх, то вниз опять лечу,
То небо! То земля! — Как в сказке.
Я детства радостные краски
В полете воскресить хочу.

А ветер песню мне поет,
А ветер тот же, что и раньше:
Без злости, зависти и фальши.
Пусть я не та, а ветер тот.

Геннадий МЕДВЕДЕВ

Родился на Урале в 1949 году. С 1972 года живет в Дудинке, работает электромонтером в АО "Норильскгазпром". Стихи пишет с 1995 года. Публиковался в газетах "Таймыр", "Вечерний Челябинск", в журнале "День и ночь", в альманахе "Полярное сияние" 1998, 2000, 2001 годов. Увлечения: музыка, живопись, видеосъемка.

В уединении выходишь из воды.
Янтарный луч на влажной замер коже.
Случайное явление красоты —
И в мире нет видения дорожке.

Твой взгляд вдруг что-то привлекло,
И вздрогнула рука, как робкое крыло
Весенней птицы.
Лицо, напрягшись, стало строже...

Случайно я, случайно ты,
Из утренней вселенской пустоты.
А на душе тревожно и светло.
Пора любви. Тепло, тепло, тепло.

Новый век! Мечты, надежды.
Взятки, выборы, невежды.
Храмы, в небо перезвоны,
Золоченые иконы.
Банки, доллары, сберкнижки,
Беспризорные мальчишки.
Террористы, слезы, взрывы,
Благородные порывы.
Проститутки, бедность, стрессы.
"Джипы", "Форды", "Мерседесы".
Роскошь, золото, фуршеты.
Хамство, чванство и поэты.

Кусты, вздымая шевелюры,
Шумят и стонут до утра.
Трава, готовая к аллюру,
Никак не вырвется. Ветра
Нагнали смутные печали,
С унылым, пасмурным дождем.
Тоску порой не замечашь
Среди людей, но вот вдвоем...

Ночь сумрачно вползает в окна,
И постоянно заражен
Осенний воздух чем-то плотным
И раздражающим... Сожжен
Цвет зелени багряными мазками.
И боль в глазах твоих, и страх,
И, с подсознанием не в ладах,
Чего-то ждем, не зная сами.

Мы осенью с тобой обожжены,
Отведав ледяной, пьянящей браги.
И в холоде прорвавшейся луны
Блестит щека в дорожках влаги.
Слеза, как озеро, дрожит —
Под лютыми, холодными ветрами.
И я дрожу. А ночь летит
Сгоревшими закатами меж нами.

Надежда МОРДАСОВА

Публиковалась в "Заполярном вестнике". Ее стихи
вышли в юбилейном итоговом выпуске (с 1994 по 2001)
журнала "День и Ночь" (Красноярск), а также в
сборнике "Стихотворящая лоза" (2001), в альманахе
"Полярное сияние". По профессии — психолог-
консультант. Живет и работает в Норильске.

* * *

Подслушала пророческие песни
у птиц, кружащих в белых облаках,
летит по ветру мой ничтожный прах,
но будет день, в котором я воскресну.

И будет встреча, светлая, как миг,
который в прошлой жизни нас венчал
и плакал,
и солнце нес в руке своей, как факел,
блаженный ангел — юноша — старик...

Мой вечный сон уносит далеко
картинки жизни.

Я их подглядела.

Душа моя уходит в чье-то тело.
Я умираю тихо и легко.

* * *

Не знающие мрак не ценят света.
В звенящей тишине пьянящей тьмы
бредет душа усталого поэта
к слепцу, поющему псалмы.

В его глазницах — неба отраженье,
а на губах — извечной ночи дым.
Он видит Истину, не видя прегрешений.
Поэт идет, как в Иерусалим.

Он не найдет пристанище земное,
но, глядя в день сквозь утреннюю мглу,
слепец увидит небо голубое,
что к ночи превращается в золу.

* * *

Веселый седой художник
углем рисует портреты
детей. А прочих прохожих —
окурком своей сигареты.

Легко — на едином взмахе —
улыбка, глаза и — росчерк.
"Кто следующий на бумаге
увековечиться хочет?"

Монеты сыплются звонко
в коробку из-под ботинок,
топлятся зеваки, пригревшись
под первым апрельским солнцем...

"Зачем ты рисуешь прохожих
окурком своей сигареты?"
"Зачем тебе эти монеты,
веселый седой художник?"

Горько в ответ усмехаясь,
веселый седой художник
уносит свою коробку,
уходит прочь от прохожих:

вчера у него умер сын.

Сергей ПОПУГАЕВ

Родился в 1958 году в Керчи. В Дудинке живет с 1972 года. Он инвалид, но глухота не мешает ему слышать и понимать ритм жизни. Его стихи публиковались на страницах газеты "Таймыр", в альманахе "Полярное сияние" 1999, 2000, 2001 годов.

* * *

Быстро мчатся по небу тучи,
Ветер студит лицо и руки...
Почему я такой везучий
На потери и на разлуки?

Почему же, как дождь, унылы
И прочны, словно осень, думы,
И предметы вокруг постылы,
Да и люди везде угрюмы?

Мне близки эти дождь и слякоть,
Я осеннюю грусть приемлю.
Мне бы с осенью вместе плакать,
Орошая слезами землю.

Мне бы вместе с дождем чистой
Постучаться в твоё окошко,
И из осени серой, мглистой,
На тебя посмотреть немножко.

Мне тебя не хватает очень.
Я — один и нельзя иначе...
Ходит, бродит по сердцу осень,
Ветер мокрый в березах плачет.

Ты себя не терзай, не мучай
И с тоской не смотри на двери,
Ты ведь знаешь, что я везучий
На разлуки и на потери...

* * *

Кончается лето на грешной земле,
Проходит пора дней веселых, горячих...
Россия! Я сын твой, заблудший во мгле
Глухих тупиков, переулков незрячих.

* * *

Никогда ничего не вернуть,
Как на Солнце не выгравить пятна.
И в обратный отправившись путь —
Никогда не вернешься обратно.

Эта истина очень проста,
И она, словно смерть, непреложна —
Можно в те же вернуться места,
Но вернуться назад — невозможно.

ФОРМУЛА ЖИЗНИ

Бывают минуты сродни черной ночи,
Что хочется даже по-волчьи завывать.
Я, может, и вою, но только не очень,
Ведь что-то и ночи черней может быть.

Я тоже страдаю, коль жизнь вдруг закружит,
Когда так и хочется руки сложить,
Но я понимаю — бывает похуже,
И может покруче еще закружить.

Но если в болоте красивенькой фальши
Пытаются правду мою утопить,
Терпению точка! Куда уже дальше?
Вот с этим себя не могу примирить.

Не будет согласия с хитрым и грубым,
С бесстыдным нахалом, коль скрестится путь!
Я тоже умею показывать зубы,
И дерзости хватит, чтоб не отвернуть.

И в бедах, в потерях не выдохну стона,
Мне путь освещает с мудрейших высот
Та надпись на перстне царя Соломона,
Та формула жизни: "И это пройдет..."

Светлана САЛАЙКИНА

Работает на Норильской обогатительной фабрике. Ее стихи печатались в газете "Заполярный вестник", в альманахе "Полярное сияние". В 2001 году стихи ее вошли в сборник "Стихотворящая лоза".

* * *

Ночь опускается на Землю,
и свежих запахов волна
идет с полей и от реки.
Она таинственно блестит,
играет медленной водой.
Ложатся тени,
 и сверчки
берут послушные смычки,
концерт скрипичный тешит слух,
лягушки вторят там и тут,
и ветер трогает листву,
но в высь летит...
Мой взор за ним...
И вот
 открылась бесконечность —
созвучье, таинство миров...
Величье Космоса и смысл
в мое сознание проникают,
и чутко сердце отмечает
единства миг...
Так замереть —
но вдруг очнуться:
туман струится вдоль реки...
И я шепчу далеким звездам:
"Моей душе светло в ночи".

* * *

В последних числах сентября,
по тундре весело блуждая:
молчали,
 слушали,
 смотрели,
не верили своим глазам.
Брусничник цвел,
а на кустах раскрылись почки —
беспомощные желтые комочки.

Как объяснить каприз природы,
которая себе ль в угоду,
иль просто так
нам подарила это чудо —
весны причуды.
И, ничего не понимая в явлении этом,
заговорили о таинственных приметах.

Но снег пошел,
и зябли почки,
и стало холодно рукам —
брать ягоды,
держат в ладонях,
и подносить к твоим губам.

Евгений ТОЛМАЧЕВ

Родился в 1949 году в Донецкой области. На Таймыре живет с 1981 года. По профессии — инженер-электромеханик. Работает в "Норильскгазпроме" вахтовым методом. С 1986 года. живет в Дудинке. Его стихи публиковались на страницах газеты "Таймыр", "Заполярный вестник", в журнале "Факел Таймыра", в альманахе "Полярное сияние".

* * *

Вот и Сентябрь. И лиственный узор
Уже на кленах медью окантован,
И воздух пахнет спелой грозой
И полинявшим розовым бутонем.
Уже Сентябрь, и по течению дня
Плывет мой дом, и сад, и паутина.
И вспоминает Прошлое меня,
И хочется любить и быть любимым.

ПРЕДЗИМЬЕ

Копошатся листья под ногами,
Как живые, капли жмутся к куртке.
По пустынным улицам блуждая,
Собираю осень по минутке.
Собираю... Только где отыщешь
Те мгновенья, светлые подарки?
Сильный ветер в переулках рыщет,
Забегая в дворники, под арки.
Что найдешь там, кроме буйства ветра,
Кроме синей предноябрьской стужи?
Только сумеречные рассветы
Да закаты, втоптаные в лужи.
Былью, небылью мерцают листья,
Пестрым шлейфом шелестят, волною.
Словно прошлые слова и мысли
Неотступно следуют за мною.

ПОГАСЛА ЗВЕЗДА!

Не был вождем народа
И мудрым, как Сократ,
Не носит его имя
Открытый длинный ряд.
Ушел он очень тихо,
Не потревожив сон,
Когда туман окутал
Манящий свет окон.
История стяхнула
Золу с уставших век,
Как будто не заметив,
Что умер человек!
А утром небо смыло
Слезой его следы,
Когда недосчиталось
Одной своей звезды....

Алевтина ЩЕРБАКОВА

Родилась в Норильске. Работает в тресте Управления строительства исполнителем оформительских работ. Публиковалась в местной печати, в альманахах "Сура", "День и Ночь", "Полярное сияние". Подборка ее стихов вошла в поэтический сборник "Гнездовье вьюг". Лауреат литературной премии имени Огдо Аксеновой за 2000 год.

Из цикла "Дружеские шаржи"

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СЕРГЕЮ ЛУЗАНУ
ОТ ЖЕНЩИНЫ, СОШЕДШЕЙ С
ПОЛОТНА РЕНУАРА

*"Продам, так и быть, бесконечность мою!
Ей первой. Она с полотна Ренуара".
Сергей Лузан*

Я медленно вдохну холодный, хрупкий воздух.
О! Как я не хочу в реальность лжи из сна!
И над тобою пусть слегка поблекнут звезды —
Порочны, знаешь сам, излишества всегда.
А помнишь, как давно был в помощь южный ветер,
Ты наколот дрова, патроны зарядил,
Потом устало ты, прикрыв руками веки,
Признался: "Никогда нормально я не жил!"
Вот, вот! И я о том. А жить-то надо проще,
Ты ж хочешь, чтобы днем сонеты Бог читал,
И стыдно всем сказать, что было прошлой ночью:
Твой вечный, тихий вой по стеклам вниз стекал,
Качался, будто в такт поверхности планеты,
Рассохшийся совсем с тобою вместе стул,
И складывал в уме ты сердцекилометры,
А с улицы Пегас окошко вдруг лизнул!
И колокол гудел под вашей общей шкурой,
Что(!) услышала я из ваших общих уст! —
Над столиком чадил испуганный окурок,
Пространство вымерзло, был слышен чистый хруст!
Пегас тебя поил напитками скитаний.
Ты набело творил — долой черновики!
Ты Вегу воспевал, твердил о Хорасане,
И был готов идти пасти материки!

Прости, брат! Не нужна твоя мне без(!)конечность,
Которая плюет на это и на то!
Во мне сам Ренуар сосредоточил вечность.
Прощай, брат! Мне пора к себе на полотно.

*К сему, уважающая и любящая тебя
СОШЕДШАЯ*

Из цикла "Дружеские шаржи"

* * *

"Я от пальто пустые рукава..."
Галина Летагина

Я от пальто пустые рукава,
Я петелька от вывязанной кофты...
И множество еще услышишь слов ты,
Но помни, милый, это лишь слова.

Я форточка, разбитая тобой,
Носок, надетый пяткою на пальцы,
Я ткань, тобой распятая на пальцах,
Пришитая к тебе твоей иглой.

Еще я шляпа на твоих ушах
(Заметь, я про лапшу не намекаю),
Я ничего тебе не предрекаю —
Ни взлет немислимый, ни скорый крах.

Я от пальто пустые рукава,
Я петелька от выношенной кофты...
Мой милый, не устал еще от слов ты?
Еще в запасе есть их у меня!

ПРОВАЖАЯ В. Е. К.
(ВАЛЕРИЯ ЕФИМОВИЧА
КРАВЦА)

Когда-то он писал, что не уедет,
Что уезжать отсюда — просто грех,
И кто твердит об этом — просто бредит.
Ну как посметь оставить этот снег!

Ну а потом писал про оголтелость,
Про вой пурги и вой людей иных,
И что его свалила "расхотелость"
В сих злых краях, к тому же ледяных.

И вот уже на прокаленном насте
Не зрит он путеводную лыжню,
И все свое арктическое счастье
Везет по подмосковной авеню.

Но пред грядущим он не безоружен —
Оно встает из-за его спины,
И не безмолвием, и не полярной стужей —
Нам два крыла видны со стороны.

Марк ХАСДАН

*Родился в 1926 году. С 1943 года живет в Норильске.
Кандидат технических наук. Публиковался в поэтическом
сборнике "Гнездовье вьюг", в альманахе "Полярное
сияние". В 1999 году вышла книга его стихов "Айсберг".
Лауреат литературной премии "Вдохновение" за 2000 год.*

* * *

Не гремела божья гроза,
не ревела яростью медь,
но сказали что-то глаза
перед тем, как остекленеть.

Согласиться я не могу,
что душа наша — горсть песка
иль подкошенный на лугу
стебелек у стены леска.

Но занозы божеских искр
не дают душе закоснеть,
и ответит она на иск,
где была и где будет впредь.

* * *

Куда-то вглубь уходит фон забвенья
и выше благородная сосна —
проросшая корнями глубина,
кора в морщинах прошлого волненья.

Со-чувствия, со-знанья, со-жаленья
неумолимо-острая блесна
впивалась в горло бдения и сна
и вырывалась кровью песнопенья,

я с этим выстрадавшим, дорогим,
без тени сожаленья распростился,
оставил на поверхности, другим.

Но что я утаил и где укрылся?
Лишь смерть свою не отдал никому
и ранами ни с кем не поделился.

ПСАЛОМ 151

Из бездны, Господи, к Тебе взываю,
изринь меня из бездны и спаси,
и в горнюю обитель вознеси,
я здесь скорблю, томлюсь и погибаю.

И воды темные дошли до краю
и поднялись уж до моей души.
Ты зло, Господь великий, сокруши,
на Твою милость только уповаю.

Ты дней моих опора до конца,
и от начала дней моих опора,
я никогда не отвращу лица

и голоса от славящего хора.
Оплот единственный мой Ты, Господь,
судья и дум моих, и разговоров.

13 марта 2001г.

Валентина ЗАВАРЗИНА

Родилась в 1947 году на Алтае. Окончила Киевский государственный университет, получив профессию журналиста. Стихи и проза публиковались в сборниках "Белый олень Серэко", "Город белых ромашек", в журнале "Северные просторы", в альманахе "Полярное сияние". Живет и работает в Дудинке.

МОЙ РАССВЕТ

Сквозь тягучую ночь, сквозь белесую мглу
Я пытаюсь увидеть рассвет.
Не от серости плачущий день на углу —
Свету гимн, величальный сонет.

Чтобы праздником в душу, теплом на траве,
Отражением неба в озерах,
Одеяньем забвенья вечерней сове,
Ликованьем в скворцовых спорах.

Я раздвину плечом, я откину рукой
Покрывало тяжелого мрака,
Опалю его дышащей зноем строкой,
Растоплю до прозрачного шлака.

Словно тралом со дна из далеких широт
Я рассвет подниму над землей.
Не тоскливый денек от небесных щедрот —
Страстью жизни наполненный мной.

18. 03. 2001

УТРО

Ультрамарин и кадмий, на востоке
Соприкасаясь, не сольются в фиолет.
И будет утро. И в его истоке
Родится день в сверканье эполет,

Звонящий шпорами, закружит в вальсе
И ветер, и листву, и чей-то зов...
Струна откликнется на ласку пальцев
Аккордом света из тумана снов.

* * *

Межсезонье сменилось летом,
И не надо грустить о нем.
По зеленым его билетам
Принимает аэродром.

Птичий щебет — сигнал для взлета,
Первый дождь на твою ладонь...
И тепла безразмерная квота,
И земли материнской стон.

Хочешь, крылья подарит ветер,
А река на волне качнет...
Отодвинув ласковый вечер,
Белой ночи восстанет свод,

Искушает в рассветных росах,
Щедро ягодой одарит...
Без ответов задаст вопросы,
Без отдачи — любви кредит.

Быстротечно, разбито в клочья —
Это правда. Сжимает грудь.
Потому серебристой ночью
Не забытья и не уснуть.

...Аплодируют листья свету...
Восторженно грохочет гром...
Вот пришло оно, наше лето.
И не надо грустить о нем!

* * *

Солнце-лодка на веслах-лучах
Над бурунами облаков.
Далеко позади причал
И неведом родимый кров.

До ближайшей звезды-сестры
Даже лучиком не достать...
Две галактики — я и ты,
А меж нами — бездонная падь.

Не увидеть зрачков мерцанье,
Не почувствовать ласку рук...
Я придумаю — и поймаю
Еле слышимый зова звук.

Через холод и мрак извечный
Я услышу и обернусь,
И душа запылает свечкой,
И спадет одиночества груз.

Я представлю — на солнце-лодке
Мы с тобой в океане дней.
И не надо карты и сводки,
И не надо судна верней...

Виктор ВОЩЕНКОВ

Родился в 1944 году в Смоленской области. Поэт, журналист. Работал в Якутии, Таджикистане, на Ямале, в Красноярске, в Калининграде. Печатался в газетах и журналах. Член Союза журналистов России. Его стихи публиковались на страницах газеты "Таймыр", в альманахе "Полярное сияние". Автор поэтического сборника "Три судьбы". Долгое время жил и работал в Дудинке, в настоящее время выехал на "материк".

* * *

Пахнет тундра морозом и инеем,
Свежим мартом и ранней весной,
Той весной, где глаза твои синие,
Как два неба, взошли надо мной.
И пускай по-полярному стылая
Замела нашу встречу метель —
Не беда, я вернусь к тебе, милая,
И цветами укрою постель.
Губ коснусь первым робким подснежником,
Разожгу за окошком зарю,
И тебе, моя добрая, нежная,
Эту звездную ночь подарю.
И пускай выюги яростно бесятся,
Свежий март снова бродит в крови,
И весна ворожея-предвестница
Что-то шепчет о давней любви.

* * *

Меня редко балует удача,
Но я все же надеюсь до слез,
Что однажды приду и вздохмачу
Теплый дым твоих нежных волос.

Встречу солнечный взгляд с удивленьем,
Все обиды и боль отведу
И к твоим загорелым коленям
Я усталой душой припаду.

Ну, а большего мне и не надо,
Лишь бы снова остаться вдвоем,
Замирать от любимого взгляда
И дыхание слушать твое.

Я синим ветром стукну в твои двери,
Продрогшим солнцем в руки упаду
И, веришь ты тому или не веришь,
Зажгу в окошке раннюю звезду.

Разгульным мартом пробегу по крышам,
Взломачу кудри зябнущих антенн
И ту одну, что много лет не пишет,
Я снова захвачу в весенний плен.

Пушистым снегом трону ей ресницы,
Лучом закатным лягу на кровать,
Чтобы однажды ночью ей присниться
И золотую прядь поцеловать.

Как понять эту вечную связь
Между нами и северным небом,
Что сегодня опять пролилась
Светом звезд, тишиною и снегом.
Где рождается вечность и миг,
И при смене сияющих пятен
Видишь древнего идола лик,
Ну, а может...и Божию Матерь...

Прости меня — за тот далекий март,
За небо с заревыми облаками,
За синий след давно пропавших нарт
Сквозь нашу растревоженную память.

За те слова, что раньше не сказал,
За женщину с лебяжьими руками,
Чьи вольные бездонные глаза
Светились неземными родниками.

За ту дорогу и за ту метель,
За тот упавший на распадок ветер,
За те цветы, что бросил на постель
Я... не тебе когда-то на рассвете.

... Прости за то, что мучаясь, любя,
С тех давних пор, с того бывшего марта,
Во всех ищу одну тебя,
Ушедшую бесследно, безвозвратно...

Александр ЗБОРЧИЛА

Родился в 1980 году. Учится в Ленинградском государственном университете им. А.С.Пушкина на факультете психологии. Работает дамским мастером-парикмахером. Самодельный автор и композитор, неоднократный лауреат таймырских фестивалей авторской песни. Живет и работает в Дудинке. В альманахе "Полярное сияние" публикуется впервые.

* * *

Я вышел из себя и стал необъясним,
Как шар, растущий и безмерный,
Чуть серый, тусклый, эфемерный,
Окутанный в тончайший дым.

Я шаром стал и стал немислим.
Упругий, словно виноград,
Я уходил в глубокий ад,
Вращаясь, возвращаясь к жизни.

И округляя суть вещей,
В себе все расширял, вбирая
Ту часть себя, что слишком злая,
В предел нервозности моей.

Я шаром стал, но был ли я?
Когда округлости к лицу мне,
Я становлюсь еще безумней
И выхожу из недр себя.

ОСЕНЬ

Позирует томно художнику осень,
Пуская по ветру свой рыжий наряд.
И листья, верша бесконечный обряд,
Над облаком, в луже, танцуют...Осень...

И снова над нами летают амуры,
И жгучее пламя осенних стихов.
А я смог уйти от своих же оков,
И я задыхаюсь от этой натуры.

А я наслаждаюсь безумием ветра,
Вздыхаю, вливаюсь в пейзаж красоты.
И кружится разум от этой мечты,
И кружатся листья в небесности где-то...

Прощальная песня, последняя стая –
Предлог для зимы и суровости дней,
Возможность поверить, что где-то теплей.
А я уж собрался, я в осень взлетаю...

ЗИМА

Уже зима раскидывает платя,
Венчальным белым кутая асфальт.
Летят снега с барханистой статью,
И в унисон душе играет алыт.

На вихри нот мои ложатся строчки,
Смешав свет музы добела с душой,
Открыв всем двери в тайные мирочки,
Что сотворял меж небом и собой.

А на снежках столь вечного ненастья,
В хрусталиках нелеповатых лет,
Все пишется портрет любви и счастья,
Которых будто бы на свете нет.

Уже зима, и стих сменяет проза.
Наверно, в этом всем зимы удел.
И шиповатые снежинки пахнут розой.
О снеге белом пишет черный мел.

Юлия ВОЛКОВА

Родилась в 1970 году в Норильске. По образованию филолог. С 1997 года – корреспондент газеты “Таймыр”. В альманахе “Полярное сияние” публикуется впервые.

* * *

Вопрос “Любовь?” напрасно вновь
Себе я задала.
Ведь если то была любовь,
Зачем она была?

Январь, 1990

* * *

Велев: “Уйди!”, забыл сказать, где дверь.
И зол теперь, что все еще я рядом.
Так выпусти, сама сбегу, поверь!
А, впрочем, нет. Не выпускай. Не надо.

Февраль, 1990

* * *

На щеке — оранжевое море.
Губы — как обертка от конфеты.
Сотнями нелепых историй
В волосах запутанное лето.

А в глазах — встревоженный котенок,
Коготками выгнуты ресницы.
И теней узор пуглив и тонок —
Твоего лица чужие лица.

Июнь, 1990

* * *

Уехал, и привычно вновь
Я вслед тебе рукой махнула.
Как платье лучшее, любовь
Повесила на спинку стула,
Дверь затворила за тобой
И стала жить: скучать, смеяться,
Не споря с ветреной судьбой,
Легко встречать и расставаться.

Но стоило тебе на день
Один помедлить с возвращеньем,
Мне вдруг и сразу стало лень
Чему-то придавать значенье.
Чтоб злое время скоротать,
Я прежнюю любовь надела.
И стали крылья прорастать
Из недоверчивого тела.
На них я в небо поднимусь,
Таких блестящих и бумажных...
Не бойся, я не разобьюсь.
Мы разминемся — вот что страшно.

Март, 1999

* * *

Шел снег. Скучали облака.
А взгляд был солнечным до вскрика.
От золотистых этих бликов
Казалась рыжею щека.
Он мне сказал: “Вы лучше всех,
Но мне, увы, нужней другая”.
Послушно головой кивая,
Я шубы теребила мех...
Работа. Женщина. Друзья...
Он прав, я это понимала.
Но все никак не умирала
Ненужная любовь моя.

Март, 1999

* * *

Апельсины пахнут радостью —
Подари же хоть один!
Теплым солнышком оранжевым
Ляжет в руки апельсин.
Если озорства и нежности
Вкус захочется узнать —
Рот мой сладкий, апельсиновый
Сможешь ты поцеловать.

Декабрь, 1998

Артур ВАРНАКОВ

Родился в 1972 году. На Таймыре живет с 1985 года.

Работал на ГТРК "Таймыр".

В данное время — заместитель председателя

Городского собрания Дудинки. Стихи начал писать еще

в школе. Ранние стихи вошли в сборник "Стихи

таймырских авторов" в 1990 году.

ИННА

Я ускорю сердца стук,
Когда твое услышу имя.
Кошачья мягкость твоих рук
Тебе одной присуща, Инна.

Я устремляюсь в неба высь,
Когда моя любовь взаимна.
К губам губами прикоснись,
Они произнесут лишь — Инна.

И в чередѣ обычных дней,
Которые в разлуке длинны,
Все время думаю о ней,
Об ангеле, чье имя Инна.

* * *

Небо плачет дождем,
А вчера было солнечно.
Мы еще что-то ждем...
Хотя знаем, все кончено.

КУКУШКА

Мне кукушка куковала,
Я считал... Казалось мало...
Лет бегущих не хватало,
Двадцать шесть — и лишь начало.

Череда удач, падений,
Расставаний, поражений,
Свадеб, встреч и дней рождений,
Свет иллюзий, тень сомнений...

Изменить все нет желанья,
Недостаткам — оправдания,
И без разочарования
Все хранить воспоминанья.

Чтобы счастье окружало
Все, что мне судьба послала.
Мне кукушка куковала,
Я считал... Казалось мало...

Сергей НАУМОВ

Родился в 1956 году в Тульской области. На Таймыре с 1980 года. Работает на Норильском горнометаллургическом комбинате. Его стихи печатались на страницах "Заполярной правды" и "Заполярного вестника". Автор и исполнитель бардовских песен. Живет в Кайеркане.

* * *

Я снова улетаю, улетаю,
На Материк опять махнул рукой!
Спешу туда, где долго снег не тает,
Где не один, поверьте, я такой.

Ход мыслей наш кому-то — непонятен,
Кому-то — и дела нехороши...
Мы не стираем с карты белых пятен —
Мы сдираем черное с души!

Мы оставляем центры и столицы,
Проспекты и высотные дома,
Идем туда, где лето — как зарница,
И бесконечно длинная зима...

Там три сестры — ЛЮБОВЬ, НАДЕЖДА, ВЕРА —
Святой огонь поддерживают в нас!
За все, что есть, там платят полной мерой,
Не оставляя что-то про запас!

Там чувства все понятны и знакомы,
Нет места для обманов и коварств.
Там дружбу ставят выше всех законов
И спирт считают лучшим из лекарств!

Мы молоды, а стало быть до смерти
Уверены в бессмертии своем!
Обид — не копим и еще, поверьте,
Мы песен нелюбимых не поем!...

* * *

...А было время, что тропую
Вело на Севера иной,
И строим шли, а не толпою,
Под хриплый лай собак конвоя...
Все это было... Не со мной...
Но и доселе есть приметы,
Которые не смоет Лета!
Крик теплохода в час рассвета,
Кусок колючки в тундре где-то
Иль с вертолета взгляд на "змейку" —
Дудинскую узкоколейку
Вдруг пробивает брешь в сознание!
Лишь понимание незнания
Мне не дает сойти с ума!..
А здесь — как ни крути — тюрьма,
Хотя без вышек пулеметных...
Но плач этапов перелетных
По осени натянет грусть.
И не один я следом рвусь,
И все никак не улетаю,
И дальше стаж, как срок, мотаю...

Наталья РУССКОВА

Родилась в 1948 году на Украине. Закончила биофак Одесского университета. Работает медсестрой в детском доме "Ромашка". Стихи пишет давно, по настроению. В альманахе "Полярное сияние" публикуется впервые.

* * *

Я надену нищенское платье
И возьму убогую суму,
То ли стану просто побираться,
То ли пересматривать судьбу.
Выйду в нежно-розовом рассвете
Тихо, виновато помолюсь.
Вы меня простите, муж и дети,
Только я назад не оглянусь.
Не судите, не могу иначе,
Видимо, сегодня мой черед
Испытать, как больно сердце плачет,
И судьба ведет за поворот.
Не хочу вещей, нарядов, денег,
Я гораздо большего хочу,
Стану в летнем поле на колени
И лицом к родной земле прильну.
Трепетной рукой ее поглажу,
Ласковое слово прошепчу,
И о чем-то очень-очень важном
Перед нею скорбно помолчу.
А вокруг — безмолвное бесстрастье,
Только облака легко плывут,
Долгожданный мой кусочек счастья,
Звездных моих несколько минут.
А потом пойду бродить по свету,
Буду слушать, думать и смотреть.
Это нужно, видимо, поэту,
Чтоб строкою звездною взлететь.

* * *

Тают годы, словно облака,
Легким дуновением гонимы,
Так легко, но так неуловимо
Тают, уплывают навсегда.

Так легко, как будто бы хмельны,
Беззаботно — будто бы не знают,
Что они навечно уплывают,
Что они уже обречены.

* * *

Лежит росинка в устье лепестка
Уверенно, спокойно —
Цветочной нежностью огранена
Она достойно.

* * *

Сердца стук и шум дождя —
В унисон,
Гром грозы и крик души —
Перезвон.
Растворилась я в грозе —
Нет меня.
Я вернусь к тебе теплом
Солнечного дня.

Константин САЛЬНИКОВ

Родился в Москве. В одиннадцать лет впервые попал на Диксон, где и живет до сих пор. Работает инженером на телефонной станции. Увлекается видеосъемкой и музыкой. Стихи пишет от случая к случаю, считая это унаследованным от матери.

НАКАНУНЕ РОЖДЕСТВА

Далеко в лесу дремучем,
На высокой горной круче,
Ель высокая стоит,
С небесами говорит.
Старый пень, зарывшись в снег,
Дремлет в думе сладких нег;
Как замерзшая слеза,
В небесах блестит звезда;
Диск Луны, роняя свет,
Обнажает зверя след;
Под сосной высокой, стройной,
Припорошенной и сонной,
Вся укутавшись в меха,
Зябко ежится лиса;
Реку льдом сковал мороз,
Спит над ней крутой утес;
Цепенеет лес густой,
Убеленный сединой.
Немо зреет торжество —
Мир встречает Рождество.

Татьяна ЮРИНСКАЯ

Родилась в 1949 году на Байкале. На Таймыр приехала в 1983 году. В Дудинке живет пять лет и все эти годы является постоянным участником клуба дудинских бардов. Ее стихи вошли в сборник "Город белых ромашек", печатались на страницах газеты "Таймыр".

* * *

Надену платье цвета моря
И затяну потуже талию.
Покрою веки бирюзою.
Я, наконец, душой оттаяла...
Пойдем, обнявшись, рядом берегом,
Смеясь и пальцы рук сплетая.
И ты откроешь мне Америку,
О пустяках со мной болтая.
Я встречи жду, мне это нравится.
Душа то падает, то улетает:
Кто знает, как она рождается,
Любовь, что сердце согревает?
Надену платье цвета моря
И затяну потуже талию.
На стук на твой я дверь открою.
Я, наконец, душой оттаяла.

Станислава МОГИЛЕВА

*Живет в Норильске, в 2001 году окончила школу.
Пишет много стихов, а в альманахе "Полярное сияние"
публикуется впервые.
Поздравляем ее с дебютом, легкого ей пера!*

* * *

Иду, иду без остановок.
Устала, сохну, горячусь.
Ты — мой неведомый психолог,
когда я все же научусь
встречать того, кого не знаю,
и верить в то, чему не быть.
Но как на окнах слезы тают,
я больше не смогу забыть.

* * *

Забери меня отсюда,
Я ведь так тебя прошу.
Это маленькое чудо
Я в груди своей ношу,
Эти желтые ромашки
Раздарила облакам.
Нездоровые замашки —
Из оконных прыгать рам.

* * *

Седые узницы не спорят,
молчат и продолжают жить.
А мне так хочется по морю
безбрежному куда-то плыть.
Но заперли в чулане рамок —
и невозможно убежать.
Сожгли в Раю мой лучший замок...
и запретили продолжать.

* * *

...это все
не просто так:
я сама в тебя упала,
свой волшебный алый мрак
ночь по окнам разбросала,
я размазала тебя
по лицу и по ресницам.
Не найдут нас, не грусти:
я следы скормила птицам.

Владимир ЭЙСНЕР

Родился в 1947 году. Работает в госзаповеднике «Таймырский» заводом экологического просвещения. Публиковаться в периодической печати начал в 1991 году в газете «Таймыр». С тех пор его рассказы и очерки регулярно печатаются в окружной и краевой печати, в альманахе «Полярное сияние». Цикл рассказов вошел в коллективный сборник «Стая» (2001). Лауреат литературной премии имени Огдо Аксеновой за 1998 год. Живет в Хатанге.

«... И ОДНО ДЫХАНИЕ У ВСЕХ...»

Экклезиаст

Засвистели лопасти, завывли турбины, пригнулись к земле кусты. Качнулись вниз вершины лиственниц, косо поплыли крыши, — минута, и вертолет завис над рекой. По спокойной воде и кускам островов пошла его четкая тень. Открылась дверь пилотской кабины, и дядя Федя, давний Димкин знакомый, поманил его к себе.

— Проходи к нам, садись! — прокричал он Димке на ухо. — Тундра сегодня особая, примечай!

Смотреть и впрямь было на что. Снег выпал с неделю, но крепких морозов все не было, и хотя вдоль берегов змеились зигзаги заберегов, река все так же катила свои живые волны, то красные, то синие от низкого солнца. По всей тундре, остывая, «дымилась» озера. Багровый туман стекал в ложбины и стоял там длинными серыми лентами.

Сквозь багровые клочья и серые ленты текли на юг олени. От великого множества животных склоны окрестных сопок казались посыпанными черным перцем.

— Дикаря-то сколь в тундре, — восхитился Димка, — понизу идешь — не так видно...

— А большая отцу лицензия?

— Пятьдесят дали план. Мать утром говорила с ним по рации. Почти выбрал, — с гордостью отвечал Дима.

Его отец, Семен Иванович Жаров, работал охотником-промысловиком. Этой весной и семью перевез в тундру. Три недели, по весне, пока шла рыба, всей семьей работали на путине. Затем мать с сестрой Ириной улетели попутным бортом в поселок, а Димка остался с отцом в тундре.

Починили сети, заново перекрыли крышу, отремонтировали и отладили снегоход «Буран».

В начале августа прилетел из поселка папин начальник — инженер по промыслу. Привез продукты, бензин, патроны, почту, аккумуляторы для рации, мамины пирожки, а также лицензии на отстрел оленя и план-задание по рыбе и пушнине.

На другой день отец с сыном надели рюкзаки и ушли в тундру на ремонт путиков. Почти месяц провели они в тундре, пройдя за это время около четырехсот километров.

Несколько раз выходили на стада диких северных оленей, уже начавших свой ежегодный миграционный путь с севера на юг. Тогда Семен Иванович терпеливо дожидался, пока сын сбегает сделать снимок. Впрочем, «сбегать» означало сползать: даже имея длиннофокусный объектив МТ0-500, непросто подойти к стаду на расстояние хорошего снимка в полный кадр.

Димка все порывался стрельнуть, но охотник не разрешал.

— Куда столько мяса в теплынь такую? Мух кормить? Вот подойдем к зимовью, если там рядом будут, — забьем одного, «распечатаем» лицензию, а так — не дам животину зря губить.

На обратном пути, на пологом берегу речной протоки, натолкнулись на восемь шкур, восемь голов и пять зловонных, облепленных мухами туш, лежавших в речной осоке. Головы с не полностью еще окостеневшими рогами от больших сильных производителей.

— Па, а чего они так?.. Камус взяли, языки вырезали, а мясо, пять туш, так и бросили... жалко же столько мяса.

— Вон следы. Трое. Одна лодка. Больше трех туш не увезешь. Быки тяжелые... — Охотник остановился возле мертвых голов и медленно, с горечью, добавил: — Жадность человеческая... На красивого да сильного мушка сама ложится...

Димка собрался было заснять на пленку отпечатки сапог на песке и все остальное, но как-то смешался и забыл, а потом не стал возвращаться.

Так и не пришлось ему сменить фотоаппарат на карабин. Подошел конец августа. На вертолет и в школу! Уже в десятый класс!

Полтора месяца не виделись с отцом, и вот сегодня узнал, что на папину точку дают «борт» — мясо вывозить. Быстренько отпросился у мамы, «оборвался» с уроков и вот летит...

Вдали показался черный кубик балка на речной излучине и красная капелька на склоне сопки. Это па,

слышит вертак, спешит навстречу.

Крепко обнялись. Затем Димка помогал грузить темно-красные остывшие туши, головы, рога, мешки с камусом. Пилоты улетели, обещав вернуться завтра к вечеру, и отец с сыном остались одни.

Пили чай. Димка то и дело запускал руку в пакет с ирисками, отец расспрашивал о школе, о матери, о сестре.

— Скажешь, к середине ноября подъеду на своем “коне”, если погода позволит. Тут я матери корешки собрал, от спины ей. Там записка в мешочке как пить — заваривать. Иди, сейчас положи в рюкзак, потом догрызешь свои сласти.

Димка незаметно перевел разговор на тему о прелестях настоящей мужской жизни на природе, в тундре, о том, что и он после школы пошел бы работать охотником.

— Например, напарником к тебе, па?

Семен Иванович, однако, не выразил восхищения мыслями сына. Отслужи, мол, армию сначала, а когда в разум войдешь, тогда и выбирай дорогу в жизни. У каждой, мол, профессии есть обратная сторона... Не гоже молодость в тундре губить. Не то, мол, время...

Димка обиделся и замолчал: другие родители радуются, если сын “по стопам”, и в газетах так пишут, а этот странный какой-то папка...

А утром? А утром, едва выйдя во двор, Димка увидел на пригорке группку оленей. Та-ак! У отца еще не вся лицензия выбрана!

— Па! Рогали! Можно карабин?

— Можно. И запасную обойму возьми. Да быков не бей. Гон. Пахнут.

— Зна-аю!

Димка уже завязывал тесемки маскхалата. Около часа скрапывал он стадо, но подойти ближе трехсот метров не удалось, обеспокоилась важенка. Вот-вот сорвется все стадо. Димка выделил ближайшего небольшого оленя и выстрелил. Животные рванули с места в карьер. Еще стрелял в угон и, выйдя на след, увидел кровь.

Подранок уходил вверх по склону, обильно пятная снег. Поднявшись на вершину холма, Дима увидел за небольшим плоским камнем ветвистые рожки. В бинокле — настороженно поднятые уши и полные страха черные глаза. Но едва Димка сделал попытку подойти, как олень сорвался с места и побежал вниз по склону, а затем снова вверх, на следующий увал. Со стороны и не скажешь, что подранок. М-да-а... Азарт стал заметно спадать. К тому же потянул ветерок. Ямки следа и красные капли стало заносить... Подъехал на “Буране” отец.

— Дай-ка. Сколько осталось?

— Один. А запасную, па, я забыл.

— Хватит мне. Зря ты, парень, подранка стронул. Будет теперь бежать, пока не сдохнет. И мясо у такого измученного животного невкусное. Варишь — пенится, как падаль... Дуй домой, прозябнешь, ветер, да займись печкой. Я — мигом.

Печка уже давно гудела, и чайник шипел, когда за окном, наконец, зарокотал “Буран”. Вошел отец, коротко бросил:

— В озеро кинулся. Стрелял с лодки. А волна. Промажнул. Одевайся, едем!

По озеру уже гуляли волны с белыми барашками, зеленые у берега и синие на глубине. В бинокль видно было выходявшего из воды на том берегу оленя. Подъехали вплотную.

— Добирай подранка, — охотник отдал карабин. — Да вдругорядь не мажь, не мучай животину.

Двухгодовалый бычок стоял в воде, двух шагов не дойдя до берега. Увидав людей, он вскинул светлую мордочку с небольшими светлыми рожками и сделал попытку шагнуть назад, в воду, но копыта ушли в песок, а сил уже не было. Дернулся и замер, понуро опустив голову. Под брюхом, по мокрой шерсти, стекала розовая вода, по телу пробегала крупная дрожь.

Дрогнула Димкина рука... Пуля щелкнула в гальку и запела в воздухе, уйдя рикошетом. Еще раз. Олень подогнул колени и осел в воду. Семен Иванович за рога вытащил тушу на берег и ножом проткнул горло. Зашипела, забулькала темно-красная кровь, протаивая дорожку в ледяном песке. Димка некстати глянул в черные, уже присыпанные пеплом смерти глаза и вдруг увидел перед собой умирающего молодого парня. Не мог сдержать слез и отошел в сторону. Охотник внимательно глянул в ссутулившуюся спину сына, но не окликнул его.

Споро и ловко его руки делали привычную работу: снял камус и шкуру, выпустил внутренности, промыл тушу в воде, уложил на чистый брезент в санях и прикрутил веревкой.

— Садись, поехали!

— Не, пап, я пройдусь...

Охотник выпрямился за рулем и внимательно глянул на сына:

— Пройдись, сынок, пройдись... Ремесло мое невеселое... Не опоздай к вертолету...

Отец уехал, а Димка пошел вдоль пустынного берега. Сзади осталось темное пятно. Кругом хлопотали чайки-бургомистры, клевали внутренности, сглатывали комья крови и просто красный снег. Каркнул черный ворон, сзывая сородичей, вдоль берега крался песец, прямо над головой черными крыльями прошуршал поморник.

По озеру все так же гуляли волны с барашками на гребнях. Одна за другой накатывались на обледенелый песок.

Ирина АПЛЕСНЕВА

Родилась в 1961 году, выросла в Казахстане, в городе Талды-Курган. Там училась, работала, вышла замуж, родила двоих детей. В Дудинке живет с 1994 года. Работала корреспондентом и редактором Таймырского радио, в пресс-службе налоговой инспекции. С 2000 года — корреспондент окружной газеты "Таймыр". В альманахе "Полярное сияние" публикуется впервые.

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Из записок шестиклассницы

Рассказ

— Марина, опоздаешь в школу, вставай!

Сейчас войдет мама. В сонной полудреме, сомкнув глаза, я, однако, приготовилась ровным голосом ответить, что давно не сплю. Солнце веселыми струйками пробивалось сквозь редкие, как решето, шторы. Они были настолько старые, что я даже не помнила, когда их повесили в первый раз. А раньше у нас не было даже занавесок, на вечер окна закрывали кусками старых газет. У нас вообще ничего не было, кроме старого вылинявшего дивана да трех железных кроватей. Потом был куплен и водружен посреди зала круглый стол с огромными шахматными клетками и шесть стульев, почему-то называемых венскими. Потом была ценная покупка — холодильник, который тоже был поставлен на видное место в зале, и, хотя это было неудобно, мама всегда бегала из кухни в зал за продуктами. Телевизор, чтобы не надоедать, мы ходили смотреть по воскресеньям к тете Гелли, из-за которой, кстати, мне так и не хотелось сегодня вставать.

Вчера тетка опять приходила на меня жаловаться. Она старалась говорить вполголоса, но от возмущения ей это плохо удавалось, и поэтому я, лежа в постели и не особо напрягаясь, слушала, о чем они с мамой говорят на кухне. Ну конечно же, о моем поведении!

— Ты знаешь, Оля, твоя Марина просто невыносима, — тетка нервно хрустела костяшками пальцев. — Полина Викторовна говорит, что она очень резкая и грубая девочка, терроризирует весь класс, а недавно на перемене Марина ездил верхом на мальчишке. Оля, как же так можно? Ты поговори с ней, в конце концов, мое положение в школе, мой авторитет подрывается такими ее выходками.

Мама молчала. Я тихонько встала и подкралась к дверям. "Ничего себе, — думала я, — хорошенькое дело: каталась на мальчишке!" Да Осипа вчера выворачивал Шурке Поляковой руку, а наши мальчишки стояли и смеялись. Я прыгнула на него сзади, и он протаскил меня на спине по коридору. Тут появилась Полина Викторовна, и, конечно, потом все было разрисовано тетке в ярких красках. Осипа (так звали в классе Вальку Осипенко)

вообще противный пацан, дерется только со слабыми, а у тех, которые посильнее, ходит в "шестерках".

Потоптавшись минут пять у неплотно прикрытой двери, я опять легла в постель. Восстановить справедливость прямо сейчас не было никакой возможности. Тетка стала бы говорить, что я подслушиваю и суюсь в разговоры взрослых.

Я не любила Полину Викторовну, нашу классную руководительницу, она всегда говорила не так, как было на самом деле, и старалась унижить меня перед теткой, которая тоже работала учительницей в нашей школе. Я представила себе, как Полина Викторовна, сощуриив глаза, говорит:

— Ваша племянница, Евгения Павловна, плохо ведет себя, на редкость невоспитанная девочка. Не знаю, что будет из нее дальше!

Мою тетку просто трясло при одной только мысли, что ей придется краснеть из-за меня в школе. Она даже не взяла меня в свой первый класс, побоявшись, что я на уроке возьму и назову ее Гелгунчиком. По-настоящему ее звали Гелли, бабушка зовет ее Евой, мама — Гелей, а мы за глаза — Гелгунчиком. Конечно, тетка предпочла бы, чтобы я вообще ходила в другую школу. Гелгунчик — мамин младшая сестра, но мама всегда идет у нее на поводу, и уж если она заводится, то это не предвещает ничего хорошего. Вспоминаются и вытаскиваются наружу все мои старые грехи. Тогда уж держись, спуска не будет!

Встав с кровати и натягивая одежду, я думала, как бы поскорее улизнуть из дома. Женя уже ушла на работу. Женя — моя старшая сестра. Она окончила школу год назад и сейчас работает в детском садике няней. По этому поводу Гелгунчик сказала маме:

— Она не оправдала твоего доверия и надежд.

Я вышла на кухню и бодрым голосом сказала:

— Доброе утро!

Мама молча кивнула на мое бодрое приветствие, но ей было явно не до меня. Вчера отец учинил дома дикий и безобразный скандал из-за своего любимого рванья, из-за

брюк, а еще точнее, из-за подобия брюк, затертых и залатанных в четыре яруса — от колен до лодыжек. Мама давно махнула рукой на его невероятную скупость, а Женька решила все-таки разделаться с брюками. Мама подбежала, когда брюки уже жирно потрескивали в печке. У нее мелко-мелко затряслась нижняя губа.

— Что же ты наделала, дочка, — она едва не расплакалась. — Он же скандал поднимет из-за этого рванья. Что нам теперь делать-то?

Женька с отвращением посмотрела на выпавшие из брюк носки и, отшвырнув их ногой, сказала:

— Стыдно мне, мама, ведь Ванька ко мне приходит, а он... — она зло махнула рукой в сторону отцовской комнаты, — как из таежного угла: латаный весь, перелатанный.

Отец, вернувшись с работы и не найдя на привычном месте брюк, с некоторым беспокойством спросил у матери:

— Оля, где брюки-то, что на чемодане лежали?

У матери в нервном тике задергалось плечо, она засуетилась около стола, избегая отца глазами.

— Постирать я их, отец, взяла, завтра оденешь.

Тут вышла Женька из комнаты и, независимо пройдя по кухне, сказала:

— Сожгла я твое рванье.

Отец в кальсонах вышел на кухню.

— Как это сожгла? — не поверил он. — Кто тебе дал право мои вещи трогать? Отдай, а то плохо тебе будет.

Женька, едва сдерживая себя, звенящим от возмущения голосом, выкрикнула:

— Отец! Что ты позоришься перед людьми, есть ведь у тебя хорошие брюки, что ты к этому рванью прикипел? Их давно уж пора было выкинуть. Все из-за твоей скарденности: сотнями пропиваешь, а рваную тряпку жалко выбросить. Нету! — развела она руками. — Сожгла я их!

Мама, оттесняя Женьку плечом, затараторила, вцепившись в отца онемевшими от страха пальцами:

— И правда, отец, ведь им в обед сто лет будет, ну сколько же можно заплаты на них ставить, срамота да и только. Постыдился бы хоть людей, ведь видят же все. Бог с ними уж теперь, хороших-то штанов полно.

Отец, наконец, понял, что никто не шутит.

— Уйди! — разъярился он, оттолкнув мать, и, сжав кулаки, двинулся на Женьку.

— Ах ты, падла, я наживаю, а ты тут добро сжигать! Отдай по-хорошему. Отдай, сволочь, а то прокляну!

Женька хохотала и крутила у виска пальцем:

— Ты как гоголевский придурак, который все тряпки с железками копил. Проклинай, ха-ха-ха...

Мама хватала отца за руки, плакала и просила:

— Опомнись, отец, кого проклинаяешь? Это ведь дочь твоя.

У Женьки началась истерика, она беспрестанно хохотала, и мама крикнула, чтобы я увела ее. Конечно же, вечер был вконец испорчен, но ведь на этом-то еще не кончено. Отец теперь будет каждый день припоминать нам

расправу с брюками и делать разные пакости.

Неласково подумалось о тетке: “Чего ходит жалуется? Без нее тошно.” На улице послышался крик — это Шурка Полякова зашла за мной в школу. Я высунулась из окна и махнула рукой: “Сейчас!” На ходу одеваясь, я выскочила во двор.

Шурка Полякова — моя подруга. Мы живем с ней на одной улице, учимся в одном классе и дружим с детства. У Шурки нет отца. Вместо него — дядя Вася, который бьет не только тетю Машу, Шуркину мать, но и Шурку. У дяди Васи есть кураж, про который ни ее мать, ни Шурка стараются никому не говорить. Регулярно напиваясь три раза в неделю, дядя Вася ставит на стол перед собой большую пластмассовую Шуркину куклу. Клянясь перед нею и выгибая вбок шею, он пьяно мычит:

— Р-р-а-зрешите с вами познакомиться... А-а-ах ты, сука, не хочешь? На, — он наотмашь кулаком сбивал куклу на пол. — Получай!

Ставил на стол и снова сбивал, матерясь при этом невозможным образом. От частых ударов об пол голубые стекляшки ее глаз давным-давно разлетелись вдребезги, облупился румянец с пластмассовых щек, пакля на голове раскосматилась, и только по-прежнему улыбался яркий малиновый рот.

Как-то раз мы попытались спрятать ее от очередных истязаний, но дядя Вася, не найдя куклы и лишившись таким образом привычного развлечения, вконец озверел и стал гонять тетю Машу вокруг дома с криком: “Убью, отдай Клавку!..” Тетя Маша часто ходит с синим от побоев лицом, но без обиды говорит:

— Красивый, зараза, от такого и побои сладко терпеть. Изобьет, запнет в угол, а я все-таки выгляну да посмотрю — такой он красивый. Другой-то замухрышка какой, мизинца твоего не стоит, а туда же, руки еще распускает, а от этого можно стерпеть.

Шурка стыдится и жалеет мать.

Мы вышли из проулка, и пошли через парк, решив дать кряк. Было по-весеннему тепло. Послезавтра — воскресенье, Пасха. Мне нравится этот праздник, и не только потому, что я верю в Бога, а просто так. Мы живем недалеко от церкви, и вечером обязательно придет бабушка, в неизменно торжественном платье из черного бархата, со своей подругой, у которой смешная фамилия — Сивоконь. Она худа, горбата, но удивительно подвижна. Они останутся у нас, а к полуночи пойдут в церковь. Начнется служба.

Бабушка весь вечер будет рассказывать о том, как они жили раньше. Она родилась в конце девятнадцатого века, поэтому помнит много интересного. В эту ночь я всегда ложусь спать с ними в одной комнате и с удовольствием слушаю, как бабуси долго шепчут на ночь молитву, а потом тихонько переругиваются между собой, поудобнее укладываясь спать. Обе они такие сухонькие и маленькие, что всегда ложатся спать вместе, на одной кровати.

Бабушка рассказывала, что когда я была маленькой,

лет пяти, она пыталась научить меня молитве. “Повторяй за мной,” – говорила она, а дальше шли совсем уж непонятные, но тем не менее завораживающие слова. Слушала я с удовольствием, но повторять наотрез отказалась, огорошив бабушку заявлением: “Что ты, бабушка, все отца да сына, отца да сына, а мама где? Я не хочу про отца, он плохой”. С тех пор бабушка больше не пыталась научить меня молиться.

Даже отец в пасхальные дни напивался не так сильно. Вообще-то пьет он часто — запоями, которые продолжаются неделями, иногда месяцами. В это время в доме всегда появляется дядя Степа — “друг детства”, с неизменными бутылками портвейна “девки пляшут”. Мама не ругается на отца — это бесполезно, у нее только в нервном тике дергаются плечи. Когда-то она переболела хореей — на всю жизнь остались у нее признаки этой болезни. Стоило ей заволноваться или расстроиться, как сразу начинали сами собой подергиваться плечи, нос и брови ходили ходуном. Когда между запоями была передышка, отец вырезал из газет и журналов всяческие статьи о вреде курения и алкоголя, о различных видах заболеваний, складывал все это в отдельную папку под названием “Советы врача”, покупал различные медикаменты и усиленно лечился. А потом через некоторое время запивал снова — по поводу и без повода, просто когда представится случай, как он говорил...

После весенних каникул мы в первый раз писали сочинение из цикла о счастливом детстве. Полина Викторовна любит такие темы вроде: “Моя любимая книга”, “Мое любимое время года”, “Чем счастлив человек”, “Как я провел лето” и т.д. На этот раз мы писали сочинение о самом счастливом дне своей жизни. Я не люблю такие темы, потому что постоянно приходится что-то выдумывать о том, как беззаботно и весело живешь.

Вот у Юльки Шиковой, нашей школьной красавицы, наверное, не бывает проблем со счастливыми днями. Вся она, начиная с крохотного носика и кончая кончиками лакированных туфелек, была похожа на миниатюрную Барби. Вчера Осипенко и Костя Яковлев в драке из-за Юльки разбили друг другу носы. Я вздохнула: из-за меня драться не придется, я сама кому хочешь нос разобью. Интересно, о чем Шурка пишет? Что-то мечтательно уставилась в окно, а в тетрадке уже целая страница. Я заглянула к ней через плечо — ага, пишет о том, как она вместе с братом ездила в горное ущелье. Придумывает, как всегда. У нее это здорово получается. А ведь я тоже счастливых дней почти не помню, кроме, пожалуй, одного... Этот день солнечным лучом надолго врезался в мою память.

Как-то три года назад отец вдруг перестал пить, полгода держался. Мама ходила помолодевшая и счастливая. В то лето к нам в город приехал зоопарк, и мы все вместе пошли смотреть зверей. Я помню, как отец с мамой смеялись над бегемотом, которого долго поливали из шланга тугой струей воды, заставляя подняться из

огромного чана, но он только лениво высовывал из воды голову с заспанными глазками и широко зевал, открывая огромную пасть. Нам с сестрой очень понравился слон по имени Чамбо, добрый и печальный. Ему отовсюду подавали хлеб и конфеты. Я тоже протянула руку с пряником, и он ткнулся в нее хоботом. Мы переходили от клетки к клетке: прыгали, цепляясь за прутья, шустрые, неунывающие обезьянки, летали разноцветные попугаи, неподвижно сидела на жердочке сова, злобно скалился на людей шакал, а размлевший от жары тигр мирно вытянулся на полу в клетке.

Мы с сестрой были очень счастливы в этот день. Я даже повизгивала от восторга. Заново обошли весь зоопарк, даже уходить не хотелось. Отец смеялся, много шутил, и мама была такой счастливой в этот день. Потом отец снова запил, и все пошло по-старому.

... Я не буду писать об отце, просто напишу, что очень люблю животных, и самым счастливым днем для меня был тот, когда мы ходили в зоопарк.

И это правда. Больше ведь все равно писать не о чем.

Владимир СОЛДАКОВ

Выпускник факультета журналистики Ленинградского государственного университета. Работал корреспондентом, заместителем редактора окружной газеты "Таймыр". Сейчас — собственный корреспондент газеты "Заполярный вестник" по Таймырскому автономному округу. Первый победитель творческого конкурса имени Любови Ненянг который проводится на Таймыре с 1998 года. Живет в Дудинке.

ТЕЛЕОПЕРАТОР ЦАРЬКОВ

Из цикла "Хантайские зарисовки"

Пашу Царькова гложет нетерпение. И я его хорошо понимаю. Пашке надо работать — снимать, а в поселке делать нечего...

Осенью прошлого года главный телеоператор РГТРК "Таймыр" провел в Хантайском Озере больше месяца. А потому он знает здесь всех, и все его знают. Самое удивительное, что даже разномастные поселковые собаки тоже принимают Царькова за своего.

— Мишель, Мишель! Ой, какой же ты запаршив-лен-ный, — гладит Паша побуревшего от грязи длинноухого спаниеля, а тот аж млеет, прижмуривая от удовольствия глаза.

Царьков сует ему в рот сушку. Пес с достоинством и не спеша перемальвает ее крепкими зубами.

Нас мигом окружает свора собак, а Паша опускается на корточки и треплет их за уши.

— Да не ставь ты кофр на землю! — говорит он мне. — Видишь, вон Чубайс уже пристроился, ногу поднимает...

Успеваю отогнать чубастого Чубайса неизвестной породы от своего кофра. Дальше по поселку следуем в сопровождении целой своры друзей наших меньших. Польщенные таким вниманием к себе, собаки вроде как-то даже приосанились и гордо вышагивают рядом с нами. А Паша-то уж доволен — не передать. Радуетя, как ребенок, встретивший своих друзей, с которыми давно уже не виделся.

Царьков — человек удивительный. В нем есть что-то простовато-крестьянское. Весь он, как на ладошке. Любит поговорить, вывернуть наизнанку и мысли свои, и душу, открытую для всех и каждого. До необычности легко сходится с людьми, которым готов помочь в любую минуту. А потому Пашу все любят. И люди, и, как видите, собаки тоже...

Перед поездкой в Хантайское Озеро посмотрел его последние фильмы о Таймыре, снятые в прошлом и нынешнем годах. Павел в расцвете творческих сил. Его просто преследует удача. В начале лета удалось снять краснозобую казарку в Таймырском заповеднике и, совсем уж удивительное дело, целую ленту о розовой чайке. Эти птицы встречаются редко и, как известно, занесены в Красную книгу.

Прошлым летом в бригаде пастухов совхоза "Хантайский" снял замечательный фильм о нелегком труде оленеводов со стойбища, расположенного в необыкновенно красивом месте — в районе реки Куломбэ. Если вы видели фильм Павла Царькова "Таежные каникулы", то, наверное, согласитесь со мной.

Сам автор не совсем доволен. Ругает операторскую работу. Не знаю. Может, действительно на взгляд специалиста что-то в фильме не так, но мне, обыкновенному зрителю, лента пришлась по душе. Горы, лесотундра, прозрачные быстрые реки — красота, посмотрев которую, можно, как говорится, и умереть. Смотришь — дух захватывает, а по спине "мурашки" пробегают.

Счастливый все же Царьков человек. Снял такой замечательный фильм, сам сделал текст к нему. Когда его прочитали на студии, удивились: "Откуда слова списал, Паша?"

— Я несколько недель мучился с текстом, — вспоминает Павел, — а потом вдруг сел и написал минут за пятнадцать, словно кто-то рукой моей водил по бумаге.

Завидую по-доброму ему.

"Ночью в озере купались звезды. А когда съело утренний туман в распадке гор, засветились на лиственницах бисеринки росы. Расплавленным серебром стали они стекать с изумрудных иголок..." — это авторский текст. Не ручаюсь, что запомнил дословно, но примерно так. И сопровождается он роскошной картинкой природы, не успевшей еще увянуть в начале сентября.

Только одного этого фильма, мне кажется, хватило бы для того, чтобы не считать зря прожитой свою жизнь. А Пашка все никак не уgomонится. Снял краснозобую казарку, розовых чаек. Не успели еще высохнуть штаны от болотной жижи Таймырского заповедника, Царьков уже в Хантайском Озере, чтобы сегодня же утром отправиться к устью речки Гогочонды, по которой осенью поднимается на икромет голец.

— Вот сниму гольца — и хватит, — говорит, потирая руки, Пашка и тут же спрашивает:

— А будущим летом поедешь со мной на Котуй? Вот где места: тайменей — тьма-тьмуца!

... Кажется, никуда мы не поедем. Уже одиннадцатый

час утра. Хантайское озеро, шумевшее всю ночь штормовыми волнами, угомонилось, разгладилось по всей своей зеркальной поверхности, и по нему легко, словно во сне, заскользили моторки.

— Коломажин вчера сыну день рождения отмечал, — начинает размышлять вслух Павел. — Сегодня вряд ли сможет стоять за штурвалом... Так что давай, не будем времени терять, пока флотские раскочаются. Ты поговоришь с жителями поселка, а я сниму — сделаем передачу для программы новостей.

Есть такая поговорка: "Бедному собраться — подпоясаться". Так и мы с Павлом.

Он берет телекамеру в руки, я достаю из сумки блокнот. Накрепко притворив никогда не закрывающуюся дверь директорского дома, где коротали ночь, идем в центр поселка — к совхозной конторе.

Паша по-дружески обнимает здоровенного хозяйского пса, который еще вчера кидался на нас с пеной у рта и, казалось, вот-вот разорвет толстенную веревку, с которой его никогда не спускают. Из-за сетки вольера ревниво следит за Пашкиными движениями полуметрового роста кавказская овчарка. Один только ее голос повергает меня в дрожь. Между тем, и она, кажется, уже прониклась уважением к телеоператору...

Пока разговаривали с людьми, которые поначалу не очень-то ловко чувствовали себя под прицелом съемочного аппарата, пока добивались естественного их поведения и свободного выражения мыслей, время не стояло. Николай Николаевич Коломажин — капитан-механик совхозного "Секрета" — заправил свой резвый теплоходик и подогнал его к импровизированному причалу у берега озера.

Быстро погрузив весь походный скарб Царькова (а это множество мешков, рюкзаков и сумок, запас продуктов недели на полторы), мы через полчаса уже разрезали на большой скорости спокойную гладь бесновавшегося всю ночь Хантайского озера.

Капитану-механику Коломажину директор совхоза дал задание отвезти на речку Гогочонду Павла Царькова, а потом еще заехать на промысловую точку Кутурумукан, где обосновался рыбак-охотник Владимир Протасов. Путь не ближний, и к ночи вряд ли управится. Так что на Кутурумукане придется, наверное, заночевать.

Хантайское озеро красоты необыкновенной. Все кажется здесь первозданным. Дикая природа по берегам, густой лес, скалистые вершины, выглядывающие из яркой зелени хвойных, в основном, деревьев. За бортом катера — чистой слезы вода, но дна все равно не видать.

Куда там! В отдельных местах глубина достигает больше трехсот метров, а самая большая — 387. Второе после Байкала озеро в России по запасам пресной воды, первое — по запасам рыбы. Впадает в него множество горных речушек со сплошными, можно сказать, водопадами. На отдельных вода падает с высоты более ста метров. А на реке Иркинде — трехцветный водопад, с желтым, зеленым и голубым потоками.

Об этом рассказывают мне Паша, ихтиолог по образованию, и Николай Николаевич Коломажин. Он очень

хорошо знает и любит здешние места, изъездил их летом на катере, зимой — на снегоходе.

Неравнодушна к красотам Хантайского озера и жена Николая — Муза Дмитриевна Коломажина, Верещагина в девичестве, якутка, мать пятерых детей. Она тоже с нами, а с ней и двое ребятшек — Егорка, которому вчера исполнилось одиннадцать лет, и пятилетняя, вся в маму, Машенька.

— Вот выбрались в поездку с отцом, — рассказывает Муза Дмитриевна. — Я ведь безработная теперь. Таких, как я, в поселке сейчас уже больше полсотни, наверное. Раньше работала на авиаплощадке. Нынче самолеты к нам не летают, а вертолеты — совсем редко. Сократили, значит, за ненадобностью... Трудно приходится с пятью-то детьми. Но хорошо, что Николай не остается без работы ни зимой, ни летом. Что бы делали, если бы не он?..

— Вот видите на горизонте острова? — кричит нам из рубки Николай Николаевич. — Чайчи называются. Скоро уже будем на месте. А до Гогочонды совсем близко. Надо Пашу будить. Саша Парахин, наверное, уже заждался его на турбазе.

Александр Парахин — совхозный рабочий. А живет он на туристической базе, охраняет ее от набегов случайных людей. Чтобы, не дай бог, не повредили, не сожгли любовно построенные здесь с помощью игарчан красивые, со всевозможными удобствами деревянные домики-коттеджи для зарубежных туристов. В прошлые годы они не пустовали, а нынче вот остались без заморских путешественников. И не потому, что нет желающих. Все то же — не хватает у совхоза денег, чтобы организовать их прием. Нет какой-то малости для того, чтобы получить хорошую прибыль, в сотни раз окупившую бы эти затраты...

За базой, которая числится на балансе совхоза "Хантайский", постоянно присматривают. Вот и приходится держать сторожа все время. С ним-то и проведет здесь дней десять главный телеоператор РГТРК "Таймыр" Павел Царьков. Завтра же они с Александром Парахиным уйдут вверх по течению Гогочонды, чтобы заснять, как идет на нерест голец.

Зрелище это не опишешь и не передашь словами. Надо только видеть, как спешит отметать икру голец. И многим таймырцам удастся это, даже не выходя из собственной квартиры, — на экране телевизора. В том мы все уверены, потому что видим, с каким нетерпением бегают по палубе Паша, перетаскивая привезенное имущество на берег. Он уже живет будущим своим фильмом.

Мы помогаем ему выгрузить многочисленные мешки и рюкзаки, кинокамеру, спиннинги... Суетится и Саша Парахин, весь искусанный комарами, с улыбкой до ушей и несказанно обрадовавшийся гостю.

Но вот уже Коломажин затаскивает трап на палубу, поднимается в рубку теплохода-кормильца, машет рукой оставшимся на берегу.

Катер дает задний ход, разворачивается. Гогочонда оказывается у нас за кормой, а впереди — величественно спокойная гладь озера, переливающаяся розовато-тихими лучами склоняющегося к закату солнца...

Анатолий САВИНОВ

Родился в 1966 году. На Таймыр приехал в 1986 г по комсомольской путевке. Работает на Норильском медном заводе. Его стихи и проза публиковались в газетах "Заполярный вестник", "Заполярная правда", "Огни Талнаха", в журнале "Енисей", в альманахе "Полярное сияние", в сборнике "Стая" (2001). В 1999 году в Москве вышла книга прозы "День, который не сожгло солнце".

СТАНЦИЯ ДУРНЫХ СНОВ *

Рассказ

Глава 7

— Ох, какая же ты пьянь, а еще Вадьке нравочения читал. У того хоть горе... Так ведь не только у него оно. Я не меньше его переживаю.

Так, ругая себя и оправдывая, Андрей поднимался на седьмой этаж в свою квартиру. Лифт отчего-то не работал (такое в этом доме редко случалось, так как жили в нем по большей части в основном известные люди города), и пот каплями стекал со лба на глаза, мешая и без того притупившемуся зрению. Наверное, от этого Андрей сперва стал открывать не свою дверь, и даже удивлялся, почему ключ не подходит. Только после того, как в квартире залаяла собака, понял, что дверь не его.

— Тише, тише, собачка, а не то хозяин проснется. Еще подумает, обокрасть хочу... Вот эта точно моя.

Ключ бесшумно открыл тяжелый засов замка, и дверь, будто сама, распахнулась перед хозяином. Андрей сбросил туфли и утопил ноги в легких пушистых тапочках. Не то чтоб из-за тяги к комфорту физическому он предпочитал такую не очень мужскую обувь, просто любил тишину, а в подобных тапках можно ходить по квартире совершенно беззвучно. Таким образом человек пытался достичь гармонии с духом одиночества, с которым делил жилище.

Раздевшись, Андрей прошел в гостиную и только здесь включил свет. В автокормушке аквариума пусто. Пара гурами и несколько скалярий. Рыбки лениво шарили по дну в поисках пищи.

— Сейчас, мои хорошие, сейчас. Ну, немного задержался... Простите уж. — Он взял с полочки серванта банку с рыбьим кормом и насыпал его в воду. — Жрите, черти полосатые, на здоровье. Однако, как же мне нехорошо. А все дядя Миша, старый... э-э... Не стоит, наверное, обижать старика. Как думаешь, хозяин? — обратился Андрей куда-то в угол. — Молчишь? Стало быть, согласен. Пойду-ка я умоюсь и на боковую, чтоб завтра свеженьким быть, как огурчик, надо в ментовку сходить. На этого чудака разве можно надеяться? Небось, там никто и пальцем не шевельнул, поглядев на него...

В ванной, как оказалось, перегорела лампочка.

* Окончание. Начало в альманахе "Полярное сияние" за 2001 год.

Пришлось вернуться в прихожую, чтоб взять оттуда запасную.

Она зажглась у него в руках (забыл щелкнуть выключателем). Андрей зажмурился в ожидании, пока исчезнут желтые круги перед глазами. Наконец, когда зрение восстановилось, он осмотрелся и, закричав, покачнувшись на стуле, оступился... Падая, ударился головой о раковину.

Глава 8

Виталий бежал по улице, надеясь все-таки догнать незнакомца, произнесшего имя разыскиваемой им женщины. Он понимал, что, скорее всего, это простое совпадение... Но чем черт не шутит?.. В таком деле, как это, помочь может только случай.

— Не упустить бы, — вслух произнес лейтенант, задыхаясь от бега.

Случайно, боковым зрением, он увидел догоняемого в момент, когда тот входил в подъезд своего дома. Стремглав бросился за ним. Рывком распахнул дверь, другую... Третья охранялась кодовым замком! Не столько из-за усталости, сколько от досады лейтенант опустил на пол и, прислонившись к стене, постарался перевести дух. Не зная шифра, нечего было и пытаться открыть замок. Оставалось только ждать, вдруг кто-то выйдет или зайдет. Минуты четыре прошло, пока дверь открылась, выпуская шикарно одетого молодого человека весьма внушительного телосложения. Виталий рывком поднялся с пола и, оттолкнув парня, кинулся вовнутрь. Тот сначала опешил, но потом развернулся и в два прыжка догнал лейтенанта, уже взявшегося за лестничные перила.

— Ты че, "дурик", "нюх" потерял?

— Осторожней на поворотах, "сынок", я вообще-то из милиции, — ответил Виталий и собрался было продолжать путь, но парень его остановил, крепко схватив за рукав куртки

— Из милиции говоришь? Может, и "корочки" имеются?

— А как же, — Виталий полез во внутренний карман и вдруг вспомнил, что удостоверение осталось дома, в плаще.

— Черт! — выругался он. — Забыл взять с собой, но можешь не сомневаться.

— А ну пошел отсюда! Мурло поросыачье!.. А то я тебе такую милицию покажу... Век не очухаешься!

Изрыгая ругательства, верзила потащил Виталия к выходу, но... Сравнительно легко извернувшись, Виталий ударил здоровяка ногой в колено и после этого локтем в затылок. Парень мягко опустился к его ногам.

— Прости, родной, некогда мне с тобой тут...

Поднимаясь по лестнице, лейтенант уже потерял всякую надежду отыскать кого нужно, но характер его требовал исчерпать все случайности, какие только могут представиться. Взойдя на шестой этаж, он посчитал их исчерпанными, как вдруг сверху донесся сдавленный крик. Взбежав выше, он ткнулся сперва в одну дверь, но оттуда послышался собачий рык, а затем и лай. Тогда он подошел к другой, толкнул ее — оказалась незапертой. Внутри тихо, из комнаты в прихожую падает полоса света. Никого. Дальше по коридору еще "полоса" — из ванной. Виталий вошел...

На полу лежал с окровавленной головой хозяин дома, а в наполненной водой ванне — завернутый в полиэтилен и уже вздувшийся труп женщины.

Глава 9

— Ну, что тут у тебя, Крушинин? — входя, обратился к Виталию его начальник, Сергей Антонович Липницкий. — Все тебе нейдет. Только задремал. Ночь без покойника тебе как бы и не ночь уже? Молчи, молчи! Шучу я. Ну, показывай и рассказывай.

— А что рассказывать? Сами все увидите. Вот сюда проходите, — Виталий указал рукой на дверь в ванную.

— Скорую я вызвал, но пока она приехала, парень оклемался. Только не в себе маленько.

— Не понял?... Кто у тебя оклемался, труп что ли?

— Нет, товарищ майор. Труп в ванной, он, извиняюсь, женского рода, а оклемался хозяин этой квартиры.

— То бишь убийца?

— Вряд ли. Он сам удивлен был не меньше нашего...

— Так вот, значит, как... В пленку завернул, видно, хотел вынести, да не успел. Как думаешь, кто она ему?

— Никто, товарищ майор.

— Поясни.

— Эту женщину зовут... Виноват, звали Наталья Леонидовна Ледина.

— Жена того идиота, что нам все нервы вытрепал?

— Выходит, не зря трепал, товарищ майор.

— Ладно, не умничай. Согласен, что ты прав оказался, а не я. Но, как бы там ни было, мы свое дело сделали: вот труп, вот убийца... Теперь пускай прокуратура хлеб отработывает. Правильно говорю?

— Не совсем.

— Поясни? Только если ты снова о его удивлении, тогда молчи лучше. Знаешь, сколько я таких видел? Даже когда у вора находишь краденые вещи, и тот всегда удивляется: "Откуда взялось, не понимаю?" или байки сочиняет: подкинули, мол. Этот точно такой же, поверь моему слову. Пойдем к нему.

— Не стоит спешить. Он все еще как чумной, не пришел в себя. Степа, — обратился Виталий к медэксперту, который

в это время осматривал тело, — можно установить время смерти?

— Только примерно. Состояние трупа неважное.

— Черт с ним с состоянием. Говори.

— Смерть наступила в результате черепно-мозговой травмы, примерно дней пять-шесть назад. Удар был нанесен чем-то тяжелым и большим — весь затылок вовнутрь вдавился.

— Ну и что это доказывает? — спросил Сергей Антонович.

— Подозреваемого зовут Андрей Потехин, он друг семьи Лединых, а при опросе Ледин сказал, что Потехина нет в городе. Он это говорил и во время подачи заявления, то есть неделю тому назад.

— И что из того?

— Как "что из того"? Это все-таки алиби — его стоит проверить.

— Вот этим пусть и занимается прокуратура. Уверен — оно липовое.

— Непохоже.

— Тебе, мальчик, еще многое покажется непохожим. Поверь моему опыту: он и есть убийца, я это чувствую. А нюх у меня, как у собаки.

В это мгновение в разговор включился Андрей. Никто не услышал, как он подошел и, прислонясь к дверному косяку ванной комнаты, слушал.

— А если не секрет, какой породы собаку вы имеете в виду?

— Что вы здесь делаете? — резко спросил майор.

— Стою и слушаю, как вы меня в убийцы любимой женщины записываете.

— Так она вашей любовницей была?

— Если б была, я бы так и сказал — "любовницы", а любимая женщина — это совсем другое, милостивый государь. Вы серьезно думаете, что я мог бы такое сделать?

— Судя по тому, как легко вы себя чувствуете рядом с мертвым телом "любимой женщины", как сами сказали, я начинаю обретать уверенность в этом.

— Значит, если бы я сейчас начал кричать и кататься по полу, показывая, как мне жаль ее, вы бы так не подумали?

— Слушай, ты, убудок хренов, я таких, как ты, много повидал, сядь где-нибудь в уголочке и затихни, пока тебя не позовут. Понял?

— Очень неосторожно с вашей стороны, сударь, оскорблять меня в присутствии посторонних людей. Когда с меня снимут подозрения, я подам на вас в суд, глубокоуважаемый сэр, и заработаю шальные деньги, которые пойдут на надгробный памятник моей... — тут ноги Андрея подкосились, и он свалился бы на пол, не подоспей на помощь Виталий.

— Брось ты его, лейтенант. Кстати, о каких посторонних лепетало это чучело?

— Понятые сидят в гостиной, — ответил лейтенант, бережно опуская Андрея на паркет.

— Привет труженикам прокуратуры! — поприветствовал Сергей Антонович входящего Игоря Акулова, старшего следователя прокуратуры. — Ты чего припозднился?

— Да как всегда, с машинами проблема. Вам хорошо, на своей ездите.

— Ага, вот если бы еще начальство на горючку раскошелилось, было бы совсем хорошо.

— Ну ладно. Кто обнаружил труп?

— Лейтенант Крупинин. Мало того, еще и киллера взял.

— Да ну! Молодец Виталька. Надеюсь, теперь ему отобранный звездочку вернут?

— Если б это от меня зависело, давно бы в капитанах ходил.

— Ну, так где же он?

— Там с понятными протокол составляет. — майор махнул рукой в сторону гостиной.

— А квартирка-то ниче... Как думаете, Сергей Антонович?

— Да уж, такую честно не заработаешь. Надо будет этого умника покрутить как следует, слышь, Акулов?

— Не переживай, Антоньч, все будет в лучшем виде.

— Эй! Степан, вы там скоро закончите?

— Минут пяток еще.

— Ладно, как кончите, сразу ее в морг.

— Сам на нее “кончай”, блин, нашел некрофила.

Акулов и все присутствующие рассмеялись. Кто-то вспомнил судьбу Мэрилин Монро, и это еще больше рассмешило криминалистов, а следователь прокуратуры, резко оправившись, пошел в гостиную.

Глава 10

Андрей сидел на диване, как сказано у поэта, “...положив свою челюсть на грудь”. Его немного потащило после очередного обморока. Но это, тем не менее, спасло его от необдуманного поступка. Еще немного, и он размозжил бы этому майору голову. Только потеря сознания не дала развиться “праведному” гневу.

“За что, за что ее, кому она помешала, эта женщина? Она, не сделавшая в жизни ничего дурного? Ведь она даже мужу ни разу не изменила. (Теперь Андрей мог говорить об этом с полной уверенностью.) А может потому и... Ведь не зря говорят: “Бог забирает к себе лучших”. Но тогда он выбрал в помощники не ангелов, а... Что это со мной? При чем здесь Бог, ангелы? Потехин, ты сильно головой стукнулся. Ведь в убийстве тебя обвиняют! Чепуха какая — я убил Наташку... Да подумать об этом и то... Что, смешно? А пошло оно к чертовой матери! В конце концов, не важно, кто убил — важно кого. Эх, Наташка, Наташка...”

Новый голос, раздавшийся в комнате, вывел Андрея из раздумий и заставил прислушаться.

— Привет, Крупинин!

— Привет, Акулов, — в тон приятелю ответил на приветствие Виталий.

— Ты еще не генерал?

— Как и ты не прокурор.

— Дерзишь начальству.

— Отвали, лучше делом займись. Ждем тебя два часа уже.

— Ох, Виталька! Знал бы ты, с какой меня “телки” сорвали...

— Ты вокруг оглянись...

— Ой! Простите, граждане, сами понимаете — никакой личной жизни.

Соседи, супружеская чета, согласно закивали головами. Видимо, их тоже не от телевизора оторвали. Возраст еще не склонялся к ночным бдениям у волшебного ящика.

— Ну, тело я уже видел, теперь вершителем займемся. Этот что ли? — и, указывая на Андрея, спросил: — Слушай, Вит, а чего ты его без наручников, не боишься? Что-то он не похож на маньяка, — добавил, оглядев с головы до ног подозреваемого.

“Слава тебе, Господи! Хоть один здравомыслящий человек объявился”, — подумал Потехин.

— Хотя, кто из них на себя похож? Все, как на подбор, порядочные.

— Игорь, не налегай особенно на эту версию.

— Это почему?

— У него алиби, как железный столб в Индии.

— Проверено?

— Пока не совсем, но...

— Что значит не совсем?

— Билеты на авиарейс в Новосибирск и обратно у него имеются, осталось проверить на месте. Он сегодня, вернее уже вчера, только прилетел. Почти месяц отсутствовал, а убили ее не больше недели тому назад.

— Ну, что ж ты парень... Теперь из-за тебя придется ночей не спать, чтоб киллера изловить, — обратился Акулов к Андрею.

— Простите, — ответил тот.

— Шутит, — повернулся следователь к Крупинину, — видать, и вправду не он. А майор с такой уверенностью мне заявил, что ты убийцу поймал... Я аж обрадовался за тебя. Думал, звезду получишь.

Виталий красноречиво улыбнулся, выслушав, а Андрей снова откинулся на спинку дивана. “Эх, Наташка, Наташка...” — всплыло в голове.

Глава 11

Андрея не арестовали, прокурор не дал санкцию, но конфликт с Липницким сделал свое дело. И, как задержанного по подозрению в убийстве, до выяснения обстоятельств его поместили в ИВС. Если говорить точно: до окончания проверки алиби.

Находясь в полной уверенности своей непричастности к делу, Потехин не стал вызывать адвоката, дабы не платить ему за то, что и без него вполне благополучно решится. К тому же камера на четырех человек пустовала, и Андрею никто не мешал в его мыслях, а порой даже в слезах, а с неудобствами можно было смириться.

После смерти матери Наташа оставалась единственным в мире человеком, которого Потехин по-настоящему любил. С ее гибелью он остался один. Даже если сейчас покончить с собой, то и тогда некому будет заплакать над ним так, как теперь плачет он сам. Без любящего тебя человека даже смерть становится бессмысленной и совершенно нестрашной.

Разве можно бояться того, что утратило смысл? Но если

бессмысленна смерть, то и жизнь стоит не больше ее, а может и меньше.

За горькими раздумьями он не замечал жестких деревянных нар — этого “пережитка времен”, снующих по стенам тараканов и клоповых укусов. Шум в соседних камерах и регулярные окрики конвоиров казались далекими, не настоящими. Только луна, пробившаяся сквозь облупившуюся краску на стекле взятого в решетки окна, была не вымышленной и прекрасной. Красиво только то, что хотя бы наполовину скрыто от глаз, что таинственно смотрит на человека, а не он на него. К тому же, оно должно быть обязательно окружено каким-нибудь уродством. Вот идея для картины.

— Эх, жаль, нет здесь Вадьки, он наверняка бы извлек из этого пользу, — вслух произнес Андрей и тут же спохватился. — Боже, что за глупость? Вот так пожелание.

Неожиданно Потехину захотелось быть сейчас рядом с Лединым. Общее горе роднит людей, заставляет взглянуть друг другу в глаза по-настоящему и по-настоящему ценить. Он вдруг ясно осознал, что этот человек, который, если б не Наташа, никогда не приблизился к нему, потому как был бы безразличен Потехину, — единственное звено, связывающее Андрея с прошлым. То есть со временем, в котором он верил в лучшее и добивался его.

— Эй! Кто-нибудь! — закричал Андрей, подойдя к двери. — Слышите меня?

— Чего орешь?

— Слышишь, друг? Подойди ближе, пожалуйста, дело есть.

— Твое дело у следователя, а мне до тебя дела нет.

— Ну, будь человеком...

— Эй, начальник, — донесся голос из соседней камеры, — пусти меня к нему, а то он мне спать мешает. Я его маленько в парашу окуну и все.

— Заткнись ты там, “чмо” паршивое, а не то я тебя сам туда засуну. Понял? — оборвал голос конвоир. — А ты, слышь, будешь бузить — на “ласточке” ночь проведешь.

— Ну, будь другом, на секунду.

У двери раздался звон ключей, и окошко “кормушки” открылось. В нем показалась большая круглая голова.

— Чего тебе, говори быстро.

— Друг, у меня там, среди вещей — бумажник, в нем четыреста долларов и какие-то рубли. Они твои за один телефонный звонок.

— Ты че, рехнулся? Что бы я за четыре сотни работой рисковал?

— Но у меня больше нет здесь ничего. Как выйду...

— Тебе “мокруху” шьют, а ты “как выйду” говоришь. Там у тебя еще “роликсы” есть.

— Договорились, они твои.

— Тогда давай, только две минуты не больше.

Наверное, никто еще в мире не платил за две минуты телефонных переговоров, и не международных, а по городу, восемь с половиной тысяч долларов. Но Андрей не жалел о том, он набирал номер друга.

К телефону некоторое время никто не подходил, и

Потехин хотел уже с грустью положить трубку на место, но вдруг...

— Але, квартира Ледина, слушаю?

— Вадька, привет, это я — Андрей. Послушай, у меня мало времени...

— Сидишь, сволочь, и сиди. Молись, чтобы я до тебя не добрался. Убийца! — перебив Андрея, прокричал в трубку Вадим.

После этого послышались короткие гудки...

Глава 12

Виталий вернулся из Новосибирска в хорошем расположении духа. Конечно, хорошо бы изловить преступника, но когда человек невинен и ты смог это доказать, такая победа тоже многого стоит. Хоть и не поощряется начальством.

Не заходя домой, он отправился на работу: все-таки человек сидит. Хоть не в тюрьме, а все равно несладко.

Получив разрешение на освобождение Потехина, Крупинин спустился в подвал, где располагался ИВС.

— Добрый день, господин Потехин, — зайдя в камеру, а не вызывая через дежурного грубым “задержанный, с вещами на выход”, поприветствовал Андрея Крупинин.

— Отсюда не видно, начальник, какой он: добрый или не очень.

— Бросьте, Андрей Вениаминович, вы же культурный человек.

— Культурный убийцей быть не может. А вы уже по всему городу разнесли, что это я убил Наташу.

— С чего вы это взяли?

— Я Ледину звонил, такое выслушал...

— Никому я ничего не говорил. Проверял ваше алиби в Новосибирске.

— Значит, ваш майор отомстить мне решил. Кстати, как съездили?

— С этим я и пришел. От лица своего руководства и от себя лично приношу вам извинения. Алиби ваше подлинное, стало быть, вы свободны. Собирайтесь.

— По-другому и быть не могло. Но, тем не менее — спасибо вам.

Солнце, словно радуясь Андрею и приветствуя его, коснулось лица и вызвало горькую улыбку. Ему совершенно некуда было идти. И вновь захотелось уехать, уснуть под перестук колес поезда, а проснувшись, сойти на своей станции и понять, что все произошедшее — всего лишь дурной сон и он уже кончился...

А Виталий, напротив, знал, что его ждут дома, но решил закончить запланированные на сегодня дела. Он поднялся на второй этаж и, не постучав, вошел в кабинет майора Липницкого.

— Ну что, отпустил?

— Да. Бумаги он все подписал. В том числе и те, где сказано, что не имеет к нам претензий.

— Ты смотри! А грозился...

— Просто незлопамятный человек, чего он не может сказать о вас.

- Ты это о чем?
 — Зачем вы сказали Ледину, будто это Потехин убил его жену?
 — Ты, лейтенант, сбрендил? Да я и не видел этого Ледина. Мы ведь опознание на послевыходные оставили.
 — Тогда откуда же?... Машину, Сергей Антонович, и как можно быстрее!
 — Ты думаешь?..
 — Я пока ничего не думаю...

Глава 13

Вадим ждал мгновения своего ареста, как грешник праведного суда. Он в одно время придумывал ответы на все возможные вопросы, из тех, что ему предстояло услышать на допросах и “последнее” слово для суда. Представляя, как будет просить назначить себе высшую меру наказания, втайне (даже от себя) лелеял надежду на спасение. Стоя на противоположной стороне улицы Плеханова, прямо напротив дома Потехина, он видел, как тот входил в подъезд, как, спустя некоторое время, в этот же подъезд вошел дотошный опер, приходивший после ухода Потехина, и удивлялся глупости Андрея. (Не зная, как на самом деле все обстояло, он решил, что это Потехин вызвал милицию при обнаружении в своей ванной тела Наташи.) В этой стране, где человека сперва сажают, а потом решают — за что, глупо рассчитывать на справедливость и, тем более, на профессиональную работу следствия. Вадим видел все. Как, одна за другой, подъезжали к дому милицейские машины, как, спустя многие часы, Андрея вывели, держа подмышки, два рослых омоновца и затолкали в заднюю дверь “бобика”. Он видел, что все складывается так, как и предполагалось, но не чувствовал ни облегчения, ни какого-то удовлетворения. Больше того, по возвращении домой он ощутил невыразимый приступ злости и, разбив в квартире все, что только было возможно, забылся.

Половину ночи спал относительно спокойно, а вторая наполнилась привычным кошмаром. Не прекращавшимся ни разу после содеянного. И начинался он всегда с безобидного...

— Ой, скорей бы Андрюшка приехал. Как все-таки без него скучно. Я права, Вадик? — воскресным утром обратилась Наташа к мужу.

— Тоже мне, клоуна нашла. Признаться, он мне порядком поднадоел.

— Правда? — чуть-чуть с “кузьминкой” спросила она.
 — А мне показалось, что ты просто цветешь при его появлении.

— Напрасно. Обыкновенная вежливость и не более.

— Да? Свежо предание... Иногда я думаю, что ты ему просто завидуешь.

— Я, ему? Да ты с ума сошла! Я художник, белая кость русской культуры, и чтоб завидовал какому-то халтурщику? Глупости, не в чем мне ему завидовать.

— Так уж и не в чем?

— Я когда-либо давал тебе повод сомневаться в сказанном мною?

— И неоднократно. Ты всегда завидовал ему. Его успеху у женщин, таланту, оборотливости. Деньгам, которые у него не переводятся, а в нашем доме появляются только с приездом Андрея. Ты завидуешь ему даже тогда, когда он из жалости покупает твою мазню. А еще, ты меня к нему ревнуешь. Признайся, ревнуешь?

— Понятия не имею, что это такое. Впрочем, неважно. Повтори, пожалуйста. Как ты мои картины назвала?

— Мазня. Давно хотела тебе все высказать, да жалела.

— Ах, это ты меня жалела? Ну конечно, ведь не я тебя из шлюхи превратил в добропорядочную женщину. Ведь это я у Слепцова в содержанках ходил, я выполнял все прихоти маньяка, так что ли?

— Какая же ты скотина! Я и представить себе не могла, какой ты...

— Какой это?... Ну, скажи?...

Шлепок пощечины взорвал воздух в квартире.

— Мразь!

Вадим слабо помнил, что произошло дальше. Была борьба, он несколько раз, кажется, ударил Наташу кулаком в лицо и ушел в мастерскую.

Поздним вечером, вернувшись с искренним желанием мира, он не застал жены дома. На столе лежала записка:

“Вадим! Не ищи меня. Это все, дальше ничего между нами быть не может. Прощай”.

Наташа никогда не пускает слов на ветер, и ему ничего не оставалось, как пойти и напиться. Что и было сделано. Остальное помнил еще хуже...

Очнулся на полу, в квартире Потехина. Рядом на паркете лежала жена, и вокруг ее головы, словно черный нимб, уже загустевшая кровь.

Автоматически, без каких-либо признаков паники, Вадим принес из мастерской Андрея (ключ от нее висел в прихожей на видном месте) большой целлофановый мешок, поместил туда тело жены и, проволочив его по полу, с трудом поместил в ванную, после чего наполнил ее водой. Наведя в квартире порядок, убрав все следы своего пребывания, отправился в четвертое отделение милиции подавать заявление об исчезновении любимой жены.

Когда пришли с арестом, он не сопротивлялся, а на допросах и после, во время судебного разбирательства, забыл все, что заранее сочинил. Вел себя так, словно не с ним все это происходит.

Только значительно позже, когда, как говорят бывалые зеки, шел по этапу (т.е. сидел в одной из камер столыпинского вагона), слушая мерный и такой мирный перестук колес, вдруг подумал: “Хорошо б это был только сон”. И потом, сойдя на безымянном полустанке и сжимаясь при лае озверевших от голода, обворованных кинологами псов, закрыв глаза, проговорил: “Это только станция снов, следующая — обязательно будет Явью, и все вернется, и все вернется...”

Но он ошибался...

Галина ЗАБЕЛКИНА

Родилась в семье военнослужащего в Забайкалье. Окончила пединститут. Семь лет преподавала английский язык на фабрике Боярка в Авамском районе Таймыра. Заведовала отделом писем в газете "Коммунист Заполярья" в Игарке. С 1972 года работает в окружной газете "Таймыр". Печаталась в сборниках "Арктика в полвека", "Белый олень Серэко", "Северянки", "Чекисты Красноярья", "Енисейский меридиан".

РОМКА С ОЗЕРА ТАЙМЕНЬ

Рассказ

Вечером небо было усыпано звездами. Яркие, с синеватым оттенком, они, казалось, издавали тонкий хрустальный звон.

Сегодня, впервые за несколько последних дней, не было пурги. Весенние сугробы, почерневшие, устало распластались по всей тундре.

— Однако, едем, — услышала я голос Ирику, старого ненца, который стоял у нарт и нетерпеливо постукивал хореом по снегу.

Завтра утром будет хорошая погода — это старый рыбак определил как-то по звездам. И поэтому самолет, вероятнее всего, вначале прилетит за рыбой на озеро Таймень. Это тоже было предположение Ирику, и мы тронулись в путь.

Нартовый след за прошедшие дни замело, и можно было только удивляться, как каюр по известным только одному ему приметам находил его в этой вечерней звездной мгле.

Полозья нарт то скользили по льду каких-то речушек, поскрипывая, то проваливались в глубокий снег. Встречная струя ветра обжигала лицо, порошила густым инеем брови и ресницы и заставляла еще глубже кутаться в полушубок.

Часа через три быстрой, захватывающей дух езды мы услышали близкий хриловатый многоголосый лай собак. Подталкивая нарты, выбрались по крутой дороге и очутились у трех высоких, как мачты, чумов.

Я уже знала, что на этом озере, так же, как и на Маковском, живут несколько семей рыбаков местной национальности. Они с несколькими десятками оленей кочуют по побережью озера и круглый год ловят рыбу. Но рассказ сегодня не об этом. Рассказ о том, как иногда оживают герои знакомых с детства сказок. Стоишь взволнованный, замороженный неожиданным свиданием.

... Войлочная щель у входа в чум приоткрылась, и маленький человечек шагнул по снегу. Потом он побежал к упряжке, смешно косолапя, как медвежонок, и в радостном восторге кричал:

— Дядя Ирику, дядя Ирику! Я знал, что ты приедешь,

а папа не верил. А я знал...

Они поздоровались как настоящие мужчины, за руку. Внешне неуклюжий, в великолепии своего национального одеяния, он тут же с поразительной легкостью начал помогать распрягать оленей.

Мальчик искоса поглядывал на меня. Потом, когда мы уже пили чай в чуме перед сном, я разглядела его внимательнее. Чернявый, лет шести, с огромными раскосыми глазами, он устроился в дальнем закутке и что-то мастерил ножом. Своей работой был настолько увлечен, что не обращал внимания на громкие голоса взрослых. И только однажды он вздрогнул и буквально впился в меня взглядом, когда услышал просьбу, обращенную ко мне хозяином чума.

— Крови не боишься? — неожиданно спросил он меня.

Я неопределенно и растерянно пожала плечами.

— Дело такое, однако, — продолжал он, заметно чего-то смущаясь, — собака у нас старая-престарая. Слепла уже. Родная собака. Много лет выручала... Мучается, а пристрелить рука не поднимается. Ты же к собакам не привычная...

Собак я в жизни никогда не убивала. Но потом, из долгого рассказа об оленегонке, поняла, что люди эти не могут действительно найти в себе силы облегчить ее участь... Я неохотно согласилась исполнить утром их просьбу. Мне показали на угол у входа. Там на оленьей шкуре лежала белая, в черных пятнышках собака.

...Утром меня кто-то осторожно, но настойчиво потряс за плечо. Когда я открыла глаза, то увидела вчерашнего маленького человечка. Он сидел на корточках около меня, чуть склонив голову. Когда я встала, он зачерпнул ковшом воду, стал поливать мне на руки.

— Все ушли готовить рыбу к самолету, — объявил он осмелев. И тут же торжественно добавил. — А меня зовут Ромка.

...Мы сидели, пили чай — лучший напиток на севере, и я ему сказала:

— Нет, ты не Ромка.

У него вытянулось лицо, рот приоткрылся от удивления.

— Как так?

— Ты маленький принц с озера Таймень, — пояснила я.

— Маленький принц, маленький принц, — повторял он восхищенно. — Я маленький принц, — и засмеялся, довольный и пораженный чем-то загадочным.

— А что такое принц? — громким шепотом спросил он и придвинулся ближе ко мне.

Я, как могла, рассказала ему замечательную сказку французского писателя и летчика Антуана де Сент-Экзюпери. Он был весь в сказке. В том далеком мире, который неожиданно приоткрылся ему.

— Но он все равно жив?! Он не умер?! Он потом вылез, да? — воскликнул Ромка.

— Да! Конечно, он вылез, но только там, на своей планете...

— Это очень далеко? — спросил мальчик и затаил дыхание.

— Далеко. Но он оставил на земле своего брата, только не в жаркой пустыне, а на снежном Таймыре. Это ты!

— Это я! Это я! — восторженно воскликнул Ромка, принимая мою игру.

На его лице искрились смешинки и светились глаза.

Но вдруг он посмотрел в угол у входа, и все потухло. Он сжался в комочек, отодвинулся от меня и, кивнув на патронгаш с ружьем, выдал:

— Отец зарядил. Для Верны.

И тут я вспомнила вчерашний разговор.

Мой маленький принц молчал. Я оделась. Сняла ружье. И почувствовала непонятную дрожь в пальцах. Не зная, как быть с собакой — вести ее или нести на руках, я, словно прося помощи у Ромки, повернулась к нему. А он, уже чужой, повзрослевший, спросил:

— А маленький принц, этот, что на другой планете, он бы застрелил Верну?

От неожиданности вопроса вдруг стало душно.

— Наверное... нет.

— Тогда не убивай! Не надо, не убивай. Зачем тогда ты?...

Он кинулся к собаке, поднял ее, худенькую, слабо попискивавшую, и торопливо заговорил:

— Она умрет, а может, еще не умрет. Ничего, что слепая. Я все подготовил давно, давно, пойдём.

Я ничего не понимала. Мы пробирались по еле заметной тропинке в сторону от чума, пока не оказались около сруба старой избушки. В маленькой, чудом сохранившейся кладовке, в углу была сооружена самая настоящая конура из обрезков оленьих шкур, шерсти, тряпок. Он опустил собаку и заговорил:

— Я буду приходить к ней. Кормить. Она выживет. Я давно хотел ее сюда. А теперь стрельни в воздух. Пусть

думают, что убила, — попросил он.

И, склонившись к умирающей собаке, что-то зашептал на своем торопливом языке.

... Выстрел эхом прокатился по тундре, и сразу за ним в воздухе повис звук приближающегося к озеру самолета.

— Самолет, самолет! — подпрыгнул от радости Ромка и потащил меня вниз, к озеру. У чума остановился.

— Ты иди. Я догоню.

На озеро он спустился на маленьких широких лыжах, подбитых камусом.

Когда мешки с рыбой были погружены, и я сидела на одном из них, к двери самолета протиснулся Ромка. Он достал из-за пазухи маленький сверток и уже сквозь шум мотора прокричал:

— Это тебе!

Он еще долго стоял среди своих замшевых оленьих упряжек и махал вслед "Аннушке".

Я развернула сверток и застыла в изумлении: на ладони у меня лежала сказка — миниатюрные, тонко и любовно сделанные нарты. На месте сидения лежал кусочек оленьего меха и такой же маленький хорей.

Я вспомнила палочки, нож, его пальцы, первый день приезда, Верну и уже наяву поверила, что оставила на далеком озере Таймень настоящего земного принца, которого зовут Ромка.

Виктор САМУЙЛОВ

Родился в 1951 году. По профессии — военный вертолетчик. Вышел в отставку и приехал на Север. Кем только ни пришлось в жизни работать! Все это нашло отражение в его прозе. Печатался в газете "Заполярный вестник", в альманахе "Полярное сияние". В 2001 году в Красноярске вышла его книга "Обугленные миражи". Лауреат литературной премии имени Юрия Бариева за 2000 год.

ЗНАК РАВЕНСТВА *

Повесть

8

Осенью Васька, Катька, Кузнецова Люська и Колька с хутора пошли в Слободскую школу, в первый класс. Верка в гороховом платье отбегала всю зиму, за лето выгнута, и теперь мамка примеряла его Катьке. Но и младшая не дремала. Не отстала от старшей, в плечах и покрепче Верки оказалась. Мать поохала, купила крепдешину васьками по серому — не так марко, — отвела Катьку к тете Луше, деревенской портнихе, и пожалуйста: новое платье, новые сандали, новые носки, сумка, правда, одна на двоих. До школы два километра, и носить приходится Катьке, у Верки все время болит рука, ревматизм у нее: в плече мозжит и суставы в кочергу крутит. Невзабыльшная у них Верка, не той породы. У Катьки ничего не болит, таскает она тяжелый портфель.

Когда Катька перешла во второй класс, Верка стала ходить за озеро в школу. Целых пять километров, если кругом, и три — по промерзшему зимой озеру. Не приведи господи, каждый день топтать пять километров туда и пять назад. Когда и Катьке подошла пора за озеро идти, построили там интернат. Чуть раньше в их деревню провели радио. И теперь они с Веркой, распушив платья, часами крутились по тертому до бела голиком с дресвой полу. Учились красиво танцевать — как в кино, им хотелось. Верка мечтала и кавалера иметь красивого и важного. Она уже знала, что крутиться нужно на раз-два-три. И что вести лучше, чем когда тебя ведут. Катька заканчивала четвертый класс, Верка шестой. Старшая сестра наполнилась какой-то таинственностью, и Катька теперь не перечила ей ни в чем, безропотно полола картошку, ходила за травой для овец, мыла посуду, полы. К Верке приходила, на год младше ее, двоюродная сестра Танька, и они, выгнав Катьку во двор, подолгу о чем-то шушукались.

Озеро у них топкое, илистое, кругом болота и непроходимая чаща из здоровенных вязов, березы и осины, под ними черемуха, ольха, к берегу и в самую воду — ивняк, и по воде тростник. Озеро все в ямах от бомб и снарядов, в войну тут шли большие бои. Васька ходит, звонит стреляными гильзами в карманах, набрал по полям.

* Продолжение. Начало в альманахе "Полярное сияние" за 2001 год.

Сегодня Катька жалела Ваську из-за этих гильз: наложил он их полный карман с верхом, материал и прорвался. Васька железки переложил в другой, а в этот сунул деньги и побежал в магазин за хлебом. Его мама, небольшого роста, крикливая тетка Вера, отлупила Ваську почем зря. Он скрылся в кустах у силосной ямы, полной воды, и сказал подошедшей Катьке, что утопитя: родители его не любят, мамка ругается, что кормить его не за что.

Катька погладила соседа по голове.

— Не плачь! Им некогда нас любить. Наша мамка сейчас на ферме работает, фляги с молоком носит, навоз чистит, корма разносит, Женька-скотник из тюрьмы пришел, кричит пьяный, что таскать парашу за коровами — это западню, он не шестерка.

Они посидели, помолчали, глядя, как над ряской водой толкуются комары. Васька вздохнул:

— Мы скоро уедем отсюда.

— Куда? — встрепенулась Катька.

— На большую станцию. Пока председатель не пускает, справку не дает. Но мамка сказала, что напоит его вусмерть, и заявление тогда подсунет: подпишет, никуда не денется, — опять вздохнул, — невозможно жить стало. Огороды обрезают, корову кормить — с пяти одонков один себе. За выпасы штраф, яйца сдавай. Молоко сдавай. Мясо сдавай. Батя говорит: "Лучше я на производство пойду... Мол, все трактора знаю, не пропаду".

— Да, — подтвердила Катька, — и мамка у тебя не пропадет: мужик в юбке, на ходу подметки рвет.

Васька хотел что-то возразить, но, наверное, вспомнив о недавней порке, согласился.

9

Не помог маме жень-шень, не помогли доктора и лекарства. Гошка оглушенным все эти дни себя чувствовал. Пока шли похороны, сидел одиноко в маленькой комнате. К нему подходили какие-то взрослые дяди и тети, жалели, гладили по голове, вздыхали — сиротинушка.

... На кладбище Гвоздев вытащил Гошку из машины и поставил на бугор свежей земли.

— Брось горсточку, — крикнула ему тетя Зина.

Стоять было тяжело, моросил мелкий дождь, туман осел по кустам, все вымокли. Гошка взял комок глины и бросил вниз. Он, глухо стукнувшись, рассыпался по обитому красным гробу. Гошка вдруг заплакал. Стоять одному наверху было страшно, он плакал все сильнее, слезы лились ручьем, мешаясь с дождем, он не всхлипывал и не заходил криком, он просто плакал, освобождаясь от чего-то ненужного, выплескивая внутреннюю боль и тревогу. Гвоздев подхватил его, отнес к машине.

— Поплачь, поплачь, это святые слезы. Поплачь....

... Жизнь со смертью мамы для Гошки изменилась в малом, лишь учителя стали относиться по-другому, противно вздыхали, смотрели, как на больного, и если ставили теперь "пят", то это, Гошка чувствовал, лишь потому, что у него мамы нет. На третий день после похорон мальчишка поборол самого сильного в их классе, второгодника Степу. Степка — сын командира базы, подполковника Лиховца. И вообще у них в школе, как в большом армейском коллективе: выше должность и звание отца — выше по значению в школе и на улице его чадо. И учителя невольно подстраиваются под это правило. Оставили Степку на второй год по просьбе отца, Степке двенадцать лет, щеки у него из-за ушей видны, на руке он носит часы "Полет", задирает девчонкам юбку, заглядывает им за пазуху. На классной доске может нарисовать всякую непотребность... Гошка явно слабее Степки. Поднявшись, тот приобнял Гошку и предложил:

— Давай дружить, вместе сидеть будем.

Гошка согласился. Занятия только начались, его опять перевели через класс. Сразу в шестой, друзей он не заимел пока, ну а Степка — защита куда более надежная, чем сестры, девчонки. И по всему видать, парень не дурак. Сели они со Степой за последнюю парту. Лиховец осведомился перед этим:

— Видишь, слышишь без ограничений?

— Как — без ограничений?

— Ну, чтоб налету задания хватал и чтоб с доски до запятой видел.

— Без ограничений, — насутился Гошка.

— Ты не волнуйся, я и сам хорошо рублю во всяких там алгоритмах....

Степка действительно парень способный, но ленивый. Ему достаточно тех знаний, которые удавалось урвать, спуская или слушая подсказки. Ответы учеников и объяснения учителей он игнорировал — не интересно. Памятью Степка обладал прекрасной, и лишь некоторый сумбур в голове мешал ему самостоятельно учиться на отлично.

Очень смешно Гошке оказалось догадаться, что Степка влюблен по уши в его старшую сестру Галю. Васю Лосева, жениха ее, ненавидит, но и уважает.

10

Зимой Васькина семья уехала на станцию. Дом свой они продали. Подъехала машина, Катькин папа тоже помогал грузиться. Васька бестолково суетился, путался в ногах у взрослых, наконец, догадались его отправить с Катькой к ним домой. Они сидели на кухне, пили чай.

Вбежала запыхавшаяся мама Васьки:

— Хватит рассиживать, поехали, дорога дальняя.

Катька и оглянуться не успела, как Васька, хлопнув несколько раз глазами, исчез за дверью.

Девчонки притихли. Катьку ее жизнь вполне устраивала. Главное, чтоб интерес не потерять к делам. А Катьке все любопытно. В интернате воспитательница Ирина Ивановна ее хозяйственность и дотошность сразу оценила. И хоть младше всех оказалась, через месяц ее назначили бесшменной замзавхозшей, "Пульхерией Ивановной". Катька на прозвище не обижалась, с обязанностями справлялась и училась, к тому же, на одни пятерки. Ябедничать на хулиганов она себе не позволяла. Еще чего, получилось и так очень удобно: учились три сестры одновременно. И втроем они могли отдубасить любого пацана.

С Веркой все по-другому. Младшая очень осуждала сестру: учится кое-как, интерес в одном направлении — теперь уже совсем старшие парни. Ходит в клуб на танцы. Целуется вовсю. Катька нечаянно подслушала разговор Леньки с Витькой Зареченским, сидели они выпивали перед танцами, девчонка на печке играла, и пока она притихла, ребята уселись на кухне и повели разговор. Катька прислушалась... и слезть, сбежать бы, такого наслушалась, такого... и любопытно ей и страшно. Про Верку чего говорили, про Верку.... Она на Леньку с месяц смотреть стеснялась.

На праздники Катьку тоже в клуб брали, из города приезжал обязательно лектор, час читал лекцию о международном положении. Когда лектор удалялся за кулисы, важно унося толстый портфель, начинался концерт городских артистов. Разнаряженные, намузыканные тетки пели и плясали, становилось весело, начинался настоящий праздник. Открывался буфет, народ беспрерывно сновал по залу. Мужики прятались у печек и по углам, распивали чекушки. Летом мамка искала папку в кустах. Да и многие женщины бродили вокруг клуба, аукая и смеясь.

Осенью на праздник урожая приехали даже артисты из области, праздновать начали в два часа дня. Принаряженная Катька с Танькой, Верой и Кузнецовой Люськой ходили по приключной площади, взявшись за руки, как девки в кино, которое должны показать по темноте. Верка плутовато сузила глаза:

— Сходим к озеру, оно близко, мы недалго.

Через дорогу, травянистую межу и озеро блестит. В кустах будка с водяным насосом. Сейчас тихо, а так трещит на всю округу, качает воду на дальние поля, на ферму.

— Пошли, — потянула она девчонок.

Росы еще не было, и, стараясь не запылить туфли, они перешли через дорогу, спустились с межи к большому кусту черемухи. Верка нагнулась и, пошарив, вытащила котомку, из нее торчала бутылка, заткнутая газетой.

— Это твоя? — удивилась Люська. — А нам дома не дали, сами выпили. Маленькие, мол, еще. А я уже и пьяная напивалась.

— Это Ленька с Витькой спрятали. Они уже и приложились. Кать, ты смотри за межой, а мы для храбрости понемногу выпьем.

Катька отошла и смотрела то в одну, то в другую сторону. Верка с Люськой храбро выпили по глотку, а Танька

испугалась. Она несколько раз подносила стакан ко рту, но всякий раз хваталась за горло и громко плевалась.

— Тю на тебя.

Катька после Васькиного признания ревновала Таньку и теперь, подбежав, выхватила у нее стакан и, не дыша, глотнула полный глоток. Глаза и рот у нее округлились до одинаковой величины, на минуту пропало дыхание. Верка сунула ей в рот малосольный огурец. Люська стукнула по спине. Катьку прорвало сразу, она заплевалась, захрюкала, затопала ногами, запрыгала, подвизгивая и плача. Верка намочила в озерной воде платок, вытерла сестре лицо, причесала.

— Дура, разве можно так.... Чуть не полстакана выпила, теперь запьянеешь и упадешь.

— Не упаду, — Катьке стало весело, хотелось петь, плясать. — Пойдем на танцы!

Верка растерянно посмотрела на девчонок:

— Домой ей надо, вот малолетка, навязалась на мою голову.

— Сама ты малолетка!

Катька храбро полезла на межу, но вдруг почувствовала, что межа провалилась. И она летит в пропасть. Катька вцепилась руками в землю, вроде все утихло. Но только она попыталась встать, земля кувыркнулась, и Катька скатилась с нее. Растопырив руки, она держалась за траву и ревела во весь голос. Потом она почувствовала, как сильные руки подхватили ее, раздался Ленский голос:

— Ну, дела... Она же пьяная!... Кто девку напоил?

— Она с Веркой, Люськой, Танькой ходила.

— Ну, паразитка! Плянь-ка, и нашу бутылку нашли. Отпшто, правда, чуть-чуть.

— Ну, тогда не страшно, это наша Катька с испуга закувыркалась.

— Домой ведь надо ее нести, — посетовал Витька.

— А чего делать, понесу. Ну, как ты?

Брат приподнял веко у Катьки, та стыдливо улыбнулась. Ее жутко тошнило, но голова почти не кружилась.

— Во! Улыбается! Ну, я пошел. Скоро вернусь, перепрычь котомку.

Катька убаюкалась на Ленских руках, от брата пахло одеколоном, потом. От него всегда пахло потом, но не противным, а жарким, с привкусом полынной горечи, в его запахе чувствовались сила, уверенность. "Мой мужик будет так пахнуть. Кто так пахнет, за ним, как за каменной стеной", — думала Катька.

11

Гошка успешно закончил шестой класс, съездил в Хабаровск на математическую олимпиаду, занял третье место. Так как среди всех участников он был самый младший, его рекомендовали направить в спецшколу, которая находилась в Хабаровске. Папа прочитал рекомендации:

— Это здорово, баллистика — это сплошная теория вероятности, пойдешь в Суворовское училище.

Гошка не возражал. Раз Батя считает, что хороший математик — прирожденный артиллерист, пожалуйста,

будет вычислять, куда ракетам падать, чтоб противника точнее поражать.

В Суворовское училище Батя Гошку не отправил, друзья отговорили. Мол, ты, Батя, человек заслуженный, воин до мозга костей, но всмотришься в парня, он же совсем гражданский. Тяжело будет ему в армии. Пусть в гражданский вуз поступает, в Москву, в самый лучший. Девочку замуж отдавай, вдовушку присмотри себе по плечу. Тут бы Батя и без советов обошелся. Не каждую ночь дома ночевал, а дебелия, статная заведующая офицерской столовой Мария Александровна так ласково на Гошку смотрела, что он начинал спотыкаться. Ванька Зуй посмеивался:

— Скоро вам Батя мамашу приведет.

Гошка задумался. Многие вопросы жизни он, конечно, упускает. Галя и Васька, по всему, разбежались. Сестра все лето на берегу моря с практикантами, рыбододами, загорала. Вася в кругосветку ушел. Зимой приезжал на каникулы. Гали не было. А теперь и вообще не встретятся, Васькина мама уезжает к себе на родину, куда-то на запад. Папы у Васьки нет. Наверное, и они будут собираться. Батя выслуги набрал выше крыши. Бабушка живет в небольшой деревне под Воронежем. Может, туда поедут?

12

Катька проспала до обеда следующего дня. Последний час лежала просто так, ругала себя и Верку, заодно и Таньку с Люськой...

Когда ей надоело думать, она толкнула сопешую у стенки Верку.

— Хватит спать. Ты во сколько пришла?

Верка, не открывая глаз, повернулась на спину. Майка у нее вытянулась, вся грудь оказалась в синяках. Катька ткнула пальцем.

— Кто тебя так отлупил?

Верка оттянула майку ниже, у нее синяки даже на сосках были....

— Все! — гордо заявила она. — Я больше не девка. Сломали.... А это засосы, а не синяки.

Катька со страхом смотрела на сестру.

— Ну, чего вылупилась? Мы пьяные были. Платье надо стирать, целый час по траве валялись. — Помолчала. — Больно немного, а так — ничего....

— Тебе замуж теперь надо!

— Дура ты, Катька, теперь, с кем хочу, могу спать. Замуж я не собираюсь, поеду в город, поживу в свое удовольствие.

— Это ты дура!

Катька побежала на улицу. Сидя в туалете, она услышала громкие, тревожные голоса, понукание лошади и вдруг дикий вопль матери. Катька выбежала за ворота. Стояла лошадь, стоял народ, на телеге лежал отец с неестественно закинутой головой, лицо у него было синее, язык вывален. Катька закричала, на нее налетела Верка, и она заорала. Манька Васиныхина схватила их и повела во двор.

— Ох, горе! Ох, горе!.. Да что ж это творится, ох, горе... — Она посадила девчонок на завалинку у бани, сама села. — Чего не жилось мужику? В доме достаток, женка —

не найдешь такой другой, детки — любо-дорого посмотреть.

Отца похоронили. К первому сентября отправили в город Верку. Отвозил ее Ленка, вез узел с бельем и мешок с продуктами. Устроили ее на квартиру и учиться в СПТУ на швею, как того Верка и хотела. Катька долго шла за телегой, махала рукой. Мама проводила дочку до автобуса и вернулась на лошади назад. Сдала транспорт конюху, вытирая глаза концами темного платка, вошла в дом, прошла в передний угол, тяжело опустилась на колени и, постояв, поникнув головой, начало истоиво креститься, шепча что-то.

Катька испугалась: у них в семье никто о боге никогда не вспоминал, тем более, не молился. Она осторожно подошла к маме, та чуть повернула голову: «Иди, дочка, иди, я тут сама. Не бойся, посмотри в огороде.... Иди».

Леньку забрали в армию на Октябрьские праздники. В военкомате можно было хлопотать отсрочку, но парень стал на дыбы — пойду в свой год. Вы не безрукие. Вдвоем много не надо. В зиму сена для коровы привезено, дров на два года вперед. Нет, и все!...

Верка уже три месяца в городе, приезжала два раза, довольная, веселая, обновками похвасталась: бордовый платок и красивое, шелковое нижнее белье, пояс специальный, чтоб чулки держать. Так на Верке красиво, что Катька бросилась сестру целовать и тискать.

— Это мне наш преподаватель подарил.

Катька задумалась:

— А разве такое дарят?

Верка лукаво засмеялась:

— Дарят, если хорошо попросить.

Катька замолчала, она уже поняла, как это — хорошо попросить.

— Ну, что насупилась? Наплачешься ты, сестра, со своей праведностью.

— Девка честь должна блюсти, — топнула ногой Катька.

Верка внимательно посмотрела на нее:

— Не знаю, Катька, может, и так. А может, и нет. Ты честь блюди, и посмотрим, как лучше получится...

13

Гошка вполне успешно закончил восьмой класс, Надя десятый, Лена девятый. Степка нервничал и все выпрашивал Гошку о дальнейших планах Нади.

— Понятия не имею. Молчит и деньги копит.

— Как это — копит?

— Она за старшую. Папка ей бюджет доверяет, дает на всякие расходы. Надька прижимает, копейки считает.

— Ну и ты думаешь?..

— Да, я думаю, собралась в столицу махнуть. Она упертая, сил нет. Чего решила, своего добьется.

...Надя поступила в Московский областной пединститут, за два года ни разу не приехала погостить, писем не писала. Слала лишь поздравительные открытки. Одна, по обратному штемпелю, выслана была от бабки, из Воронежской области. Галя на последнем курсе в Хабаровске, приехала с мужем, молодым аспирантом.

Ленка выгнулась в такую зеленоглазую, рыжекосую,

статную красавицу, что и глаз не отвести. Вся местная пацанва на нее заглядывалась. Гошка, грешным делом, подсматривал, как Ленка переодевалась. Та, кстати, не очень-то и скрывалась, могла часами крутиться перед зеркалом, обезьянничая и гримасничая. Примеривала всякие наряды, крутилась и без нарядов. Гошка злился, что Степка начал уделять и Ленке внимание.

— Я смотрю, очень ты быстро пристрастия меняешь: Галя, Надя, Лена.

— Ничуть, — не смутился Степка. — Мы с Леной ровесники, и ростом она мне под стать, — скосился на Гошку, — дерева, дерева....

Гошка намек понял. Конечно, в росте он уступал Степке, и с Леной, если поставить их рядом, он, пожалуй, не сравнялся еще. Отпарировал:

— Сила есть, ума не надо.

Степка и тут нашелся:

— Не хватит своего, у тебя займу.

Он целыми вечерами сидел у Лены в комнате, принес магнитофон, крутили музыку, смеялись до содрогания стен. И Гошка, хоть и тосковал по непоседливой сестре, остался очень доволен, когда она уехала поступать. Пришла через некоторое время телеграмма: «Поступила, Лена». Написала пару писем, не писем — открыток, и замолчала.

14

Места родные Катьке любы, милы, особенно летом. Леса, перелески, ухоженные с любовью поля: овес, рожь колосятся, уже желтого в зеленях пробилось, где повыше, и совсем желто...

Является Катька домой, успешно сдав выпускные восьмиклассные экзамены, имеет желание закончить десять. Тем более, ей пообещали на следующий год путевку в «Артек». Ну, мамка довольна, конечно, Катьку блинами потчует, о планах выпрашивает. Показала письмо Ленкино. Служит двухметровый брат в особой роте — для парадов, в дивизии имени Дзержинского, и присмотрел ее братец-гренадер себе местную невесту.

— Гренадериху, — смеется Катька.

— Ну, что ты говоришь, он же брат тебе. Вот, значит, — продолжает мамка, — собирается Ленка остаться на сверхсрочную, может, и в училище пойдет учиться на офицера.

Катька задумалась. А мама Ньюра ее по голове гладит:

— Ты, дочка, не кручинься. Избу твоего друга Васьки купили которые, к ним дед из Ленинграда приезжает. Я с ним познакомилась, совсем одинокий дед, блокаду пережил, один остался, как перст. Все поумирили, кто сразу в голод, кто потом — не выправился. В городе нанимать няньку, говорит, боюсь, отравят, квартира у него двухкомнатная, вот и предложил: «Если ты меня до смерти богоданной доведешь, все тебе оставлю...». Как думаешь, дочка?

Мама просительно посмотрела на Катьку. У той блин комом встал от этого взгляда. Как же тягостна и постыла жизнь их мамки в этой глуши. Катька смотрит: а ведь ей немного за сорок, черные, чуть седной тронутые волосы, большие, карие глаза. Крепкая, ладная, лицо чистое, —

красавица ведь!

— Мам, ты сама как решишь. Я восемь закончила, поеду, поступлю в медицинский техникум. Будем с Веркой и Танькой вместе жить. Танька год в этом техникуме учится. В куче веселей, ты за нас не волнуйся. Живность продадим, дом пусть стоит, на лето будем приезжать, зелень подсадим.

Мама заплакала:

— Вот и все, доченька! Развалилось наше гнездышко. По перышку собирали, думали, все вечно, детей тут вынужаю, с внуками наиграюсь!.. Горшок из-под старого деда выносить придется.

Заплакала и Катя, плакали они долго. Может, и еще б ревели, в калитку загрохали.

— Это дед мой, приведи его, познакомься.

У калитки стоял высокий, седой мужчина, опирался на палочку, голубые глаза смотрели вопросительно и вместе с тем успокаивающе, доброжелательно.

— Екатерина Петровна? — он протянул руку. — Рад познакомиться. Я тебя такой и представлял, — чуть склонил голову, — Евгений Алексеевич, — добавил, — Селиверстов.

Катя страшно засмузилась, покраснела, протянула руку.

— Ну, веди в дом, хозяйка!

Катя заполошно ринулась вперед, открыла все двери. Села к кухонному столу. Мама вышла навстречу гостю.

— Совсем вы мою девку засмузили, непривычная она к барскому обращению...

— Бог с тобой, Нюра Арсентьевна, какое ж барское. Самое простое, человеческое. А дочка у вас наичудеснейшая, дай бог ей счастья.

15

Вопрос об определении дальнейшей судьбы для Гошки стал ребром. После Нового года пришел приказ на Батю о демобилизации его из вооруженных сил. Путь Орехова и завстоловой лежал к западным границам России. Все документы оформлялись в Киев. Гошке нужно определиться самому, брать его в столицу никто не собирался, вслух об этом не говорили, но и так все понятно. Но парню всего-то четырнадцать лет, и он ничегошеньки не понимает в жизни, растерянно, с надеждой взирает на сумрачного Батю, на лебезящую перед ним завшу. Конечно, Гошка — взрослый человек, закончил десятилетку, но толку-то, требовалось специальное разрешение, чтобы поступать в высшее учебное заведение. Надо хлопотать, ехать в роно, и т.д. и т.п...

Неожиданная спасительная мысль пришла ему в голову.

— Батя, я не успел тебе сказать. Приезжал Вася Лосев, он мореходку давно закончил, старпомом на наливняке ходит, а супруга его в политехническом институте преподает. Я с ним разговаривал. Он сказал, чтоб я приезжал без всяких вопросов. Лаборантом меня возьмут. И учиться буду. Первое время у них поживу, а потом общагу предоставят.

Отец внимательно посмотрел на сына.

— Ты правду говоришь?

— Ну а как я такое придумать могу? Вас провожу и поеду.

Гошка искренне верил в то, о чем говорил. Это как озарение, когда он стрелял в кабана. Он вдруг увидел свой путь, как полет той пули. Ему на миг стало страшно. Нет, он не увидел рока в своей судьбе, он ничего не увидел, ему стало лишь страшно от того, что счастливые озарения так редки, а преддверия их так мучительны...

Неожиданно в гарнизон приехал Вася Лосев. Гошка подошел к нему и объяснил ситуацию. Вася был при форме, блестел, как петух, дел у него в гарнизоне никаких, кроме как похвастаться успехами, — всем ясно. И он сразу же явился к Ореховым, полностью подтвердил слова Гошки. Отец лежал на кровати, мешки подглазьев налились синевой, лицо пожелтело. При словах Васи он зарозовел, глаза радостно заблестели.

— Ну, слава богу, я уж думал, присочиняет наш вундеркинд, Батьку расстраивать не хочет. — Перевел взгляд на дверь из комнаты. — Сейчас бы стопарик... за благополучие.

— Нельзя вам, товарищ подполковник, на место придете, тогда и... Когда, кстати, решили отбывать?

— С недельку придется полежать. А вы когда?

Гошка поднял руку.

— До начала занятий месяц, провожу вас и поеду, мне ведь не к спеху, — посмотрел на Васю. Тот мигнул.

— Не к спеху, это и к лучшему, мы все там обговорим... Дела покрепче соштопаем, хотя все уже решено, хоть сейчас за парту... Ну, все, я сам завтра на первом пароме, а ты... — повернулся к Гошке, — не тяни.

— Как только, так сразу.

Гошка проводил Васю на паром. Лосев рассказывал, как учился, куда ходил в загранку, что видел. Говорил много и интересно, но с грустью и печалью, не захлебывался от восторга... "Вот дурак, — думал Гошка, — мне бы на его место, жалеет как будто"... С первым гудком Вася заспешил, неловко скосив глаза, признался, что приехал с тайной надеждой увидеть Галю.

— Она замужем, — насутился Гошка. — И ребенок уже есть.

— Ну и что! Я бы ее и такую взял.

— Какую — такую? — обиделся Гошка.

— Люблю я ее, дурачок! Привет ей передай... и скажи...

Вася надвинул фуражку на лоб, поспешил на паром.

... Гошке не спалось. Он всегда чувствовал, что гарнизонная жизнь — это временное явление не только для него. Чувство неустойчивого равновесия лежало на всем. Тут не существовало понятия: это мое, лишь наше, и потому — нельзя! Не положено! Родина не велит! Но, наверное, только так и можно было поддерживать порядок. Сломал Гошка дверную ручку, и только необходимость заставила папу ее отремонтировать: не свое ведь, наше, а вообще — временное и есть ничье. И когда нельзя, тогда ведь очень хочется. Тем более, если и ничье... Поэтому в гарнизоне и происходят дикие случаи, не чаще, чем где-то: культура, форс, воспитание как-никак. Но через "нельзя" к "очень хочется" — вспышки яростных, разнузданных страстей.

Гошке тоже хотелось чего-нибудь такого... Ему надоело ходить строго по асфальтовым дорожкам, его тошнило от вида вертушки на КПП, хотелось схватить ее, сломать, бросить в стекло, чтоб оно брызнуло в беспристрастную, наглуго рожу дежурного. Много чего Гошке хотелось, и многого не позволялось. С тем он и уснул: все меняется, еще чуть-чуть, и произойдет чудо, а какое?..

16

...В обед следующего дня Катька тряслась в кузове грузовой машины, лоя взглядом зеленые перелески, островками плывущие среди желтых, безбрежных полей ржи и пшеницы.

На квартире у Верки она еще не бывала, но как идти, хорошо уяснила. Дойти до набережной и по ней, пока не начнется частный сектор, то есть такие же дома, как и в их деревне. Отсчитать от первого десять домов — и с шиферной крышей на двух хозяев будет нужный дом. Она поднялась на высокое крылечко, толкнула плечом филе-чатую, синюю дверь, осторожно прошла по узкому коридору, заставленному какими-то ящиками. Дверь в комнату открывалась на себя, она постучала в нее ногой. Раздался Веркин голос:

— Входи, не закрыто!

— Открой, у меня руки заняты, — крикнула Катька.

— У меня тоже заняты, — откликнулась Верка.

Все же она толкнула дверь. Катька протиснула узел, сетку, пролезла сама.

— Чем это ты занята?

— А вот... — Верка, как будто они только вчера расстались, — печку белю.

— Фу, — Катька смахнула с лица рукавом пот, осмотрелась.

Большая светлая комната, четыре кровати по углам. Посредине большой стол, вокруг стулья. У каждой койки по тумбочке. Как у них в интернате. Слева большая печка, плита. К стене справа — комод и большой шифоньер. Печка уже почти побелена, кругом на полу газеты, забрызганные известью.

— Подожди, трубу забелю, и все! Пройди вперед. Что вкусенького привезла?

— Привезла, могла и сама приехать. Мамка все распродает и в Ленинград жить уезжает.

Верка растерянно села на лавку, с которой мазала кистью трубу.

— А как же мы?

— А что с нами сделается? — удивилась Катька.

— Как — что!... — вскричала Верка. — Чем жить будем? Кто нам картошки, сала и всего пришлет?

Зашевелилось одеяло, из-под него выглянула заспанная, встрепанная рожица Таньки:

— Привет, сеструха!

— Привет!

— Это здорово! Это правильно. Она тут в один день стипендию спускает: вино, сигареты с фильтром, мальчишки... а потом месяц на картошке сидит, с меня все тянет.

Верка молча добелила трубу, собрала газеты в охапку, понесла на улицу. Катька схватила веник, подмела вокруг печки, собрала мусор в жестяной совок. Пол кой-где белел известковыми пятнами.

— Надо помыть, — Танька вылезла на свет божий, — моя очередь убираться.

Катька развязала сетку, начала выкладывать продукты на стол.

— Ты хозяйство бери в свои руки. Если деньги есть, не говори. Пацаны ходить будут — гони в шею. Мы с тобой порядок наведем! Ты думаешь, почему она печку белит? Подрались на днях из-за нее, чугунок щей по печке размазали, на неделю б хватило, я только сварила.

— Ладно, разберемся, — буркнула Катька.

— Разберемся... Ее гнать из СПТУ собираются. Так что разбирайся побыстрее.

17

Гошку на причале встречал Вася Лосев: золотые нашивки, краб на фуражке ярко блестел, — парень Васю заметил чуть не от середины бухты. Они поздоровались.

— Ну, как там ваши?

— Все уже, — плечи Гошки тянул рюкзак, у ног стоял небольшой фибровый чемодан, — проводил. Они поездом до Хабаровска. И дальше самолетом. Батька ничего, держится.

— Мы говорили в институте по поводу тебя, наверное, проведут собеседование, может быть, и учиться начнешь сразу. Ты на какой факультет думаешь?

Гоша поежился, не имел он совершенно никаких приоритетов в науках. Занимался математикой, поскольку видел, чувствовал ритм движения мысли за безликостью цифр. Скажи, что мечтает летчиком стать, засмеют. Не поверят, но Гошка действительно мечтал стать летчиком. Вася Лосев по-своему расценил молчание парня.

— Главное, на первое время устроиться, а там определишься, какие твои годы, пятнадцати еще нет. Вся жизнь впереди. Поживешь у нас. В тесноте да не в обиде. Квартира двухкомнатная в районе второй речки. Будешь нянчиться со Светкой, мне кажется, у нее математические способности налицо: скажет, дай три конфетки, попробуй, смухлой! Самой-то три года. — Вася неловко покряхтел. — Есть и еще оболтус, с бабкой живет, твой ровесник, в десятый еле перетащили. Но это не мой грех... Подженился на квартире...

На недоуменный взгляд Гошки лишь тронул фуражку.

— Не угнал за Галей. В мореходке учился, она определилась, поспешила. Сам знаешь, как нам, гарнизонным, одно слово — перекасти поле!... Потому и стремимся, спотыкаясь, морду расшибая, побыстрее свое занять, нашим детям чтоб в завтрашний день не заглядывать...

Понятны горевания эти Гошке, недавно думал об этом.

Вася жил на пятом этаже одноподъездной девятиэтажки. Гошка немного робел, все же он не ожидал, что у Васи жена — солидная женщина, с дитем, ему ровесником. Казалось, откроется дверь, а там девка, такая, как Галья!... И дверь открылась... Гошка оторопел... Чтoб до такой степени могли быть похожи два совершенно далеких человека: и

рост, и глаза, и волосы, и даже речь и движения — неспешные, плавные, наполненные доброй снисходительностью умудренного жизнью человека.

— Вика, — представил ее Вася, — а это Света.

Белобрысая девчушка жалась к ноге женщины, дергая ее за халат.

— Виктория Федоровна, — поправила она Васю, хлопая девчушку по ручке. — Света, веди себя прилично. Теперь с этим мальчиком ты будешь дружить.

Девчушка внимательно посмотрела на Гошку. Протянула руку:

— Пойдем!

— Ну, вот и все, — засмеялась Виктория. — Вот и друзья. Идите кушать. Пельмени ждут.

Гошка последние два дня жил впроголодь, питался селедкой с хлебом. И сейчас потел, уминая третью порцию пельменей. Вика с некоторым беспокойством посматривала на парнишку.

— Как у тебя с аппетитом? — не выдержала она.

— Нормально, — буркнул Гошка.

Вася схватился за живот.

— Ой! Не могу!

Парнишка оторвался от тарелки, недоуменно посмотрел на хозяев. Смеялась и Вика.

— Я уж испугалась, не болен ли ты какой-нибудь фобией... Наголодался, беденький! — подвинула ему пирожные, чай. — Гоша, ты меня извини, но любопытно, кем бы ты себя видел лет через пять, семь?

— Лет через пять, семь? Даже не представляю....

Вика беспомощно посмотрела на Васю.

— Тебе что, все равно, где ты будешь учиться, работать?...

— В принципе все равно. Я думаю, более важно, как человек относится к делу, а не его внутренние приоритеты. Мало ли, кому чего хочется. Есть обязанности перед обществом, страной. В меня вложили и деньги, и труд, я должен, обязан оправдать все это, и если мне, конечно, по плечу, оставить задел, возможность последующим поколениям, учиться, работать... то я весь... внимание.

— Ну, в общем, плоды просвещения налицо... — вздохнула Вика, — отговорился. Так ты нам и не изрек, кем же хочешь себя видеть через энное количество лет. А все потому, что математики — люди приземленные, и витать в облаках, мечтать — не их стезя... Значит, завтра идем устраиваться в институт. Забирай, Света, гостя, я смотрю, ты совсем измаялась. Светочка — деточка беспокойная, но по ночам спит крепко, это хорошо, плохо — встает рано.

Гошке поставили раскладушку у стены, у другой стояла Светина кровать, у окна письменный стол, слева полки с книгами от пола и до потолка. Дополнял убранство комнаты большой шифоньер, за ним валялись эспандер и гантели, стоял ящик с игрушками.

— Тут мы будем жить, — заявила Света, — ты и я, мама с папой в большой комнате, — ковырнула в носу, — плохо засыпают: ворочаются, скрипят и смеются....

— Накажем, — согласился Гошка.

“Ну, деловая, спит она крепко... ха!”

С Гошкой в институте провели собеседование и взяли вольнослушателем на первый курс факультета информатики. Такой прием предполагал отсутствие стипендии, и Гошке, в нарушение всех законов, разрешили подрабатывать на кафедре технологии лаборантом. Работа Гошки заключалась в перетаскивании металла с места на место: под пресс, на гильотину, в гибочную машину.

Платили Гошке маловато, деньги он отдавал Вике, та морщилась, вздыхая. Парень понимал, что это слезы, помогал по дому, гулял со Светкой. Васин наливняк ушел на Кубу. Заглянул как-то Клим, сын Вики, здоровенный парнюга со слегка раскосыми, пронырливыми глазами. Попросил у матери денег, попил чаю с Гошкой на кухне, посетовал на свое несчастное житье. Гошка неожиданно предложил:

— Давай, я к твоей бабке пойду, а ты сюда!

Клима как ветром сдуло, на прощание посоветовал:

— Матери не вздумай эту мысль подкинуть...

18

Через две недели Катьке казалось, что всю жизнь в городе она и прожила. Экзамены сдала, ее приняли на специальность хирургической сестры. Начались занятия, хотя грозились через неделю отправить на картошку. Таньке и Верке, которых уже определили на работу, наказала обязательно набрать хоть по ведру молодой картохи. Если подвернется, можно прихватить и морковки. Неплохо было б кочан капусты, а то и два привезти. Даже Танька вздыбилась:

— Чего ты раскомандовалась, мы и без тебя знаем, что по чем.

Но вступилась Верка:

— Не мешай, лучше Катьки все равно нам не хозяйствовать. Ее и мамка слушала....

В субботу девчонки собирались на танцы.

— Пойдешь? — посмотрела Вера на сестру.

— Нет, и не подумаю.

— Ну и сиди! — Хлопнула дверь, на улице раздался смех, потом все стихло.

Катя полежала, полистала книгу. Подошла к окошку, окна выходили на реку. Проплыл пароход, залитый мириадами разноцветных огней — целый город! Согрела чаю на плитке, попила с подсушенным хлебом. За стеной глухо, быстро стучало: по всему, капусту шинковали. Пойти помочь...

Хозяйка дома, баба Марья, действительно, рубила капусту и помощнице очень обрадовалась.

— А сестра у тебя — халда. Я боялась, что и ты такая. И отчего вы такие разные?

— Она не в нашу породу, но она хорошая, добрая.

— Слишком добрая... — вздохнула. — Смотрю на вас, рветесь из деревни в город. Как медом тут намазано. Верку жалко, девка она видная, проходу парни не дают. Ты-то и с виду другая: телом добра и умная, вижу, девка ты. А вот задора в глазах не видать: половина Веркиного, половина

твоего — во бы девка получилась, — засмеялась бабка. — Ну, все! Вроде управились. Давай теперь чай гонять.

— Почему на танцы не пошла? — спросила она, уже разливая из курного, фарфорового чайника заварку по чайным пузатым чашкам. — Поругались или еще что?

— Не хочу, учиться надо, и не с танцев в городе жизнь начинать.

— Наверное, ты правильно думаешь, и желание твое хорошее. Только жизнь свои правила нам подсказывает. Если будешь затворничать, то ничего, думаю, путного не получится. Ходи на танцы, веселись, все надо в меру. Конечно, не так, как Верка. Пошла бы вместе со всеми, поплясала, музыку послушала, смотришь, и учиться легче будет...

В понедельник первый курс отправили на уборку картошки в дальний район. Работа эта для ребят привычная. Катьке нравилось на картошке, лишь бы дождь не пошел. Вечером, плотно поужинав, они бродили по деревне. Пели песни. Городские девчонки научили Катьку новым песням. Петь она любила, и ее звонкий голос можно было услышать чаще других.

Их группа с работы приходила раньше всех. И в общем, хоть и доставала учительница своей неугомонностью молодежь, но и время для них сэкономила. Лишний час к вечеру уставшим ребятам не помешает.

Парни с деревенскими хлопцами гоняли в футбол. Девчонки сидели у ворот, громко кричали за своих. Катька болела за команду, в которой играл Лева Воробьев. Высокий брюнет, волосы у него длинные, когда бежит, они лохматой гривой подлетают вверх, падают на глаза, но Левка мяч все равно не теряет! Здорово Левка играет в футбол!

На следующий день Катька выпросила у деревенских волейбольный мяч, принесла к футбольному полю, поставила девчонок в круг. Девчонки плоховато по мячу стучат, только Зинка Горелова и Катька более менее, другие визжат да приседают. Ребята в футбол наигрались и к ним присоединились. Ребята и в волейбол играют здорово, и тут Левка оказался лучше всех. Он стал напротив Катьки и начал потихоньку гасить мячи в ее сторону. Ни одного мяча девчонка не упустила. Левка крепче стал бить. И тут Катька поднимает. Удивился. Когда шли домой, догнал ее:

— Ты где так научилась?

— В интернате.

Левка удивленно посмотрел на нее.

— Разве после интерната можно поступить в техникум? Там же одни недоразвитые учатся.

— Что ты сказал? — Катька не поверила своим ушам, остановилась. — Это откуда у тебя такая информация?

— Ну, не знаю... — сконфузился Левка. — Я считал, в интернат сдают детей из неблагополучных семей или если они не могут успевать в нормальной школе...

19

Слевой у Кати сложились дружеские отношения. Что, в общем, всегда сопровождало Катькину жизнь. Почему-то парни видели в ней хорошего товарища, никак не больше. Сердечко у нее уже не обмирало при виде Левы. Могла она

его хлопнуть по долговязой спине, толкнуть, если мешал, и просто послать подальше.

— Хороший ты парень, Катька, побольше б таких!

Но ей-то от этого не легче. Она подолгу стояла у зеркала, разглядывая себя.

— И что во мне такое, что я — хороший парень, а не девка? Все бабское на месте, лицо вроде грубовато, веснушки...

Катька сменила прическу, стала следить за одеждой. Выпросила как-то у Верки новую кофту и юбку, в таком виде отправилась на танцы. Туфли у нее свои, хорошие еще, у каблука подклеила немного — и как новые. Подвалил к ней Сергей Ерофеев, он уже закончил СПТУ и работал на мебельной фабрике фрезеровщиком. Получал приличные деньги, одевался, как городской, к ним перестал ходить. Увидел Катьку из другого конца зала. Только заиграла музыка, направился к ней. Катька заметалась: Верка слезы лила, когда он ее бросил, — зачем повод для ссоры. Но, Серега не дал Катьке улизнуть, крепко взял за локоток.

— Сколько лет, сколько зим, — раскосые с прозеленью глаза дружелюбно улыбались, — потанцуем?

«Может, он о Верке хочет спросить?..»

— Потанцуем!

Катька к парню испытывала некоторое любопытство, смешанное с презрением. Он два раза оставался у них ночевать. Ночью шмыгал к Верке в кровать, они хихикали, осторожно поскрипывали пружинами до самого рассвета. Утром просыпались все на своих местах, таранились друг на друга, как ни в чем не бывало. Катька клала ночью на голову подушку, вся она горела пламенем. Ей становилось и стыдно, и сладостно от этих тихих поскрипываний. Когда Сергей ушел, она закатила Верке скандал. Та лишь посмеивалась.

— Дура ты, Катька, для кого бережешь? Это в тебе кровушка шальная говорит.

... Катька весь вечер танцевала с Сергеем, вернее, это он не отпускал ее.

— Красивая ты стала. Давно к вам не заходил. Как там сестра? — спросил все же....

— Нормально, дома сегодня сидит, мы с Таней пришли.

— Знаю, как она там сидит.

Катька ошетилилась:

— Это не твое дело.

— Да не мое, не мое. Может, хватит толкаться, пойдем домой, мне на смену с утра, выспаться нужно. В кои годы выбрался и тебя встретил.

— Я тебя не держу, иди, спи.

Серега крикнул, но настаивать не стал, ушел. Таню провожал ее плюгавенький Боря, весь вечер на танцах он не отходил от нее, зыркал на всех ревнивым взглядом.

— Змей, а не мужик, — предостерегала Вера сестру. — Выскочишь замуж, он тебя у постирушек сгноит.

Через неделю Катя собиралась на танцы, постучали. Дома были все. Вошел Сергей, высокий, под потолок, шапка из нутрии, пальто новое, воротник каракулевый, ботинки теплые, кожаные. Не мужик — картинка! Он поздоровался.

— Ну, что, девочки, на танцы идем?

— Я сейчас.

Катька скрылась за печкой, переделалась. Кофту и юбку просить не стала: пойдет и так. Поправила воротничок ситцевого платья.

В валенках по морозу бежалось легко, туфли нес Сергей. Он рассказывал, что сейчас работает по третьему разряду, а скоро даст на четвертый и будет получать на двадцать пять рублей больше. Обещают его портрет повесить на доску почета. «Деревня ты, деревня, — вздохнула про себя Катька, — портрет на доску почета... женихается уже!». И танцевали, Серега об одном и том же бубнил. И домой шли, все о деньгах. О том, что накопит, мотоцикл «Урал» с люлькой купит. На нем сено можно возить, картошку, дрова — в общем, самое необходимое в хозяйстве.

На прощание он приобнял Катьку и попытался поцеловать.

— Отскочь, а то ударишься, — она читала сейчас Островского «Как закалялась сталь», несильно толкнула Сергея.

— Да я так, я не всерьез, — покачнулся он на крыльчке.

— Если б всерьез, у тебя и ботинки спали.... Все, прощай! — Катька набросила крючок, вошла в дом.

Сестры сидели, пили чай, Танька сидела с красным носом, с обрившимися глазами. Верка ехидно спросила Катьку:

— Нацеловались?

— Забирай его себе, одноклеточный. Только и есть на уме, что по чем....

— Он таким не был. Как работать стал, так скупердяйство из него и полезло. Все они такие. Вон, Танькин огрызок. Она ему мол, беременна, так он паразит, все посчитал, говорит, я не мог в это время присутствовать. А эта дура и не беременна, хотела побыстрее свадьбу сыграть. Теперь сидит, ревет...

20

Летом, после сессии, сестры поехали в деревню. Мама Нюра жила в доме с весны, Селиверстов, чем мог, помогал ей. И они умудрились, как и в старые, добрые времена высадить в огороде все, что необходимо на долгую зиму: картошка, огурцы, помидоры, морковка. Катька толкнула Верку, показывая на зелень:

— А ты ныла: с чем жить — все растет.

— Ты думаешь, нам достанется? Увезут в Ленинград.

— Ну ты, Верка, совсем.... Сколько и увезут, и нам достанется.

Мама им очень обрадовалась, всплакнула, как положено. Селиверстов год всего назад лучше выглядел. На Катю он смотрел с одобрением: красавица, умница.

Верка зафыркала, Катя засмушалась. Селиверстов и сам растерялся.

— Девушки, вы не подумайте чего. Она уезжала, извините, попрыгущкой смотрелась. А сейчас совсем серьезная дама. Ну, а ты, Верочка, вне конкуренции, дай бог мужа тебе доброго.

Потом позвала их мать за стол. Селиверстов как именинник сидел. Раскупорили бутылку вина. Мамка — сама торжественность, тост произнесла:

— Чтоб счастье, дочки, вас не обошло, чтоб горе минуло!

И письмо вынула. Наверное, его ждали, поэтому и разговор не начинали.

— Нашли мы тебе, Вера, жениха, и фотографию прислал. С квартирой не очень, живет в коммуналке, однокомнатная. Но сам работающий, слесарем работает на судоремонтном заводе, получает неплохо.

— Сколько ему лет? — спросила Верка, разглядывая фотографию. — Рожа ничего, глазенки мелковаты.

— Жуликоватые какие-то, — добавила Катька.

— Лет ему — тридцать два, — обстоятельно рассказывала мать о женихе и его родне. — Выпивает, как и положено, по праздникам и после получки.

— Курит?

— Курит, дымит.

— Почему до сих пор не женатый? Наверное, алименты платит?

— Вот поэтому и развелись, он дите хотел, она ни в какую.

— Я согласна, хоть сейчас тронуться.

— Съезди в город, забери документы, тряпки возьми необходимые.

Селиверстов молчал, посматривал на Катю.

— Ну, а Катюшу одну оставляем?

— Почему? — мама Нюра заволновалась. — У нее все устроено, два года еще ей учиться. Не бросать же на подороге. Будет работать по специальности, когда выучится. Она уже самостоятельная. Ленка хорошо устроился, на следующий год обещался на все лето в отпуск приехать. И мы с весны приедем.

— Мам, не волнуйся, — успокаивала ее Катька. — Время летит быстро, не успеешь оглянуться, и я к вам приеду....

... Много лет спустя вспоминала Катя этот разговор. Работала она уже в Мурманске. Одним вздохом пролетело время. Закончила Катя техникум, а потом!..

Сидит она сейчас при свете ночной лампы в больничном коридоре. Раскрыта книга. Ей что-то не читается. Двадцать лет прошло с того разговора. Сопят, кричат в палате больные. А вообще, что за напасть: здоровые мужики, вместо того чтоб работать, от водки лечатся. Непреодолимая тяга к зеленому змию их сюда, в наркологический диспансер, привела. Сколько поломанных судеб, жизненных трагедий прошло перед Екатериной Петровной. Вон шастает по коридору, смунит тапками об пол, за стенки держится. Ничего не помогает, ни снотворное, капельницу ставили... Ох, бедолага, в глазах муть, тоска смертная. Усадить, поговорить, успокоить как-то. Куда там Достоевскому, куда Толстому... Несчастливая страна... Несчастный народ...

Окончание следует

Лилия ГАРМАНОВА

Родилась в 1951 году. Живет на Диксоне, работает телефонисткой. Пишет стихи и картины, влюблена в природу, детский лепет, озорство взрослых, юмор.

В НЕВЕДОМОМ ЦАРСТВЕ...*Сказка*

В неведомом царстве, в неведомом государстве, на неведомой планете, среди неведомых звезд жили-были мальчик и девочка. Они были самые настоящие — маленькие.

Поэтому деревья вокруг были великанами, а цветы на этих деревьях — таких размеров, что в цветок можно было одному из них сесть, а если свернуться клубочком, то и поспать. В теплую пору родители точно знали, где дети ночуют, и не волновались.

Иногда ночью, когда вся природа спала, дети слушали, как разговаривают звезды. Мальчик и девочка были очень хорошими, послушными детьми, и звезды приглашали их к себе в гости. Мальчик и девочка набирали, для подарка, из цветков ароматной пыльцы, а ветер-шалунишка просил, чтобы и его угостили, но никогда не ел, а рассыпал все на свободных просторах, между звезд. И там сразу вспыхивали новые маленькие звездочки. Их называли звездочками-подарочками судьбы. Малышки излучали счастье и влюбленность, и им очень хотелось, чтобы их скорее подарили. Если о них забывали и никому не дарили, то они падали на планету. Но стоило только кому-нибудь взглянуть на падающую звезду, как вся нежность и желанная любовь переходила, через глаза, в увидевшего, селилась в том человеке, а не разбивалась о планету на осколки. Такого человека на улице сразу все узнавали: он светился счастьем, как самая счастливая звезда.

А те осколки, которые получались от неувиденных падающих звезд, превращались в семечки. Их клевали птички и сразу начинали петь. Те семечки, которые не успели склевать птицы, ветер присыпал доброй пылью, тучка поливала радужным, солнечным дождем, и вырастало красивое дерево. На нем цвели удивительные цветы, те самые, в которых ночевали мальчик и девочка.

Это было так давно, что когда мальчик и девочка об этом рассказывают, все думают, что это сказка.

А ведь все при случае смотрят с надеждой в звездное небо, мечтая о счастливой случайности — увидеть падающую звезду и загадать, чтобы самое сокровенное желание исполнилось...

Сергей АЛЕКСЕЕВ

Родился в 1951 году в Магнитогорске. На Диксоне живет с 1959 года. Работает в гидробазе. Начал писать еще в школе. В альманахе "Полярное сияние" публикуется впервые.

МОРСКИЕ ИСТОРИИ**О ВОЙНЕ...**

Была тихая лунная ночь. Судно словно купалось в звездном свете. Лишь шум поршней да мерный стук винта и приглушенное журчание воды у борта сливались в победную мелодию корабельного бега. Эту судовую тишину нарушали редкие доклады и команды.

В такую ночь хорошо думается, и к разговору не тянуло.

Рейс был долгим, команда сплавилась и многое понимала без слов. Люди сошлись настолько, что могли говорить откровенно о самом сокровенном, уверенные, что за кромку палубы сказанное не уйдет...

Вздрыгнул теплоход от продолжительного крика гудка, и вахтенный доложил о прохождении над местом гибели судна во время войны.

Спустя некоторое время на палубе появилось несколько человек.

До смены вахты было еще не очень скоро, но люди решили не спать.

У борта замелькали огни сигарет, а на мостике появился капитан.

Он был всегда спокоен, строг, а за его "разносы", сделанные с добрым моряцким юмором, обиды никогда не было.

Многое отделяло его от нас — не знавших войны воочию. Война — единственная тема, которой он никогда не касался и уходил, если мог уйти, или молчал. Нам не надо было объяснять, что гибель судна в войну страшна. Почти всегда это братская могила. Но мы это знали из рассказов, а он? Где и за что он получил боевые ордена?

Неожиданно раздался его голос, и мы притихли — это был рассказ:

— В те времена курение на палубе было сродни предательству. Огонь самокрутки в такую ночь, что твой маяк — далеко виден. — Помолчал, затянулся из трубочки и продолжал: — Я ведь до войны и в войну на ГИСУ ходил. В войну командиром стал. Все было: десанты, траления, конвой и наша работа. Шли мы раз конвоем в такую же ночь. Места наши — льдинки

плавают. Конвой не маленький. Среди всех выделялся санитарный транспорт — бывший грузо-пассажирский теплоход. Красавец. В те времена от него один силуэт остался — перекрасили. Не спасло... В такую ночь он подорвался. По ордеру (расписанию мест и действий в конвое) все должны были пройти мимо, а последний останавливается и оказывает помощь. Вот и я провел свой ГИСУ мимо... Только потом узнал — моих не спасли... Жена и дети. Просился на передовую. Не пустили. Вот так.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ РАВЕЛИН*Рассказ*

Ночь перед рассветом. В коридоре гулко отдаются шаги часового. Вот он остановился, вздрогнул от упавшей за шиворот капли и подумал: "Скорей бы смена!" За долгие годы службы он привык и любил тихие ночные бдения, когда арестанты спят и начальство не допекает... Последняя неделя лишила его привычного состояния...

Он долго ждал этой минуты, но массивная дверь открылась внезапно. Не отвечая на приветствие, сам комендант рavelина прошел мимо камерных дверей и остановился около одной из них.

— Как этот... Чернышевский? — спросил он.

— Спит, ваше благородие, — ответил часовой. — Какой день тихий.

Сам подумал: "И им достается".

— Голодовка, — мрачно сказал подошедший начальник караула.

— Вот именно, — буркнул комендант и отдал приказ о побудке.

В камерах вставали на поверку озябшие и невыспавшиеся люди. Разные судьбы привели их в этот мрачный рavelин — бывший пороховой склад...

Порядки здесь царили строгие — провинившийся лишался горячего или попадал в карцер на одну только

Наталья БОРИСЕНКО

*Работает научным сотрудником в заповеднике
"Путоранский". Живет в Талнахе.*

МАЛЕНЬКИЕ ОТКРОВЕНИЯ

Тундровые былинки

ДОМ

Заблудилась. Заблудилась... Как безмозглая горожанка. Забыла "включить" точку отсчета — дом. Нет, к сожалению, у меня этой врожденной способности сиюминутно чувствовать спиной, где находится дом.

Отделалась легким испугом, пришла сама и никому о том не рассказала. Было стыдно...

СИМПАТИЯ

Наверное, тундра созвучна степи, где я родилась, — простор земли и неба, без усложнений. Если день, то надолго. Если ночь — без утра. А утро длинное, какое-то ленивое. Если весна — то сразу! Свет, день, разрушение столь длительно накапливаемого снега. Не жалко!

И еще. Тундра щедра. Воды — больше чем достаточно, комаров — так тьма, разных птиц — несчетно, оленей — стада, рыбы — удивляйся только!

Странно быть невежливым при таком гостеприимстве.

ПЕНДАМАЯХА

— Смотри на карте. Севернее, севернее...

— Так. Река Покойницкая.

— Севернее...

— Река Деревянная.

— Выше. Смотри — озеро Пендамаяха и река из него это Нижняя Пендамаяха.

— Опять болота или опять дров не будет?

... Пендамаяха встретила сильным коротким дождем (успели вымокнуть), отсутствием дров, неудачным местом выгрузки — ноги и экспедиционное снаряжение медленно погружались в глинистые пятна тундры. Зло комаров поутихло, когда температура снизилась до восьми градусов.

Мокрые, покусанные, остывающие, мы стаскивали вещи на песчаный бугорок. Шли, оказывается, по берегу древнего озера, устланного самоцветной мозаикой.

— Помнишь, на Пендамаяхе?..

— Шли по самоцветному берегу?

В ГОРОДЕ

Вертолет доставил нас на Валек. Машина подвезла к крыльцу. Первой, как всегда, выпрыгнула из машины моя дочь и привычным движением опустила на лицо сетку накомарника...

На всякий случай...

О ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ

Побывали мы в одном местечке — все больше болота и одна сопка-невеличка (200,1 метра над уровнем моря).

Сопка, с маленьким озерцом на вершине, носит название Кодлоозеро. У ее подножия расстелилось озеро, два километра в диаметре. Называется — Кодлоозеро. Из нижнего Кодлоозера вытекает река — просто Кодло и течет себе к Сухим озерам. Просто Кодло — река имеет и второе название — Сухая.

Может, оттого что течет к Сухим озерам? Или наоборот?

ЭКЗАМЕН

В составе экспедиции был один новичок — дядя Коля. Дали ему задание: встать утром первым, приготовить завтрак.

Дядя Коля не растерялся — наварил целый котелок воды...

КАК ПРОЙТИ К БИБЛИОТЕКЕ

Найти человека в тундре довольно просто — надо только спросить у первого встречного.

По радиосвязи договорились забрать попутно “бортом” одного человека, но вышло так, что в местах никто из нас не был. Как найти крошечную стоянку?

Летим над тундрой, увидели дымок, людей. Садимся, спрашиваем.

— Лети прямо, не сворачивай. Туда... — и показали, куда.

Нашли. Спасибо.

ТУМАН

Туман — особое состояние в природе. Можно видеть край тумана, находиться внутри него, можно заглянуть под него.

Это забавно — ты по колени в тумане, не видишь рядом деревьев. Но если лечь, то видны их основания. Словно обрезанные — щетки кустов и длинный ковер мха. Встанешь — и вновь, без вкуса и запаха, плотный непрозрачный воздух.

Этот туман непрочный, предутренный. Стоит подуть несильному ветру, и он развеется.

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

На поляне резвились солнечные зайчики. Один другого догоняет, за уши тербит и ускользает. Следом третий, четвертый — налетают, и все кубарем скатываются в лужу. Ослепительно хохочут.

— Остановитесь хоть на минутку!

Зайчики притихли, почти растворились. Но вот один, самый шустрый, наступил соседу на лапу — и опять пошла чехарда с кутерьмой.

Они проскакали по моим ногам и умчались в разные стороны, озорники.

ВОЗДУШНЫЕ БУЛОЧКИ

В тот день вертолет должен был вывезти нас домой, в город. Но погода хмурилась, низкая облачность — ждали до обеда, а потом замесили тесто.

Вдруг — звук. Так хорошо распознаваемый, долгожданный звук вертолета. Пробился-таки...

Погрузка, полет. Разгрузка, опять погрузка. Домой добрались поздно вечером — за хлебом в магазин не успели и... вспомнили про тесто.

Тесто хорошо поднялось. Славные, воздушные вышли из него булочки!

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

В горах смотри в оба, странности всякие случаются.

В тот день было жарко. В прохладном лесу донимали комары. Когда вышли на плато, от ослепительного солнца стало темно в глазах. Увидев небольшое озерцо, не сговариваясь, решили выкупаться — первыми женщины, затем мужчины.

Я уже была у костерка, когда услышала громкий крик удивления:

— Смотри, след снежного человека!..

На мелкой черной щебенке (почти песке) четко отпечатался след босой ноги...

То, что это моя нога, выяснилось позже, при примерке.

Татьяна БЕГЛЕЦОВА

Родилась в Красноярском крае. В 1982 году окончила Кировский сельскохозяйственный институт, получив специальность биолога-охотоведа, и приехала на Таймыр. С 1999 года работает в газете "Огни Талнаха". Ее рассказы и публикации печатаются на страницах газеты "Заполярный вестник", "Красноярский рабочий", "Таймыр", в коллективных сборниках "Кубок ветра" (1988), "Стая" (2001), в альманахе "Полярное сияние". Живет и работает в Талнахе.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ КРЕПКО

Из цикла "Женькина жизнь"

Рассказ

Столбы дыма из печных труб подпирали черное небо. Женька усадила девочнок на санки — старшую сзади, младшую спереди — и по скрипучей промороженной дороге повезла их в садик. Втащила детей в раздевалку, быстренько, чтоб не замерзли в клубах холодного пара, врывающихся в комнату из то и дело открывающихся дверей, переодела, пригладила волосенки, вытерла носы и отправила по группам. Разогнула спину.. и наткнулась взглядом на масляные глаза. Коренастый крепьш-долганин лет двадцати семи держал за руку дочку, худенькую длинноногую девочку, и, улыбаясь, в упор глядел на Женьку. "Почему я его не знаю? Тундровик? Знать, из стада приехал..." Женька натянула шарф на лицо, толкнула скрипучую, обледенелую понизу дверь и вышла на улицу.

Чернота висела куполом над поселком и тундрой, давя краями в ребристые склоны гор. Свет из окон желтыми пятнами лежал на истоптанных собаками сугробах. Женька подхватила санки и побежала домой — до работы оставалось еще полчаса — как раз успеть переодеться да перекусить.

В коридоре совхозной конторы с утра толпился народ, старики в парках сидели на корточках вдоль покрашенных тусклой зеленой краской стен, сизый папиросный дым висел слоями, резко пахло старыми оленьими шкурами: тундровики ждали зарплату. Женька заскочила в бухгалтерию, забрала ведомости и поспешила в кассу — что зря людей томить. Отомкнула накладной замок, врезной, сорвала печати, привычно разложила на столе ведомости, открыла сейф. Тугие пачки денег положила справа, в картонную коробочку, высыпала из мешочка скользкую мелочь и открыла деревянную дверцу на зарешеченном окошечке кассы.

Первыми пошли старики-оленоводы в потертых парках, долго смотрели в строчки ведомости. Женька

терпеливо тыкала пальчиком рядом с фиолетовыми галочками. Потом к окошечку ломанулись, кто понаглей, — дышащие перегаром поселковые говоруны-люмпены, с грязными руками, в засаленных телогрейках и полшубках. После разношерстной толпой хлынули женщины...

До обеда с зарплатой управились — почти против каждой фамилии в ведомости стояли закорючки подписей. До перерыва оставалось минут десять. Женька, открыв сейф, перекладывала туда остатки денег, когда услышала:

— Эй, мне-то что-нибудь есть?

Из окошечка на нее глядели утренние масляные.

— Кто ты? — довольно бесцеремонно вырвалось у нее.

— Афанасьев... Александр Афанасьев... Иванович, — добавил он, вспомнив, вероятно, что Афанасьевых в поселке было человек двадцать, не меньше.

Женька поняла, кому и кем он приходится — хоть жила здесь всего полгода, но уже успела разобраться в местной генеалогической растительности. "А... Санька — вот какой он, наслышана... Тот, кто рубит с плеча, не задумываясь о последствиях. Борец за справедливость. А с семейкой ему не повезло, — вспоминала она, отсчитывая деньги, — сестра — скандалистка, мать — забитая до помешательства, брат — дебошир-недоумок, жена у него вечно с фингалами..."

Парень широкой ладонью сгреб деньги с полочки окошечка, небрежно сунул в карман полшубка, улыбнулся широко. Женька удивилась — белоснежные, ровные, явно ухоженные зубы — непривычно как-то, редко кто из местных мог такими похвастаться. Кивнул, пока, мол, и ушел. Женька глянула в окно — нет, не в магазин, как делали все — пошел в другую сторону. Да... Не как все...

Весна нагрянула неожиданно. Днем и ночью без устали лило свет солнце, делая на пару часов короткую передышку, прячась за синими горами на севере...

Женька долго смотрела в окно на сверкающее бесконечное озеро, отвернулась — комнатка кассы показалась черным мешком, разрисованным разноцветными кругами и искрами; медленно выплывали из переливчатой черноты сейф, стол, стул с облезшим лаком на спинке, пальтишко на гвозде в углу...

В окошко кассы постучали. Женька, клацнув щеколдой, отодвинула деревянную задвижку. Улыбка, которую она не видела несколько месяцев.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сказал он.

Женька вышла в темный коридор. Санька стоял, прислонившись к стене:

— Ночью, как подмерзнет, уезжаю в бригаду... Давно хотел сказать, не решался, а теперь уж некуда тянуть... Я о такой, как ты, мечтал, знай — люблю я тебя, крепко люблю...

Женька раскрыла рот:

— Ты ж меня не знаешь совсем — видел два раза толечко.

— Ну и что? — поднял бровь Санька, — рассказывали про тебя, да и сам вижу, не без глаз... Жалко, что поздно встретились — у меня семья, дети, у тебя — тоже. Плохо. А все равно люблю. В тундре думал, как это скажу, — так хорошо от таких мыслей было. Жарко. Только это все месяцы в голове и крутилось. Мне ничего не надо — хочу только, чтобы ты знала. И еще хочу сказать — характер дурной у меня, слышала, наверное: чуть что — на рожон лезу. А нынче с братом, с Алешкой, на летовку отправляют — нам вместе не ужиться. Зверь он, не человек. В отца пошел. Тот мать калекой сделал и нас уродовал. Жалко, помер, пока я в армии был, а то бы я ему припомнил, как мы маленькие от него по оврагам прятались. Сестра, вон, пальцы обморозила — культяпки ее видела?... Что будет — не знаю... Помни только: даже умирать буду — тебя буду вспоминать, потому что люблю крепко. Помни ...

Женька очнулась только тогда, когда конторские пошли на обед:

— Чего пнем стоишь? Забыла чего?

Женька закивала головой, кинулась в кассу, закрыла дверь изнутри, зажала ладонями горящие щеки. Ноги дрожали, как от страха, сердце бухало где-то в желудке: “Так бывает разве? Ведь и старше его лет на пять...” В кармане пальтишка нащупала оббитое по углам зеркальце, глянула — мышка серая, глаза испуганные, веснушки: “Такую любить?” Постояла, отдышалась, постаралась успокоиться. Домой надо идти, муж, поди, на обед пришел...

Лед на озере начало гонять только к концу июня — лето не торопилось. Холодные дожди квасили стылую землю, студенистые туманы лежали по распадкам. Женька не замечала промозглой сырости в конторе: казалось ей,

что внутри у нее, где-то под ребрышками, солнце сплело гнездо. Летала, как птичка, улыбалась всем — как же хорошо жить на свете, зная, что кто-то в этот момент о тебе думает...

Санька проснулся от шума — в соседнем балке Лешка опять лупил жену. Баба сипло выла, что-то падало, гремело. Санька выскочил из кукуля, как был раздетый, босиком, метнулся по черной тундровой грязи. Нинка в обрывках ситцевого платишка скрючилась на грязном полу в куче тряпья и хлама. Лешка, матерясь, пинал ее ногами в живот. Нинка прикрывалась руками, пыталась отползти, размазывала тощим задом кровь, которая черными комками вываливалась из нее...

Санька схватил Алешку за ворот, рванул из балка. Хлюпнулись оба в холодную жижу.

— Не лезь! Моя баба!

Санька молча вмазал загорелым кулаком по скуле в редких волосочках. Лешка упал, но вскочил резво, сплевывая кровь и слюни, сорвал с бедра узкий нож с округлой деревянной ручкой. Прыгнул, хрипя, к брату, напоролся на кулак с разбитыми костяшками, но успел-таки что было силы садануть ножом. Падая, распорол Санькин живот наискосок от пупка чуть не до подмышки. Упал, припечатавшись виском об острый край камня, торчащий из-под утоптанного грязного ягеля, обмяк, затих.

Санька по инерции сделал несколько быстрых шагов вперед, почувствовал вдруг, как оплывает вниз кожа на животе, увидел, как ретивыми змейками полезли из разреза влажно блестящие кишки. Попытался их подхватить, но они скользили в крови, убегали из ставших непослушными рук. По голым ногам стекали красные ручейки. Санька сделал еще несколько шагов. “На чистое выйти, — подумал отрешенно, — негоже в грязи...”

Зеленоватая подушка ягеля пахла сыростью и грибами. Санька опустился на колени. Уперся лбом в хлипкую брезентовую стену передвижного балка. Выцветшая, белесая ткань, на сгибах белая совсем... Как лист. Швами разлинована. Вот, кажись, здесь Женька галочку фиолетовую поставила... Помнит, небось.

Санька перехватил живот левой рукой, из-под указательного пальца правой поползли корявые красные буквы: “Люблю тебя кре...”

На поселок, притулившийся к берегу озера, сыпал холодный дождь. Плоское небо давило на плоскую землю...

Серые струи на сером оконном стекле. В комнатке сырость, запах плесени и холод, холод...

Ирина ДУБОВИЦКАЯ

Родилась и выросла в Дудинке. По специальности — бухгалтер. Работает в администрации города. Впервые публиковалась в альманахе «Полярное сияние-2001».

КРЫМСКИЙ ЭТЮД

Рассказ

— Здравствуй, я приехал, помнишь меня?

— Конечно. Рада вас видеть. Сегодня у нас изумительный плов, замечательное жаркое, рекомендую слоеную самсу.

Лицо нависшего над стойкой гиганта изменилось. Усмехнувшись, он заметил:

— Не помнишь... Хорошо, начнем заново. Меня зовут Саша. Месяц назад мы проезжали ваш город, и я оставил тебе свой телефон, просил позвонить, не дождался, правда, но это уже неважно, я сам здесь. Давай встретимся, мне нужно тебе многое сказать, поедем после твоей работы куда-нибудь, посидим, а возможно тебя сейчас отпустят? Нет-нет, не отказывай сразу, подумай и, прошу, не бойся меня, маленькая...

Кажется, она начинала вспоминать...

— Посмотри, в нише, напротив барной стойки, поздние клиенты. Пока я буду делать отчет к закрытию, отнеси им заказ, пожалуйста, официантку я уже отпустила, как назло... — Верочка опять занялась вырубкой.

Обычно я не обслуживала в зале. Это разные вещи — когда ты защищена полированной лентой стойки и когда рядом с посетителем, расставляешь приборы... Вот и сейчас здоровенные мужики усталым тяжелым взглядом прошлись по груди и бедрам, оживились и каждое мое движение сопровождали комментариями, от которых загорелось лицо. Только один, наверно более всех уставший, воздержался от сальностей.

Верочка у кассового аппарата закончила отчет и заинтересованно поглядывала в зал.

— Слушай, ка-а-кая компания, один к одному, где их, таких, двухметровых штампуют? При этом явно не ветераны баскетбола. Как тебе вон тот?

Я подняла глаза от только что нарезанного лимона — один из "грязли" подходил к бару. Верочка изобразила полную готовность, но потом пропела:

— Тебя...

Могла бы и сама рассчитать. Однако работа есть работа, и, подойдя к стойке, подарила улыбку с доброжелатель-

ным "слушаю вас". Шевельнулись нависшие надо мной плечи, и на стойку легла записная книжка.

— Сейчас мы в вашем городе проездом. Но я обязательно вернусь. Скоро. Я все потом объясню, а пока вот мой телефон, пожалуйста, позвони мне, мое имя...

Я недоуменно смотрела на выданный листок с длинным рядом цифр и не знала, что сказать. К "моему" клиенту подошел еще один из их компании. Заглянув через плечо, он несказанно удивился:

— Ты сошел с ума: даешь свой номер неизвестно кому, ты ее первый раз видишь!

— Я не ребенок, знаю, что делаю.

Через несколько минут расплатившиеся клиенты покинули бар. Верочка прильнула к окну, восхищенно простонав: "Какой джип — монстр, настоящая мужская машина!".

Я повертела в руках записку с телефоном, именем и выбросила. Странная ситуация. И вообще, если ему нужно, пусть бы сам и звонил... Наутро эпизод был напрочь забыт. То ли еще бывает при моей работе.

... В отличие от меня, тут же "сделавшая стойку" Верочка прекрасно помнила Сашу. Нет, как-то трудно привыкнуть, что у этого верзилы имя невинного младенца. Ну Александр, еще куда ни шло... Хотя меня это вовсе не касается, вон наша Первая Леди землю роет, пусть она и встречается с ним... Но что-то в его голосе действовало на меня завораживающе: низкий, глубокий, с такой мягкой интонацией...

— Нет, я не могу, зачем это? — запаниковала почему-то я, вместо того чтобы равнодушно-доброжелательно отказать или отшутиться, как обычно.

— Не торопись сказать "нет", вечером заеду, — прервал меня и исчез из бара.

Господи, почему все во мне отзывается на его голос? А ведь сразу даже не запомнила ни его лицо, ни имя. Позвонить Ольге? Стоп, она же сама должна зайти ко мне в обеденный перерыв. Понятно, что никуда я с ним не пойду, но надо обговорить с подружкой мои внезапные метания. Она

всегда приводила меня в чувство.

Ольга действительно пришла минут через десять. Заварив кофе, взяв апельсиновый сок, я присела к ней за столик. Нервно закурив сигарету, поведала о странном клиенте.

— Не тот ли, что отъехал от бара недавно? Я стояла через дорогу с приятельницей и, честно говоря, загляделась. Хорош мужик! Метра два, наверно? По земле идет, как будто она только ему принадлежит...

— Тот... — промямлила я.

— И что же, подруга, в нем такого страшного? Почему ты сразу вычеркиваешь из своей жизни, даже ни разу с ним не встретившись, не поговорив? Дай ему шанс.

— Ты смеешься, да? Да он просто в полумраке бара меня плохо рассмотрел. Увидит поближе, испугается.

— Дурочка, во-первых, ты и вблизи ничего, во-вторых, лишь бы ты не разочаровалась...

— Знаешь, что-то в этом есть, тем более я как-то волю теряю от низких перекатов его голоса, но ведь я его в первый (Ольга скептически усмехнулась), ну ладно, во второй раз вижу!

— Ты ведь сама говорила, что он в первую же встречу свой телефон дал и ему даже замечание сделали свои же!

— Знаю я эти замечания, отработано все по нотам... Может, маньяк какой-то... — сокрушенно пробормотала я, тут же покраснев от дурацкого высказывания, ну чувствовала же, что все не так...

— Подруга! — захохотала Ольга. — Да ты сама маньячка. Жаль, что не я заинтересовала твоего Сашу!

— Какой он мой!... Сразу — Са-а-ша... Какой он мне Саша, он мне никто...

— Может, только пока никто, — заметила Ольга, вглядываясь в дорожку коричнево-золотистых крупинок от кофейной гуши на доньшке перевернутой мною чашки.

Весь день прошел в сомнениях. То я твердо и с облегчением решала — нет. То вспоминала в нем что-то, что объяснить не могла, но это что-то притягивало вопреки здравому смыслу.

Вечером, когда Александр подошел, в моих глазах было смятение.

— Я в машине у входа в бар, жду. Программа проста — съездим, поужинаем, — он повернулся и вышел.

Верочка возмущенно зывала к здравому смыслу персонала, любопытствующего неподалеку:

— Нет, вы гляньте на эту жалкую курицу, бог послал ей Илью Муромца на белом коне, а она стоит и в свиданье мужику отказывает! Хотя понравился, вижу ведь! Короче, быстро поправь макияж и вон отсюда, я тебя освобождаю от работы, отстраняю, наконец! Не будь дурой!

И правда, что это я все всерьез воспринимаю? Ну, поужинаем, ну посмотрит он на меня поближе, и на том все закончится к общему удовольствию... Вот чего я боюсь, оказывается... Его разочарования... Что ж, пусть он боится моего...

Встряхнувшись и твердо решив хорошо провести

остаток вечера, я вышла из бара, больше похожая на взъерошенного растерянного воробья, чем на беззаботную девицу, решившую пофлиртовать с громиллой.

Мягко тронув машину с места, мой Принц На Вечер заметил:

— Совсем не знаю ваш город. Где поужинаем?

Я вспомнила о ресторанчике на другом конце Сурожа (видно, подсознательно все оттягивала тет-а-тет, не осознавая, что мы уже наедине). Огни витрин сменялись темными аллеями, громкая музыка из мелькнувшего мимо бара — тихим голосом Кучина, с пронзительной тоской и безнадежностью певшего о любви. Все это было фоном к нашему диалогу:

— Знаешь, я просто потерял голову, когда увидел тебя впервые. Помню, как ты шла через темный зал опустевшего бара, несла перед собой на кончиках пальцев наш ужин. Чем ближе к тебе был круг света у нашего столика, ярче из полумрака выступали белые пряди мальчишеской стрижки, грустные глаза и остальное... совсем не мальчишеское, тем яснее я понимал — это Она, моя женщина.

— Так сразу — моя женщина?

— Не веришь? Как ни странно, все так и было. И до сих пор так. Боюсь, что я за это время напридумывал о тебе много. Так что давай просто начнем сначала.

Мы ехали по улицам городка и, чем меньше фонарей попадалось на пути, тем ярче загорались звезды на августовском небе. Весь мой боевой запал прошел, я почему-то успокоилась. Саша рассказывал о себе, о том, чего, собственно, он хочет от жизни, о том, чего добился, чего лишился. Я действительно расслабилась. Звучание его голоса действовало, что называется, минуя уши, прямо на позвоночник — теплая волна осознания полного комфорта и надежности буквально парализовывала меня. Хотелось ехать так с ним как можно дольше и дальше. Постепенно, однако, до меня стал доходить и смысл сказанного. “Бизнесмены особого толка”, Саша — телохранитель одного из таких. Это его шеф с охраной был проездом в нашем городе. Это он, увидев написанный на вырванной страничке номер телефона, возмущился нарушению неписаных правил. Биография моего Принца была еще та... Военное училище, офицерский состав, Афганистан, “служба” у подпольного воротилы, сложные “выяснения отношений” с Законом и теперь опять — охрана “бизнесмена”. А я-то расслабилась — голос, нежность, обаяние. С кем я еду в темную ночь? Однако, вопреки здравому смыслу, мне хотелось быть рядом, почему-то чувствовала себя совершенно спокойно.

Надо ли говорить, что и в ресторане мы посидели замечательно. А я влюбилась по уши. Мне казалось, что все остальное — только декорации к встрече, настоящее — это он и я. Казалось, что, начнись конец света, именно здесь, в радиусе метра от него — мир и спасение. Что-то во мне пыталось воззвать к здравому смыслу: “Реагируешь,

как школьница...”, но тут же восторг от остроты восприятия захлестывал с головой. И это меня Верочка вытолкнула силой с работы? И этого человека я второй раз в жизни вижу? Да только рядом с ним жизнь полна ярких красок, только с ним я такая — чуть ли не роковая женщина. Каким-то магическим образом мои предполагаемые достоинства стали безусловными, а то, что ранее считалось мною минусом внешности, лишь добавило неповторимости...

На следующий день у меня был настолько счастливый вид, что люди оборачивались вслед. Верочка, увидев меня, опять выдала испанские страсти:

— Ну вот, кому-то все, а кому-то ни-че-го! И вообще, где мои проценты от счастья, это ведь я тебя вытолкала вчера!

При всем моем счастливом идиотизме, я возмутилась:

— Это тебе-то ничего? Проценты? А как твой второй муж, который не знает, как тебе угодить, чтобы ты не флиртвала со всем городом и его окрестностями?

Слегка успокоив первобытную жадность, она поправила декольте, пушистые колечки фиолетовой гривы и, как фрегат под всеми парусами, пошла с видом роковой обольстительницы на очередного потенциального клиента, робко подошедшего к барной стойке.

Шеф появился через час, вызвал меня и, с любопытством оглядев с ног до головы, удивил:

— Можешь взять свои отгулы. Прямо сейчас. Тебя, между прочим, ждут.

Это было равносильно снегу в июле, но Саша позже, улыбнувшись моему недоумению, с бесстрашием и акцентом Саида (“Стреляли...”), заметил:

— Договорился...

Я, было, возмутилась, но, поняв мотив, Саша добавил:

— Твоя репутация не пострадала, даю слово.

Что еще сказать? Мир стал ярким, как никогда. При всей моей прежней самодостаточности и самостоятельности, неожиданно почувствовала всю прелесть ситуации, когда, как в поговорке, — “за каменной стеной”. Все неприятности и проблемы, мелкие и крупные пакости остались там, за ней, за каменной. В душе — цветущий сад экзотических цветов, стоцветная радуга над хрустальными брызгами музыкальных фонтанов. К хорошему привыкаешь быстро... Даже то, что я оставалась одна, когда Саша уезжал “по делам службы” часто и надолго, не могло поколебать моего спокойствия. Так здорово было ответить записному Казанове:

— У меня есть любимый...

И часто что-то вроде легкой зависти мелькало у того в глазах. Ни к тому, что Я люблю, а к тому, что другого Любят. Редкое чудо любви уважалось всеми, независимо от “упакованности” и интеллекта. Я жила с удивительным состоянием гармоничного равновесия, когда мечта вдруг совпадает с реальностью. Пусть моя мечта, оказывается,

была так проста. Банальность, но только для стороннего наблюдателя, мне это совсем не казалось банальным... “Семь любви городов успел обойти Антар, мы же не прошли и улицы...”

Реальность начинала разрушаться, рассыпаться на фрагменты... Я уговаривала себя, придумывая причины, по которым Саша не мог мне позвонить, сообщить причину такой долгой “командировки”... Золотое сияние, наполнявшее меня эти два года, не давало поверить более простому объяснению — бросил... Я, раньше принципиально не смотревшая выпуски новостей и сводки УВД, с маниакальной сосредоточенностью стала вглядываться в лица тех, кто попал в аварию или оказался участником “мафиозных разборок”...

Зеркало беспристрастно отражало тоску в глазах, и улыбка никак не хотела оставаться на губах “по долгу службы”.

Полгода прошло с последнего нашего свидания. Полгода я гипнотизировала телефон, и каждое утро просыпалась с надеждой, что Это произойдет сегодня, сегодня я его услышу, увижу...

Понимала, что нужно быть благодарной судьбе, я была счастлива целых два года, многие прожили жизнь, так и не встретив любви. Но, отдавая должное прошлому, мучилась. С облаков падать — соломка не поможет, тут только крылья спасут, а их-то и не было.

Шефу надоели мои потухшие глаза, и он отправил меня в отпуск на пару недель. Я была даже рада этому. Наконец-то все оставили меня в покое... Вот так лягу и тихо умру от горя. Просто дальше ничего нет — пустота...

Через день в квартиру ворвалась Ольга, возмутилась моей растительной жизнью, стащила с дивана и бесцеремонно загрузила своими проблемами. Обрадовавшись моему вынужденному безделью, напомнила о том, что с этой моей последней Работой и особенно Великой Любовью я совсем забросила живопись, мелки пастели, краски покрылись пылью забвения... А тут (ну вы подумайте, как кстати) ее хороший знакомый ищет художника, способного расписать стены в детском учреждении, так сказать наполнить его жизнью.

— Я ему пообещала встречу с тобой, не отказывая, ты меня о-о-чень подведешь, будь другом, выручи!

— Но стены, у меня не было опыта такой работы, с ума сошла!

— Не получится, не страшно, попробуй хотя бы!

Через час я сидела в офисе ее знакомого, обаятельного, умного человека. Было видно, что бредовая идея Ольги его самого слегка пугает, но ради моей подруги он готов рискнуть...

Я уточнила объем работы и тему.

— На ваше усмотрение, полностью полагаюсь на ваш вкус. Режим работы свободный... (Ольга сделала большие глаза) ... Вернее через пару недель мне желательно видеть

результат вашего творчества.

Просто отказаться теперь, после того как увидела его “жертвенность” ради Ольги, я не смогла. Поставить в дурацкое положение такого не поднимется рука. Вот так Ольга, в два счета, эксплуатируя врожденную деликатность своего друга-администратора, заставила меня выйти из хандры.

Ночь прошла в кошмарах. Мне снился эпизод из “Двенадцати стульев” — на пристани народ, свежий ветер гонит волну, у теплохода в тишине поднимают огромный плакат, над которым, надо полагать, работала я, и... тонкий плач ребенка, вздох ужаса, пронесшийся над толпой, — на плакате кривоногий уродец...

Утром, однако, я поймала себя на том, что с аппетитом ем бутерброд, пью горячий кофе и грежу о будущей росписи стен в огромной пустой комнате, где вскоре будут играть дети... Ну что ж, Ольга, наверное, я должна поблагодарить тебя — впервые за много дней я не начинаю день со страданий о Саше...

Дойдя до работы, я уже знала, что будет на стенах... Мне всегда нравился весь процесс: нравилось перебирать кисти, тончайшие и толстые, разных номеров, запах краски и цвет-цвет-цвет, который переливался нюансами и настроением.

На тусклых скучных поверхностях разрастались джунгли, просвеченные золотистым солнцем раскрывали лепестки нежные орхидеи, тянулись, переплетаясь, лианы, летели разноцветные тропические бабочки... Комната постепенно оживала, обретая душу. Мой директор, с опаской заглянув первый раз, теперь частенько с удовольствием разглядывал этот тропический беспредел и говорил, что обязательно заведет в этой комнате попугаев и канареек: ему хотелось “озвучить” то, что появлялось на стенах...

О Саше теперь я думала как-то светло и грустно. Лишь бы ничего с ним не случилось. А так — если разлюбил, спасибо за то, что было, ведь я была Счастлива. По большому счету, оправившись от тоски и хандры, наполнив душу цветом и светом, я почти вернулась к тому состоянию.

— Что-то ты подозрительно хороша... Он что, вернулся? — Верочка надеялась первой вытянуть из меня информацию.

— Не забивай свою хорошенькую головку, Верунь. Меньше знаешь — лучше выглядишь.

— То-то она последние двадцать лет так хорошо выглядит... — пробурчала официантка, пронося мимо нас заказанные коктейли. — Кстати, ты ей сказала про звонок?

— Какой звонок? — хриплым от волнения голосом спросила я, требовательно глядя на Верочку.

— Ну, звонил, звонил твой бандит, сказал, что

приезжает...

— Когда?!?

— Ну, сегодня, подумаешь, да брось ты его сама, пока он не бросил...

Телефонный звонок не дал мне свернуть шею этой хорошенькой мерзавочке. Бросилась к трубке и, еле удерживая ее в непослушных от волнения руках, услышала родной низкий пережат. Договорились о встрече на квартире уехавшей по путевке знакомой. Моя была занята нагрывавшими с Севера родственниками.

Я еле дождалась вечера. Зайдя в пустую квартиру, схватилась за голову: совсем забыла, что из мебели там остался один большой двухстворчатый шкаф — все остальное хозяйка раздала, раздарила, собираясь из отпуска отправить контейнер с новым гарнитуром. Ну, ничего, придумаем что-нибудь, только бы Саша быстрее приехал, остальное приложится.

Стемнело, тени заплели углы, я чувствовала себя потерянной игрушкой, оживала, только услышав шум подъезжающей машины за окном, но опять и опять — не та... В конце концов озябла, проголодалась, уже не знала ждать ли, не злая ли шутка все это? Но здравый (здравый ли?) смысл взял верх: если ждала столько, то час, сутки, неделя не играли никакой роли. Я сидела на подоконнике, съезжившись, обняв себя за плечи.

Решив дожидаться во что бы то ни стало, подошла к шкафу, одинокой глыбой темнеющему у стены, открыла дверцу и, осознавая иронию ситуации, залезла внутрь, присела на корточки и свернулась в комочек, надеясь согреться. Как ни странно, действительно согрелась и задремала. Во сне пробиралась по лабиринту, хотела выбраться из замкнутого пространства, но это было почти невозможно — я стремительно уменьшалась в росте, еще немного, и совсем исчезла бы, но “вовремя” проснулась, вылезла из шкафа, разминая затекшие мышцы. Утро. Пора было на работу. Где-то там, в залитом утренним солнцем городе, затерялся мой любимый...

Машина стояла у бара. Уставший Саша спал, положив голову на руки, скрещенные на рулевом колесе. Проснувшись от моего осторожного прикосновения, он вскинул голову:

— Где ты была, маленькая? Я поднял на ноги весь дом, поставил людей на уши, не желая того, где же ты была?

— Как же так, я ждала тебя, представляешь картинку — замерзла в пустой комнате, залезла в шкаф и уснула... Подожди, адрес, где ты меня искал, адрес?

— Вот же, у меня записано — Вишнева 25, квартира 5...

— Да нет же, Вишнева 25, там еще ей бюст установлен, наш Герой труда, виноградарь. Бог ты мой, и из-за этой ошибки мы с тобой промаялись всю ночь...

— Уйди, простой советский гражданин!... С дороги... отец, — шеф Саши с трудом справился с поворотом и чуть

не наехал на медленно ковыляющего деда с авоськой и зонтом.

Дед погрозил зонтиком и продолжил неспешный вояж.

— Нет, ну ты посмотри, народ у вас непуганый, — с удивлением заметил Шеф.

Проехав перекресток, покосился на меня и наконец-то высказался:

— Не пойму, чем ты Сашка зацепила, в чем ты супергерл? Хотя это ваши проблемы, лишь бы делу не мешало... Ну как я справляюсь? Первый день за рулем, а чем ни ас?

Я молчала, понимая, что ответа не ждут, этот человек вполне самодостаточен. Раздражение вызывало в нем лишь Последнее Увлечение Телохранителя. “У хорошего телохранителя не должно быть личной жизни”, — считал он. А Саша был хорошим. Дважды его потрясающая реакция спасала от расстрела “конкурентов”. Не говоря уже о той ежедневной, ежесекундной работе, которая не видна, но необходима... Наверно, мы оба не совсем понимали, чего, собственно, ждуть от этой встречи... Меня оставили в покое... “Разрешили любить”...

Прибой гулко разбивался о камни, море оставляло на берегу водоросли и ракушки. Мы лежали на еще теплом песке в маленькой бухточке, плотно укрытой скалами. Только что я испытала удивительное чувство, мне казалось, что тело мое светится теплым розовым светом и парит над землей... Каждая клеточка пела, я прислушивалась к этому переплетению мелодий счастья и наслаждалась, закрыв глаза...

— Ты поедешь со мной в Коста-Рику?

— М-м-м... Цитируешь поэтов? Это звучит как строчка Вертинского... Какой ты романтичный...

— Нет... Знаешь, моя сестра вышла замуж за гражданина этой страны. Они учились в Киеве в одном университете. Свадьба, отъезд, теперь у нее целый выводок маленьких костариканцев с рыжими вихрами... Свекор прикипел сердцем к ее борщам и обожание перенес на невестку... В саду выросла посаженная ею запорожская вишня, наверно, с пятиэтажку высотой. Я был там, зондировал почву по поводу бизнеса и вообще, жизни... Здесь мне не сорваться с этих крючков, пожизненно буду...

— Что? Что будешь?

— Не спрашивай, просто давай уедем...

Я всю жизнь, наверно, ждала подобных слов, “приехал на белом коне и увез принцессу в свой замок”... Но почему тогда? Почему я была готова пешком идти за ним раньше в Сибирь, на Таймыр, на Камчатку, а теперь этот спич о Коста-Рике поверг в панику? Закат окрасил море и небо в фиолетово-багровые тона, песок остывал, у воды становилось зябко... Я оставила без ответа предложение. Перевела разговор на другое, решив обдумать все более серьезно позже. Поднимаясь от моря по каменистым

тропкам, наслаждаясь приближающимся ароматом сосен, прогретых за день крымским солнцем, я все пыталась проанализировать свою странную реакцию. Почему же я не хотела, не хочу с ним ехать? Почему меня стали устраивать эти наши “каникулы от работы”? Возможно я ... страшно подумать... не люблю его... или люблю не так, как раньше?... Но ведь только полчаса назад все было так замечательно, я вспомнила это удивительное чувство парения и розовое свечение, которое, конечно, было иллюзией, но какой изумительной иллюзией...

Саша всегда был умнее. Это свидание стало последним. История моей Любви закончилась. На этот раз безболезненно. Осталась память о трех потрясающе счастливых ярких годах, о встрече с ним. Может, просто мы не были половинками одного целого?... Кто знает?... Где бы ты ни был, Коста-Рика, Сургут, Запорожье, спасибо за то, что было...

Январь 2001

Юрий ГРАДИНАРОВ

Родился в Донбассе в 1941 году. Сорок лет, с 1961 года, жил и работал на Таймыре. Автор книг “Аргиш в Париж”, “Шаман Демнине”, “Исповедь”, “По собственному желанию”. Лауреат литературной премии имени Огдо Аксеновой 1999 года. С 2001 года живет в Белгородской области.

В НИЗОВЬЕ ЕНИСЕЙ МОГУЧ...*

Фрагмент из романа

Глава II

Через два дня после прихода парохода в селе появился Мотюмяку Хвостов, нганасанин смешанной крови, пригнавший, согласно уговору с Сотниковым, стадо ездовых оленей. Небольшого роста, кряжистый, с жидкой бородашкой в три волоска, подвижный, непоседливый и вечно куда-то спешащий. Вот и сейчас, откинув накомарник с лица, он смело постучал в дом Сотниковых, не боясь нарушить сон гостей. Ждал хозяина, переминался с ноги на ногу, поглядывал на Енисей, небрежно отмахивался от комаров и успевал гладить рукой огромного хозяйского Полкана, с любопытством глядящего ему в глаза. Послышался скрип половиц, лягз дверного запора и в проеме двери появился Киприян Михайлович. Он заспанными глазами посмотрел на Хвостова и протянул руку.

— Прибыл?

— Пришел я вчера вечером... Двадцать оленешек пригнал, как говорили... Крепких быков отобрал... У верхнего озера пасутся... Иряки, сбруя, хореи — в лабазе... Сегодня готовить буду с Тубяку... Сколько санок возьмешь?

— Четыре. И одну в запас. Выбирай попрочней, Кытманов — пудов восемь... Олешки падают будут...

— Менять будем... Дорога короткая... Выдержат.

Он говорил быстро, зная ответы на все вопросы, которые задавал ему Сотников. Чувствовалось, что для него эта поездка в долину реки Норильской обычная и больше напоминает аргиш к соседям в гости.

— Не тревожься, Киприян Михайлович, все будет хорошо... Хвостов плохо не делает... Добежим дня за три, если реки не помешают... Я много раз ходил в ту сторону.

Он посмотрел на небо, нетерпеливо почесал рукой темечко.

— Ладно, я побег... Завтра утром буду у крыльца с упряжками.

И он закачался на носках, готовый сорваться с места.

— Постой, Митрий, — по-русски назвал его Сотников. — Пойдем, хоть чайку попьешь с устатку.

— Некогда, Михалыч, дел — во! — провел он указательным пальцем у горла. — Присяду, лень по костям пойдет, в сон потянет... А хожу — их, будто с меня ветром

сдувает. Завтра поью... А сейчас спущусь к реке — пароход посмотрю...

— Да он не уходит, будет ждать... Вернемся с гор — тогда и посмотришь...

— Нет-нет, сегодня сбегаю... Душу надо насытить, как говорил мой духовник с Хатангского приходу отец Евфимий, а не чрево...

И он быстро зашагал к лестнице, лежащей на косогоре.

“Ну, неугомонный, ну, непоседа! Двое суток гнал оленей по тундре — и явился свежий, как только что испеченный каравай”, — восхитился купец выносливым нганасанином, глядя на покрытый рябью Енисей.

Мотюмяку из Авамской тундры. Еще мальчонкой, попавший Бог весть какими путями в Хатангский приход, он обучился грамоте, освоил русский язык, благодаря священнику Евфимию, и, казалось, навсегда связал свою судьбу с церковью. Был истопником, звонарем прихода и пастухом церковного оленьего стада. После перевода отца Евфимия в Туруханский монастырь, тот хотел взять с собой и Мотюмяку. Но он влюбился в красавицу Варвару Порбину, стал на колени перед настоятелем и просил не брать его в Туруханск. Жаль было отцу Евфимию бросать выпестованного им тунгуса, крещенного и приобщенного к православной вере, но проявлять духовное насилие к послушнику — не стал. Он поднял с колен Мотюмяку и сказал:

— Мне жаль расставаться с тобой, сын мой. Но твоя страсть может перейти в греховность, если я тебя буду сдерживать... Благословляю тебя... Верю, что ты никогда не предашь православие.

Он обнял его, поцеловал в лоб, и Мотюмяку ощутил две бегущие по щекам святого отца слезинки.

Приехавший вскоре в Хатангское урядник Киприян Сотников заметил Мотюмяку и был удивлен его знаниями языков тунгусских родов. Он привез его вместе с Варварой в Дудинское, поселил в балок и стал брать толмачом в торговых делах с тунгусами. Мотюмяку быстро понял, что надо расхвалить товар, чтобы выгоднее продать покупателю. А коль выгода будет купцу, то и толмач в накладе не останется. Вскоре он освоил зимники от Гольчихи до Хантайки, от Дудинского до Хатанги. Года через четыре

* Продолжение. Начало в альманахе “Полярное сияние” за 2001 год.

сметливый иганасанин уже имел собственное стадо ездовых оленей в две тысячи голов, да два десятка своих сородичей пастухами. Часть небольших стад паслась зимой у станков, расположенных вдоль зимника Дудинское — Хатангское, где с декабря по апрель шли бойкая торговля и завоз товаров. Оленей меняли на каждом станке, а ночевали торговцы через три перегона в заезжих избах да балаганах. В заезжих стояли деревянные топчаны из лиственницы, покрытые оленьими шкурами, на которых лежали пуховые одеяла и пуховые подушки. Благо, за лето отстреливали столько гусей, что пуха хватало даже на спальные мешки, которыми пришлые люди пользовались в дороге. Тунгусы же нередко, даже в крепкие морозы, спали прямо на нартах в своих оленьих парках и сокуях.

Летом пастухи Хвостова готовили оленью упряжь, чинили нарты, утепляли избы да лабазы, а олени нагуливали жир на сочных, обдуваемых ветром лугах. Основное стадо уходило к морю, а в октябре, когда реки и озера покрывались льдом, пастухи подгоняли его к озеру Пясино и ждали темной поры, готовясь к длинным аргишам.

Мотюмяку живет в селе вместе с Варварой и двумя пухлощекиными сыновьями: Дельсюмяку и Хоняку. Старший, Хоняку, на отца смахивает: нос прямой, скулы — глаза держат, чувствуется, что в рост не пойдет. Уж больно широко ноги при ходьбе расставляет. Да, наверное, и суетливым, как отец не будет. А Дельсюмяку мать своей красотой наградила. Волосы у него черные, густые, брови — как крылья гагары — с изломом, щеки круглые скулы спрятали. И все в меру: глаза, нос, губы, как и у самой мамы.

...В селе Хвостов бывает редко. У него стада в тундре, станки по зимнику до Хатанги-реки. Пока объедет свои владения, гляди, уж и зима хвост поджала от ясного дня да жаркого солнца. Есть у него передышка, разве что, весной да перед осенней распутицей. Вот тут он с батраком Романом и рыбачит, и балок утепляет, и с семьей забавляется. А бывает, что и среди лета появится какой-нибудь путешественник и просит Хвостова тундру показать, увезти за сотни верст к дальним озерам или рекам. Отнекивается Мотюмяку, уж больно по семье соскучился. Варвара хмурится, грустно смотрит на мужа и говорит:

— И наглядеться на тебя не успела — опять в тундру. Мальцы так и отца забудут, Мотя.

А он виновато глядит на жену и оправдывается:

— Ты уж прости, Варя, но люди просят... А Бог велит помогать людям. Я ненадолго... Недельки три — и снова дома... Дети вырастут, научу их своему ремеслу проводника... В тундре он всегда нужен.

Варвара знает, что пришлые люди в тундру без Хвостова не суются. Потеряться можно не за понюх табаку! А с Мотюмяку — полная надежда! Тундру любит, как свою Варвару. Видит, когда ее приласкать, а когда настоять на своем, характер свой проявить. Приметы особые в уме держит, когда в тундре “дорогу делает”. Каждая сопка, каждое озерко, каждый ивняк свой лик имеют, чем-то на людской похожий. А лица людей и все, что посадил Бог в тундре, Хвостов помнит всю жизнь. И когда аргишит, то достает их из памяти одно за одним, сверяет с дорогой, хоть

в полярную темень, хоть в светлую пору.

Вот и завтра аргиш со своим бывшим хозяином, а теперь компаньоном, Киприяном Михайловичем Сотниковым...

Крепко позавтракав, Киприян Михайлович с Александром Петровичем собирались в дорогу. Ходили на цыпочках, чтобы не разбудить Кривошапкина, которого решили не брать на залежи... Ксюша складывала в большой резиновый мешок ковриги хлеба, рыбные котлеты, вяленую осетрину, копченые гусиные тушки, пачки чая, сахара и галеты. На крыльце уже стояли два походных казацких термоса: один с квасом, другой с кипятком. Здесь же лежала баночка с дегтем.

Несмотря на жару, одевались потеплее. Кытманов с трудом пытался натянуть бродни. Резина скрипела, казалось, вот-вот лопнет от его усилий. Киприян Михайлович хотел ему помочь, но когда поднял один сапог подошвой вверх, то запричитал:

— Александр Петрович, это ж на младенца! Ноги сразу отекут... Ходить не будешь... В тундре — это беда. Возьми сорок пятый, с пимами будет хорошо...

Ксюша вынесла из чулана бродни, похожие на ботфорты:

— Вот, Александр Петрович! Больших нет... В них Енисей можно перейти... Почти в мой рост. Примеряйте.

Кытманов, мокрый от натуги, с радостью сказал:

— Спасибо, Ксюшенька! Проверю твои бродни. Авось, сухим вернусь с гор.

Киприян Михайлович вынес четыре свернутых и связанных белыми веревками спальных мешка, потом два ружья, два патронташа, четыре накомарника.

— В тундру едешь на день — берешь припасы на неделю... Едешь на неделю — припасы бери на месяц... Тундра — не всегда понятная бывает, — как бы оправдывался Сотников перед Кытмановым. — В июле у нас может и снежок сыпануть, и дождь из тучи брызнуть... И зима, и лето — все вместе...

— А что на нартах поедем по земле?

— Не по воде же... Хотя тундра летом — почти сплошное болото... Тунгусы ведь и зимой, и летом на оленьих упряжках аргишат... Со всем скарбом... На сотни верст. И стада перегоняют... Вот сейчас низовские ушли к Карскому морю, а затундринские — к Лаптевым... У моря гнуса и комара почти нет... Прохлада от воды идет...

К дому подъехал на первой нарте Хвостов, остальные четыре шли цугом. На последней сидел пастух Тубяку.

— По четыре олешка хватит... Поклажа небольшая, — подошел Мотюмяку к Сотникову.

— Знакомьтесь, Александр Петрович! Это проводник Хвостов, владелец двухтысячного стада ездовых оленей. Надежный человек...

Кытманов протянул ему руку:

— Слышал, слышал о тебе.

Хвостов робко вложил свою маленькую руку в его широкую ладонь.

— Шибко большой человек... А ладонь, что шкура неблюя, — мягкая и теплая, — глядя снизу вверх на

Кытманова, заулыбался Хвостов. — Я к руке Михалыча привык... Она другая. Шершавая, как шкура нерпы, но надежная...

— Шершавая, Митрий, от работы, а надежная... В тундре, ты ведь знаешь, без надежности — каюк. Надежность во всем: и в человеке, и в упряжке, и в нартах, и в ружье... Чай пить будешь?

— Нет! Маленько пил дома... Пока хватит. Олени сытые — ходить хотят.

На крыльцо, потягиваясь, вышел Кривошапкин.

— Доброе утро, гости и хозяева, — почтительно обратился он к стоящим на крыльце. — Хлопотное это дело — сборы в тундру... Вроде, сто верст — не дорога, а забот хватает... Сколько же ходу туда на оленях?

— Дня четыре... Смотри как реки, ручьи, — ответил за всех Хвостов, — а зимой, налегке да на хороших оленях, полусуток хватит.

Кривошапкин подошел к Мотюмяку и стал рассматривать его почти в упор.

— Ты какого роду-племени, человек? — спросил у него Михаил Фомич.

— Некогда сейчас говорку держать, — ответил проводник, — в дорогу торопимся. А род я свой не помню, сиротой остался после мору... Священник меня спас... А народ мой называется — ня...

— Слышал и читал о твоём народе... Самобытный... Он первым появился на Таймыре сразу после Рождества Христова... А у нас всех под одну гребенку зовут тунгусами... Хотя есть ня, ненцы, якуты, кето... Ученые, если займутся, то разберутся, кто есть кто... На первый взгляд, вроде все одинаковые, а вникни — и увидишь много различий у этих народов.

...Забывший на время Хвостов подтянул сбрую на оленях и стал разматывать веревки для увязки поклажи на легких нартах.

Остальные, разговаривая, начали подносить припасы и укладывать на санки. Сначала сложили ружья, потом боеприпасы, мешки с харчем на каждую нарту поровну, кроме упряжки Кытманова.

— Сюда не надо ничего класть... Наш гость тяжел, как мы с Тубяку... — посмотрел он снизу вверх на Александра Петровича. — Куда такой вымахал? Выше сопок в тундре...

— Чем выше, тем дальше вижу, — ответил Кытманов, подняв со ступеньки банку с дегтем.

— Чем выше, тем комаров больше сядет, — засмеялся Хвостов. — А деготь летом в тундре — не последнее дело... Дайте и нам этой слякоти... В тундре мошка бесноватей, чем в селе. А ну-ка, Тубяку, намажь собаку...

Отъезжающие не жалели мази, тщательно втирая ее в кожу.

— Ее духу хватает часа на четыре, а потом снова комар блаженствует, а мошка залазит в любую щель на одежде. Ксюша, перевяжи мне рукава, — позвал ее Киприян Михайлович и добавил. — А ты, Александр Петрович, не в Енисейске... Застегнись на все пуговицы и воротник затяни веревками... Пусть душно, но от мошки спас.

Сотников обратился к Кривошапкину:

— Михаил Фомич, прошу вас, как дела свои закончите, сходите на "Енисее" до Бреховских островов. Приказчики будут соленую рыбу собирать... Посмотрите, как живут сезонники... Там и юраков много... А сегодня попаритесь с Юрловым и отцом Никодимом.

Он перевел взгляд на Ксюшу.

— А ты, Ксюшенька, накажи сторожу Акиму, чтобы тот баньку истопил да венички березовые замочил... У нас они хлесткие — таежные.

— Да, попариться не мешает, — поддержал Сотникова Михаил Фомич. — На пароходе парилки нет... Тут Александру Петровичу надо подумать...

Кытманов засмеялся:

— Сейчас в деле проект судна дальнего плавания "Утренняя заря"... Там будут отдельные каюты для команды и пассажиров. И банька с каменкой... Так что, Михаил Фомич, все ваши желания учтены... Я же не зря говорил, чем выше человек, тем дальше видит... Я на этой "Заре" пройду по разводьям от Енисея до Мурманска, минуя льды. Причем, без дополнительной бункеровки.

— Ну ты, Александр Петрович, размахнулся, — не поверил ему туруханский начальник. — Такие пароходы, наверное, появятся только к концу века... Попробуй — пройди льды! Сколько парусников ушло на дно!

— Наука пока отстает... Океан Ледовитый никто толком не изучает. Считают это бессмыслицей... А когда будем знать направление движения льдов, где больше всего разводий — туда пароход и пойдет... Кытманов, други мои, слов на ветер не бросает. Утром мы нос Европе... Именно мы — сибиряки!

У причала дымил пароход. Шла разгрузка "Енисея" и баржи. Грузчики, словно муравьи, цепочкой сноровисто спускались и поднимались по сходням с мешками, тюками, ящиками. На берегу их сначала штабелевали, а затем грузили в одноколесные тачки и по деревянному настилу катили на угор к лабазам.

— Ты, Киприян Михайлович, скоро так людей загонишь, а разгружают медленно... Непосильная работа... Я скоро поставлю на пароход лебедки — тогда трюмы освобождать легче будет... А тебе надо строить деревянную эстакаду и ручной конвейер. Видел, как в Енисейске на пристани... Тогда пойдет все с причала до самого лабаза... А так катили падают.

— У меня все руки не доходят... Если уголь будет — без конвейера не обойдешься. Года через три построю эстакаду. Вот на Алтай поедем и закажем там конвейер...

— Тогда у тебя меньше будут простаивать суда — а это твою копейку сбережет.

Киприян Михайлович согласно кивнул головой и посмотрел на хронометр.

— Ну ладно, по-моему, все уложили. Пора трогать... Митрий, выводите оленей!

...Сотников и Кытманов шли рядом с нартами, пока не минули Старое Дудинское и пошли вдоль правого берега реки Дудинки. Хвостов сидел на передней санке и тыкал хореом оленей под хвост. Рядом с ним на иряке лежала собака Мунси. Ее шерсть на солнце лоснилась от дегтя. На

последней нарте с трубкой в зубах попыхивал дымком Тубяку.

Идти становилось все труднее и труднее. Ноги увязали в хляби. Небольшие островки суши, даже кочки, покрытые мхом, лишайником, пушицей, с надеждой притягивали к себе путников. Ведь кочка все-таки не хлябь. У грузного Кытманова испарина опустилась с плеч до пояса, превращаясь в капли смешанного с дегтем пота. Он со злостью, раз за разом, сбрасывал с лица марлеву сетку накомарника, чтобы схватить ртом глоток свежего и прохладного воздуха да остудить потное лицо.

Хвостов остановил упряжку.

— Михалыч! Пора садиться — быстрее пойдем... Ягель хороший под ногами... Олень бежать хочет от паутов...

Сотников сначала поудобней усадил на нарты Кытманова, на третьи — сел сам, поджав по-тунгусски одну ногу под себя. Хвостов еще раз обошел упряжки, посмотрел, не растряслась ли поклажа, не избиты ли копыта у оленей.

— Поехали! — крикнул Мотюмяку и развернул свою санку вдоль реки. — Теперь — до самой переправы!

...Тундра живет своей, только ей присущей, жизнью. И по тундре идут пять упряжек, почти не нарушая гармонию ее бытия. Олени местами резво бегут, почуяв под ногами ягель. Сотников иногда окликает Кытманова, если что-то интересное замечает в пути...

Олени фыркали носами, на губах появилась пена, шерсть на спинах стала влажной. Хвостов повернул голову назад и увидел озадаченный взгляд купца.

— Рано, Михалыч... Переели они перед дорогой — вот пена и пошла... Скоро будет брод... Там и отдохнут.

Часа через два прямо на их пути стала широкая и бурная река.

— Надо маленько вверх пройти... Там она помельче и поуже, — сказал Хвостов, соскочив с санки. — Это у Гнилого Камня. Я тут ходил много раз... Оленей выпрягу, переведу через речку, а потом иряки перенесем... Вода мала, бродни высокие...

Сотников и Кытманов последовали примеру Хвостова и сошли с нарты. Хотелось поразмять тело, "расходить" упревшие ноги. Шли берегом реки, обходя пышные кустарники ивняка и почти в олений рост валуны. Мошка нагло лезла под одежду, чуя запах человеческого тела. Сотников на ходу достал из рюкзака мазь и передал Кытманову.

— Обнови, а то мошка покоя не даст.

Александр Петрович сунул влажную и скользкую руку под марлю накомарника и начал гладить ею лицо, шею, потом расстегнул пуговицы и потер ладонью грудь. Приятный холодок обдал шею... "Какая прелесть — прохлада", — будто вспомнил Кытманов. Захотелось раздеться и окунуться в эту бурлящую рядом воду.

— Эх, было бы это в Енисейске... Не вылез бы из реки, пока душу бы не остудил водой, — засмеялся судовладелец.

— Терпи, Александр Петрович, в тайге тоже гнуса не меньше... Видно, на приисках тебе не раз докучал.

— Было, было... Но такой мошки я еще не видел...

Вот, смотри, — показал он руку, — присосалась и не слышно, а волдырь уже растет... И деготь ей не помеха. Как же здесь летом работать? Видно, тут лето страшней зимы... Страшней этим гнусом... Найдем ли мы охотников уголь колоть?

— Найдем... На рыбалку просятся — спасу нет... Выбор есть.

— Рыбачить — не уголь кайлом долбить... Там легче и чище... Там сама мать-природа рыбу в сети гонит. А тут мерзлота держит в каменном мешке все залежи...

...Река становилась все уже. Ее дно было усеяно крупными валунами, торчащими из воды. Кусты ивняка свисали над бегущей водой, создавая дрожащие тени. Взлетела стая чирков и, петляя между ивняками, скрылась за Гнилым Камнем. Хвостов развернул упряжку поперек движения.

— Кажись, прибыли, — осматривая место, сказал он.

Пологий участок берега был будто обижен природой. Серый песок казался мрачным среди буйствующего вокруг разнотравья. Видно было, что этой переправой ходили не один десяток лет, проложив оленьими копытами и нартами песчаную дорогу до самой воды. Мотюмяку с Тубяку быстро распрягли оленей, подтянули повыше голенища бродней и вошли в воду, ведя за собой на поводу оленей. Те на ходу пили воду, фыркали, трясли ушами. Хвостов не понукал оленей. Они понимали его по легкому подергиванию поводка.

— Ты смотри, воды не боятся... Лошади и то трусливей, — удивился Кытманов.

— Это таежные олени... Для них что снег, что вода — все нипочем... Это же ручеек... Они тысячами Енисей переплывают. И переправы — в несколько верст, а глубина — копытами не достанешь... Да еще течение! — пояснил Сотников.

Тубяку остался на левом берегу с оленями, а Мотюмяку вернулся назад.

— Воды набрал в сапоги? — спросил его Сотников.

Хвостов лег на землю, поднял вверх сначала одну ногу, потом вторую. Вода из бродней не лилась.

— Значит не успел, коль сухо, — сказал Александр Петрович. — А у нас голяшки еще длинней... Главное — не оступиться...

Они перенесли ружья, спальные мешки, походные термосы. Остались иряки с привязанной к ним поклажей. Нарты несли, приподняв над водой, чтобы не замочить провизию, хотя она и была в резиновых мешках.

— Киприян Михайлович, не пора ли нам червячка заморить? Александр Петрович потрясся на нартах... Вся еда вниз ушла, — пошутил Мотюмяку, глядя на Сотникова.

— Можно и заморить... Доставай припасы — будем обедать.

Тубяку отвел оленей от берега, нашел обдуваемое ветром ягельное место и на длинный поводок привязал оленей, чтобы они тоже могли восстановить силы.

Потом собрал и поджег кучу ерника и мха. Густой дым завис над землей.

На одном из иряков разложили съестные припасы.

Кушали быстро, опасаясь летящего прямо в рот гнуса. Даже дымокур был бессилён урезонить нахальных насекомых. Пока чаевничали да говорили о том, о сем, мало кто прислушивался к пронзительным крикам гагар.

— Шибко гагара стонет... Плохая погода идет, — посмотрел в небо Мотюмяку. — Надо успеть пройти еще верст десять... Скоро покажутся горы, там ветер меньше...

...И опять поскрипывают иряки, слышится приглушенный голос Хвостова, понятный лишь оленям да пастуху Тубяку. Собака спит на оленей шкуре, положив голову на передние лапы, вздрагивает и просыпается, когда нарта почти ложится на бок или, будто выстрел, вспорхнет куропатка. Мунси в такие минуты открывает глаза и с надеждой смотрит на своего хозяина Хвостова, словно верит, что тот не даст ее в обиду, не позволит опрокинуться на нарте. Тубяку, сидя на иряке, клочет носом, привычно наматывая поводок на руку.

...Небо хмурится. Подул холодный север, и сразу летняя тундра превратилась в осеннюю. Встревожились птицы, прячась в кустарниках и в высокой траве от наседающего сверху ветра. Пошел редкий снежок, потом все гуще и гуще. Побелели вершины сопок, зелень листвы.

— Вот тебе и лето! — крикнул Кытманов съезжившемуся Сотникову. — Июль, а снег, как в октябре.

— Удивляйся, Александр Петрович, но это не зима... Это север проказничает... Такое у нас бывает: ветер переменится, юг подует, и эту белую пелену, как собака языком слижет.

А у Александра Петровича снова в голове возникают вопросы. Не может он понять, как ориентируется в этом бездорожье Хвостов, когда тундра, куда глазом не кинь, везде кажется одинаковой. По озерам? Да их здесь сотни — больших и малых! Одни пересыхают, другие рождаются после дождей и таяния снега, третьи — родниками живут. Речки тоже быстрые да коварные, то широкие, под стать Енисею, то суживаются до какого-нибудь безымянного ручья. Ему, Кытманову, все надо знать да осмыслить. Будущие затраты, хоть и не подсчитанные, уже пугают. Все-таки, не ближний свет этот Север! Каждая верста пути, будь то по воде или по тундре, в большую копейку выльется. Его никто не неволит, но азарт берет свое... Привык он во всем быть первым.

...Хвостов резко ставит оленей поперек санки и останавливается. Седоки сходят с нарты попрыгать трубками. Начинается узкая безветренная долина. Кытманову хочется разузнать, как Хвостов находит дорогу в тундре.

— Слышь, Мотюмяку, как ты тундру видишь?

— Не знаю, Александр Петрович! Небо, солнце, ветер, реки, сопки — вижу, слушаю... Головой что-то кумекаю... Олешки умные... Бредут, куда хозяину надо.

— Не понял! Что олени умные, что ли?... Я тебя спрашиваю: ты в тундре плутал когда-нибудь?

— Плутал?... В пургу, по-моему, плутал... В "куропачьем чуме" ночевал... Буря утихла... Сам дорогу нашел...

— Киприян Михайлович, может, ты знаешь какие секреты?

— Не знаю! Я много по тундре езжу, но всегда с опытными каюрами... У каждого тунгуса нюх особый... У них есть то, чего у нас с тобой нет... И сколько бы лет мы в тундре ни жили, такими не станем... У них свое видение, свой дар... Проведи Хвостова по улицам Енисейска, и он заплутает, а здесь, как рыба в воде. Видишь, даже он, грамотный и умный, не может объяснить... Это, вероятно, то, что люди зовут интуицией.

— Значит для перевозки грузов и людей пригодны только тунгусы?

— Почему? Плотники, грузчики могут быть пришлые... Нарт понадобится не меньше тысячи да на поломки — запас... Сбрую оленью они режут сами из оленьих шкур и шьют... Ну и оленей ездовых — тысячи полторы... Это на первый случай... А потом много чего понадобится.

— Вон — большие озера, — показал на север Мотюмяку. — Их пройдем, а потом на восток, к горам... Однако, прямо идти нельзя... Острый камень протрет полозья наших санок, олень копыта побьет — слабый станет, дорога длинной будет... Надо свежую долину искать, чтобы попасть к горам.

— Давай выйдем к Дудинке, перейдем вброд, — предложил до сих пор молчавший Тубяку.

Сотников с Кытмановым переглянулись. В такую погоду не хотелось лезть в воду.

Через час они пересекли реку, бегущую с гор на запад. Хвостов пояснил, что эта речка впадает в Енисей у села Дудинского, и Киприян Михайлович даже рыбачил удочкой на ее берегу.

— А я и не узнал... У нас она раза в четыре шире, да и не такая быстрая. Там глубина сажени три, а здесь пешком перешли...

На левом берегу Дудинки разожгли костер, поужинали и легли отдыхать прямо на санках. Хвостов с Тубяку по очереди поддерживали костер и караулили оленей. Где-то полночь, Тубяку увидел, как олени сбились в кучу, настороженно подняли уши и приблизились к костру, ища защиты у человека. Тубяку взял ружье и пошел в сторону жидкого леса. Мунси останавливалась, приноживалась и вдруг резко кинулась в лесок.

— Мунси, назад! — крикнул Тубяку. — Стой!

Мунси нехотя вернулась к пастуху, тревожно водила головой по сторонам, словно чувствовала недалеко затаившегося врага. Послышался вой волка. Тубяку вскинул ружье и выстрелил на звук. Спящие проснулись и схватились за ружья.

— Где они? — спросил Хвостов у Тубяку, зная, что в этих местах есть волки.

— Вон к той сосне ушли, видишь?

— Вижу! Трое... Небось не голодные, коль ушли восвояси.

Сотников с Кытмановым достали бинокли и увидели у подножия сопки три серых силуэта.

— Волчица, волк и волчонок... На охоту вышли, — сказал Киприян Михайлович.

— Хорошо, что Тубяку не спал, — обрадовался Кытманов.

— В тундре, как и в тайге, свои законы,— поправил его Сотников. — Надо каждый шаг осторожничать... Тут затаилось много бед. Это на первый взгляд в тундре тишина. Как говорит Хвостов, здесь за человеком наблюдают десятки глаз... И для них человек — враг... Вон канюк в небе завис. Видишь? Он не мышшь-полевку выглядывает, он нас стережет и криками своих сородичей предупреждает... А волки, вроде, отошли, но еще долго от нас не отстанут. Будут кругами по нашему следу идти не одну версту... Их даже выстрел не отпугнул... А песцы, обליнявшие, в пушице спрятались. Нас караулят и мышшей ловят... Если бы не Тубяку, то могли без оленей остаться... Волки бы разогнали их, а некоторых и задрали бы...

— Ладно. Ложитесь, досыпайте... Я сторожить буду, — успокоил их Хвостов.

Он подбросил в костер сушняк, сверху покрыл мхом, снял бродни и вытянул ноги к костру. От сырых пимов шел пар. В небе загоралось раннее утро...

На третий день пути вошли в широкую, пологую долину, окаймленную с западной стороны горами, и двинулись вдоль реки Ергалак. Олени идут медленно. Путешественники, кроме Хвостова, бредут каждый около своей нарты, держа в руках поводки. Дают отдохнуть животным. Даже Мунси соскочила с иряка и побежала в конце аргиша, принохиваясь к оленьим следам. И в долине, и на склонах сопок видны густые заросли леса. Красивые места вдохновляют идущих и прибавляют сил. Александр Петрович снова в изумлении:

— Так мы что, Киприян Михайлович, на юг идем? Тайга ведь начинается... Так скоро и до Енисейска дойдем, — пошутил судовладелец и добавил, — не заплутал ли Мотюмяку? Он же говорил, что залежи северо-восточнее Дудинского...

Кытманов сказал это шепотом, чтобы не обидеть Хвостова. Сотников кивал отрицательно головой.

— Ты на проводника не гневишься... Он тундровик от Бога. А тайга здесь не от юга... Лес закрыт с севера горами. Долина, как оазис. Вот и растут здесь буйно и ель, и сосна, и лиственница, и береза... Только, может, чуть пониже, чем енисейская тайга, — рассмеялся купец.

— До нашей тайги ему далеко, как от Енисейска до Петербурга. У нас лесина, так уж лесина, а тут ветки, а не деревья. О колено можно переломить, — возразил Кытманов.

...К вечеру подошли к большому озеру. Оно, будто огромная чаша, блестит водой среди ровной, как столешница, тундры.

— Озеро Дорожное! — крикнул, повернув голову к своим спутникам, Хвостов. — Еще денек, и мы будем на месте.

За Дорожным озером снова пошли невысокие гряды и сопки.

— Уже начинается предгорье Норильских гор. Вот реку Амбарную пройдем и выйдем в долину, — пояснил Сотников Кытманову. — Узнаю знакомые места... Терпи... Осталось немного...

...Шли пологим берегом Амбарной, выискивая широкое место, где течение слабее и глубина поменьше. Вешняя вода еще не спала, но даже она не смогла скрыть огромные валуны, усеявшие дно реки.

— Здесь будем пробовать, — сказал Хвостов, спускаясь с хореем к воде.

Он подтянул почти до паха голенища бродней и осторожно вошел в воду. Пройдя половину реки, он зашатался под напором воды, но хорей помог ему устоять на ногах.

— С ног валит! — крикнул он, зачерпнув голенищами сапог порцию ледяной воды. Мотюмяку поежился, вздрогнул от холода и, ощупывая хореем дно, пошел дальше. Ближе к левому берегу дно было чище, уровень воды ниже, и Хвостов без приключений добрался до суши. Трое его спутников стояли на берегу и криками подбадривали своего проводника, принявшего ледяную купель.

— Терпи, сын Божий, скоро ромом согреем, чтобы никакая лихоманка не привязалась! — закричал Сотников.

— Чтобы вода не сбивала с ног, надо идти цепочкой, страхуя друг друга, — советовал им вымокший Хвостов. — Вы-то оба тяжелые, вас вода не осилит, а Тубяку может свалить... У вас и голяшки почти в мой рост... Так что брод пройдете сухими... Я сейчас вернусь.

И он снова перешел Амбарную.

Хвостов и Тубяку распрягли оленей, развязали веревки на иряках и все, став цепочкой, через реку стали передавать друг другу свои пожитки. Последними поодиночке переносили нарты, а освобожденные от упряжи олени сами переплыли реку вслед за хозяевами.

Сотников помог Тубяку нарубить сухого ивняка и березы-сухостоя для костра.

День был прохладный, не комарный. Олени на длинном поводке паслись на опушке леса, выискивая сытный ягель, но в лес не заходили, боясь спрятавшихся в листве комаров. Сотников с Кытмановым собирали на берегу разноцветные камешки и складывали их в сумку. Тубяку поставил пушальню и вскоре принес пару жирных задыхающихся чиров. Решили посагудать. Ели трепещущую рыбу, ловко отрезая ножами у самых губ находящиеся во рту куски свежинины. Киприян Михайлович сагудал с солью, а нганасаны, по привычке, пресно.

— Вон за той грядой видите вершину? — спросил Хвостов, прожевывая очередной кусок рыбы, и показал ножом на восток. — Это Медвежий Камень... Там есть уголь и руда... Кажется, рядом... Еще два перехода — и мы у горы.

...Чиры шли за милую душу. И Сотников, и Мотюмяку, и Тубяку только причмокивали губами, наслаждаясь едой. Головы отдали Мунси, и она захрустела зубами, уминая мягкую рыбу кость. Только Александр Петрович укоризненно мотал головой.

— Ну людоеды, ну африканцы...

— А ты строганину пробовал? — спросил его Сотников. — Нет? А зря! Если бы не строганина, цинга бы свалила всю тундру... От цинги нет спасу, кроме строганины. Она и еда, и снадобье... Картошки — не надо, а строга-

нину — дай. Это же Север... А сагудай! Мягче его нет закуски из живности...

— Верю, глядя на вас... Глазами хочется, а душу воротит... Не могу побороть себя... Пока... Может, позже и пойдет, а сейчас — нет.

— Тогда ешь копченого гуся, коль свеженины не хочешь...

Выпили рому, закусили копченым гусем да вяленой рыбой. Долго пили чай, как и положено при аргише. Курили все, кроме Сотникова.

...Мотюмяку прощупывал сушившуюся одежду, сырые места подставлял огню, встряхивал и опять раскладывал на горячие от костра камни. Тубяку, натянув на ноги сухие запасные бокари, караулил стадо, попыхая трубой. Потом поочередно поставил иряки торцом и осмотрел полозья. Он подошел к Хвостову и сказал:

— Сильно камень дерево дерет... Назад может не хватить.

— Заменим. Я взял четыре полоза и штук шесть копыльев в запас... Они в свободной санке лежат, завернутые в парусину, — успокоил Мотюмяку молодого Тубяку.

Кытманов достал карманные часы.

— Без четверти двенадцать, а ночи не видать... Может, двинемся дальше? Как олешки, Мотюмяку?

— Они подкрепились, мы отдохнули и подсушились... Можно аргишить...

...Олени бодро пересекли невысокую цепь холмов "Шею" и вскоре подошли к северному уступу горы Медвежий Камень. Обогнув ее, вышли на ровную площадку Норильских гор. Здесь уже весна была в полном разгаре. У подножия горы настоящий лес. Лиственницы распустились, наполняя воздух своим тонким ароматом. Белыми стволами мелькают невзрачные березки и кое-где северная ель. А на склонах гор растут пышные кустарники ольхи, ивы, между которыми целые луга сочной травы. Все вокруг наполнено птичьими голосами. В предвкушении окончания нелегкого пути, все уже идут пешком рядом с нартами, откинув сетки накомарников и вдыхая теплый летний воздух. В распадках гор белеют пятна потемневшего снега, напоминающего о недавней зиме.

— Все! Шабаш! — по-плотнички крикнул Хвостов. — Здесь будет наш станок... Медь рядом, а вон Угольный ручей — там горячий камень.

Он резко остановил оленей.

— Тубяку, оленей выпрячь — и в горы... Там прохладней и ягеля полно... А то тут гнус не даст... Бери провизию, ружье, одну иряку — и в путь. Я думаю два дня нам хватит? — посмотрел Хвостов на Сотникова.

— Как бегать будем! Надо горы обойти и осмотреть, камни собрать... Покумекать кое над чем вместе... Один я уже здесь был, теперь Кытманов должен посмотреть. Он приисками занимается... Дока в золоте... Может, и в меди будет...

— Ладно, Тубяку! Два дня. Сигнал к спуску — два выстрела... У тебя беда — три выстрела. Понял?

— Понял...

— Возьми с собой бинокль!

Палатку развернули быстро. Наломали мягких веток ивняка, покрыли ими песок внутри палатки. Развернули и расстелили спальные мешки, а посередине поставили одну санку. Киприян Михайлович достал из вещмешка трехрожковый подсвечник и поставил на иряку. Зажег две свечи и сказал:

— Иди, Александр Петрович, погляди... В палатке от двух свечей светло... Можно даже кое-что и записывать. Правда, мы купцы, а не топографы, но что-то придется и зарисовать. Ученые тут нужны, в первую голову.

— Конечно, Киприян Михайлович, утрясемся — все запишем... Надо посчитать сколько рек и ручьев по пути от Енисея до этих гор. Выяснить, где залегают пласты. Реки разведать на заход судов. А потом уж заявить это месторождение... Работы тут, видать, на десятилетия, а жизнь не так уж и длинна... Может, возьмем ружья да прогуляемся. У меня уже интерес зудит...

— Не терпится тебе, Александр Петрович! Я так же себя чувствовал, когда первый раз приехал на залежи. Думал, вдруг рядом с медью и золотишко заблестит... Походил, поискал, песок в реках посмотрел, но так и не нашел. Правда, я успокоился, но не огорчился. А про залежи никому не говорил... Ты — первый...

Они взяли ружья, бинокли, надели надоевшие за дорогу и пропахшие дегтем и потом накомарники и пошли вдоль Угольного ручья.

— Давай осмотрим Медвежий Камень, — предложил Сотников. — Вон, смотри, угольные осыпи! — добавил он, поднося бинокль к глазам.

Кытманов повторил его движение. И тот, и другой увидели, что весь северный край горы, словно поясом, перетянут угольной осыпью, которая, расширяясь книзу, тянется по склону угольного ущелья на юг.

— Пойдем поближе к ручью, авось, там лучше уголек видать, — предложил Сотников.

Ущелье было неглубоким, но обе его стороны были закрыты осыпающимся углем, доходящим до дна. Местами сквозь осыпи выдавалась порода, своим тусклым цветом выпадавшая из привычного восприятия угольных залежей.

— Вон, смотри, Киприян Михайлович, это, по-моему, порода выпирает... Метра три толщиной — не меньше. Я в Хакасии был на угольном разрезе, там тоже такие участки есть... А порода в отходы идет... Ее даже топка парохода не может сварить. Она ни к чему, но рубить ее придется, чтобы до угля добраться.

Дальше обошли гору с западной стороны. Шли, считая каждый шаг, чтобы хоть на глазок определить площадь угольных выходов. Посмотрели в бинокли. Почти от вершины горы и до подножия блестела на солнце осыпь.

— Пожалуй, две с лишним версты, — подвел итог Киприян Михайлович.

Соседняя к востоку гора состояла почти целиком из каменных выступов, а между ними лишь кое-где виднелась угольная пыль.

— Видишь, вроде, такая же гора, а угля почти нет. Зато посмотри на эту породу с примазками медной зелени и сини, — Кытманов поднял с земли камень. — Тяжеленный... Металлом отдает по плотности... Это, вероятно, и есть медная руда с примесью. Зелень, как раз на медь смахивает... Окислилась... Эх, рудознатца бы сюда! Так что, мой друг, хоть крути, хоть верти, а уголь и медь здесь есть. Завтра обнюхаем еще две горы — может, и золотишко попадется... Эх, жаль геолога с нами нет! Это была бы большая пособка...

— Тут каждая ошибка не в одну копейку влетит... Ни я, ни ты — не доки. Грамотеи нужны... Медь для России нужна не меньше золота...

— Нужна-то нужна, но ведь каждый пуд ее будет втридорога... Выплывь, да доставь куда надо... Найдутся ли покупатели? А качество?

— А что, из Англии ближе и дешевле? Не верю... А война начнется? Иноземцы откажут... В Крымскую ведь медь не дали! Все контракты разорвали. А без меди сейчас и война — не война.

— Понимаешь, пугает меня эта пустыня... Даже когда сквозь льды пройдут пароходы, меня это уже не обрадует. Далеко залежи от Енисея... Чугунка потребуется. А по болоту ее еще никто и никогда не тянул. Даже Николаевская обходила и озера, и болота... А здесь и обходить нечего — вся тундра почти топь... Везде насыпь нужна.

— Я не все понимаю, Александр Петрович, я ведь чугунку в жизни не видел...

— Увидишь... Доведут до океана. Уже до Урала дошли, а там — Красноярск, Иркутск. Забудят гужевики без работы.

— Зря ты так, Александр Петрович! Лошадки останутся навсегда... В тайгу чугунку не поведут, а конь хоть где пройдет...

— Поведут... И в Енисейске она будет, и до Дудинского дойдет... Было бы что возить. Пароход на Енисее только летом полезен, а паровоз на погоду не смотрит... Правда, снежных заносов боится... А так ему только дрова, уголь да мазут подавай. И попытит он туда, куда железный путь ведет.

Киприян Михайлович окинул волооким взглядом обступившие горы.

— А мы с тобой, Александр Петрович, может быть, эти горы с землей сравниваем, выберем из них и медь, и уголек... Время идет к тому... И не бойсь наших многотысячных верст. Все они нам под ноги лягут.

— И все равно страх из меня не ушел... Как здесь можно полнокровно жить и работать? Летом — каторга от гнуса, а зимой, как ты говоришь, от морозов да пург... Хотя красота неопишная! Тут Бог, по-моему, собрал всего понемножку: и красот, и уродства... И землю эту насытил видимым и невидимым нами богатством.

— Жаль, что я не художник, — с сожалением сказал Сотников. — Такая красота сама на холст просится: и горы, и лес, и ручьи, и эта долина, усеянная жарками, ромашками и полярными маками...

— Другие нарисуют, а нам успеть бы холст подготовить... А это не такое уж легкое дело... От холста зависит длительность жизни картины.

— Так-то оно так... Но я бы хотел при жизни увидеть в этой долине дым заводов, услышать гудки паровозов, светящиеся окна домов...

— Мне говоришь — не торопись, а сам торопишься, Киприян Михайлович! Может, без нас, но придет в тундру свежая жизнь. Разродится вечная мерзлота не только медью, но и другими сокровищами, которые удивят и притянут людей к этим местам. И скажут потомки, что у истоков новой жизни стояли купцы Сотников и Кытманов.

Кытманов, рассуждая, то опускал бинокль, то подносил его к глазам, задерживая взгляд на чем-то интересном.

— Вот сейчас обошел взглядом всю панораму... Красота нетронутая. Представляешь, мы с тобой первые из русских... Миклухо-Маклай на Канары собрался, а мы — у тунгусов. Газеты шумят об ученом... Как же? Русский — на Канарах... Кидаемся к чужим, а своих аборигенов кто будет на ноги ставить? У нас весь Север тунгусами забит... Их надо приобщать к цивилизации, а не каких-то людоедов...

— Их приобщать не надо... У них своя культура, способная выжить и развиваться, только в ею выбранном темпе жизни... Ускорь этот темп, и задохнется она, как загнанная лошадь, исчезнет постепенно, как высыхает летом озеро. А насчет того, что мы первые русские — ошибочка, Кытманов, произошла. Лет сто пятьдесят — двести назад здесь мангазейцы-кустари уже плавил медь... Вот видишь, у меня нож, а рукоятка медными кольцами набрана. И вензель мангазейского мастера. Год — одна тысяча шестьсот шестьдесят шестой... Так что эти кольца из норильской меди. Когда Мангазея ушла в небытие, именно тунгусы передавали из поколения в поколение легенду о горячем камне и хранили память об этих загадочных горах.

Кытманов с восхищением слушал Сотникова и удивлялся, что перед ним уже не купец, а тонкий и наблюдательный этнограф, а, может, просто человек, понявший душу маленького северного народа.

Когда Киприян Михайлович закончил свой монолог, Кытманов многозначительно сказал:

— У тебя голова вместительна для больших дел... Ты уже превзошел в себе и урядника, и купца, и этнографа. У тебя цепкий, непомерно сообразительный ум, схватывающий самую суть жизненных ситуаций... Мне нравится с тобой беседовать. Ты, порой, даже меня, инженера, удивляешь своими суждениями... У меня есть предложение. Если только ученые подтвердят ценность этих залежей, то давай назовем их в честь Александра Невского. Он был истинным патриотом Руси...

— Я не против. Угольные — пусть будут Александровские копи, а медные — Невские. Но это все войдет в будущую заявку...

Анатолий ЛЕВЕНКО

Родился в 1952 году в Черниговской области. После окончания в 1975 г Киевского государственного университета работал журналистом, с 1980 года — в окружной газете «Таймыр». Его стихи публикуются в периодике и коллективных поэтических сборниках. Вышли отдельные книги: «Вишня Арктики» (1992), «Тридцать три» (1995), «Млечный путь» (1996). Работает над поэтическими переводами фольклора народов Таймыра. Регулярно печатается в альманахе «Полярное сияние».

КАК ТАЙМЫР ТАЙМЫРОМ НАЗВАЛИ

Историческая версификация

Отрывок

В просторной северной рубленой избе с книжными полками, уставленными томами с золочеными обрезами; с пробирками, ретортами, колбами на столах; с барометром на стене. В горнице двое бородачей в строгом суконном платье. Один — хозяин, Николай Лисовский ¹, второй — приезжий петербургский ученый, Александр Миддендорф ² Начало сороковых годов XIX века.

Миддендорф (*восхищенно*):

Не ожидал. Да, батенька, не ожидал,
Что добралась наука в этакую даль!

Лисовский:

Вы, Александр Федорович, не должны забыть,
Что мы вдвоем с Аврамовым ³ устроили сей быт.
Все вместе с ним, от флюгера и до любой пробирки!

Миддендорф:

Не чаял я лаборатории такой увидеть
здесь, на Севере Сибири!..

Лисовский:

Надеюсь, это сказано не только лишь
для красного словца?

Миддендорф:

Да я впервые вижу столь ученого купца!

¹ Лисовский Николай Федорович (1802 – 1844) — декабрист, поручик Пензенского пехотного полка. Умер на мысе Толстый Нос на поселении.

² Миддендорф Александр Федорович — первый представитель Российской Академии наук, выполнивший комплексное исследование нынешнего полуострова Таймыр от Енисея до Хатангского залива.

³ Аврамов Иван Борисович (1802 — 17. 09. 1840) — сотоварищ Н. Ф. Лисовского по ссылке. Вместе им по ходатайству было высочайше разрешено заниматься промыслами и торговлей в Туруханском крае и ездить для закупки припасов и хлеба в Енисейск. Умер в д. Осиново Анциферовой волости по пути из Туруханска в Енисейск на судне с рыбой и разными товарами.

Лисовский:

Тогда еще раз разрешите вам напомнить:
Здесь главная заслуга за Иван Борисычем, покойным.

Миддендорф:

Николай Федорович, понимаю, вы скромны...

Лисовский:

У нас, купцов, столько забот земных,
Что не всегда доходят руки

До вожденной для души науки!

Миддендорф:

Но я же видел ваши, все для Академии, отчеты —

Там каждый факт подробен, четок:

И о погоде, и о недрах, о ресурсах.

В университете успевали на всех курсах?

Лисовский:

Народное училище — вот весь мой университет...

Миддендорф:

Но вы ведь с книгами, я вижу, тет-а-тет...

Лисовский:

И городок у нас заштатный был, на юге, Кременчуг.

А просвещал меня гораздо более покойный друг!

Миддендорф:

Что ж, доброй памяти тогда Аврамов истинно достоин.

Лисовский:

За картографию был уже в свои двадцать Анны удостоен!

Миддендорф:

И кто остался у него в семье?

Лисовский:

Есть трое ребятишек. Все при мне.

Миддендорф:

Да ведь у вас, вроде, трое своих...

Лисовский:

А Енисей легко прокормит и еще троих!

И кто на Севере с детьми — у тех больше порядка.
 Богаче, чем наш край, нет и на всей Руси!
 Миддендорф:
 Но вы, я вижу, что-то не решаетесь спросить?
 И что у вас там за заветная тетрадка?
 Лисовский:
 Что ж, помогите разрешить сомненья.
 С Аврамовым решали мы. И не из большого самомнения,
 Что надо б этот полуостров окрестить...
 Миддендорф:
 Вот этот — чей чертеж на первой же странице?
 Лисовский:
 Вот поглядите на его границы:
 По Енисею к океану, дальше — Хатангский залив...
 Миддендорф:
 Да, контуры вы четко провели,
 И доказательства подобраны не просто,
 Самостоятельный и явный полуостров!
 Лисовский:
 С Аврамовым мы это часто обсуждали.
 Мы с ним немало по тайге и тундре поблуждали.
 Понятно, что появится еще не завтра
 Подробная глубинки этой карта...
 Миддендорф:
 Действительно, достойна собственного имени
 Такая явно вычерченная местность!
 Лисовский:
 И верится, что всей планете полуостров
 сей будет известен!
 С каким же именем предстанет полуостров перед миром?
 Миддендорф:
 Пожалуй, можно б по-тунгусски окрестить “Таймыром”!
 Лисовский:
 Как озеро? Богатым и обильным? Есть резон!...
 А вот, я, кстати, слышу чашек звон...
 Обед зовет. Святое дело... Такова планида...
 Что, все готово, дорогая Платонида?

Появляется супруга Н. Лисовского, крепкая русская
 красавица, она вносит поднос с обильной снедью.

Платонида:
 Александр Федорович, может, я Аврамову вдову
 К нам на угощенье позову?
 Миддендорф:
 Будьте добры, коль это вас не затруднит,
 Милейшая, Платонида Павловна. Пусть ангел вас хранит!
 Платонида:
 Ей слово доброе услышать об Иване будет в радость.
 А хлопоты... Не беспокойтесь... Это рядом!
 Лисовский (продолжая беседу, потчужа ученого
 гостя разносолами):
 Таймыр?!
 Аврамов, помню, утверждал, что это по-тунгусски
 И значит “щедрый”, вроде бы, в переложении на русский.

Миддендорф:
 Ваш старый друг имел большой авторитет...
 Как жаль, что нынче с нами его больше нет.
 Лисовский:
 Я поясню, чтоб было ясно,
 У нас разделено было негласно
 Поле влияния с Иваном:
 Он занимался больше тунгусами,
 А я — по ненцам, долганам...

В это время появляются Платонида с такой же красавицей,
 но в темном одеянии, статной казачкой.

Казачка Аврамова:
 Мир вашему дому! Здравствуйте, добрые люди!
 Лисовский:
 Проходи, кума, полдничать будем!
 Знакомся — из самого Петербурга ученый гость!
 Жаль, что Ивану дожидаться не довелось...
 Миддендорф:
 Много хорошего Федорович о вашем муже порассказал...
 Лисовский:
 Полно, соседка, не место сегодня слезам.
 Платонида:
 Помнится, отчаянные были спорщики.
 Не унимались, когда брались за невод, за борщ...
 Казачка Аврамова:
 Я уж, признаюсь, бывало,
 Своего к науке этой ревновала!
 Платонида:
 А радели дружно, как два братца...
 Миддендорф (огорченно):
 А я даже не могу сослаться
 На вас, Федорович, на Ивана,
 В будущих ученых трудах!
 Слово Губернатору в том дал!...
 Лисовский:
 Мы за то к ученым... без обиды.
 Лишь бы прок от наблюдений своих видеть...
 Миддендорф:
 ...А пока назвать вас возможности нет.
 Высочайший запрет!
 Лисовский:
 И настоянье господина Копылова?
 Прозвище его — “Не вышло бы чего такого”!
 О его “губернаторской власти”
 Говорят — ни рыба, ни мясо.
 Миддендорф:
 Но верным вынужден я быть не Копылову,
 А данному мной слову!
 Ясно, о “друзьях 25-го года” слышать
 Не хочет тот, кто всех в державе выше.
 Лисовский:
 Да, Копылов, похоже, губернатор,
 Которого страшат лишь обвинения в растратах...

Миддендорф:
Похоже, что из робкого он брата,
Ему ни в чем лишь бы не быть бы виноватым...
Лисовский:
Он ничего и не решал по-новому.
Зато с наукой как решалось с Ковалевым⁴.
То хорошо, что все хотя б по-прежнему,
А сами не теряли мы надежду...
Миддендорф:
России ль привыкать жить меж неразберих
Да полагаться только на свой и страх, и риск?!
Лисовский:
Есть опора и в краю мерзлот, болот,
Тем, кто труд достойный для себя найдет.
И на Севере нам вовсе не до скуки:
Есть простор для наблюдений и науки!
Миддендорф:
Прямо анекдот! Да просто каламбур!
Можно насмешить им даже кур.
Это надо отразить и в святцах:
Мы не можем на ССЫЛЬНЫХ ССЫЛАТЬСЯ!
Лисовский:
Ничего, все это не беда.
Больше проку бы было в наших трудах!
Лисовская, Аврамова:
Вот, берите клюкву, вот соленый щавель...
Миддендорф:
Я торжественно, хозяйева, вам обещаю,
Что смогу любым сопротивленьем пренебречь.
Полуостров, как завещано, наречь.
Вам с Аврамовым спасибо за труды по изученью...
Быть Таймыру! Быть имянареченью!
Лисовский:
Люди живут в этом "ЦАРСТВЕ ЗИМЫ",
Вот и влечет полуостров пытливых умы...
Миддендорф:
Доброе дело вы начали. Сможем, — продолжим и мы.
Лисовский:
Значит, назвать полуостров можно будет Таймыр?
Миддендорф:
Имя — достойное края — ТАЙМЫР!

⁴ Ковалев Иван Гаврилович — прогрессивный губернатор Енисейской губернии (1831-1835гг.) до Копылова, стараниями его развивались науки в городах по Енисею.

Надежда КОСТЕРКИНА

Родилась в Авамской тундре, дочь нганасанского шамана Тубяку. Окончила Санкт-Петербургский пединститут и Институт мировой литературы имени М.Горького в Москве. Специалист по фольклору. Работает в Таймырском окружном центре народного творчества. Живет в Дудинке.

ШАМАНСКАЯ САГА

Нганасанская легенда

Из моих предков-шаманов было семеро наиболее знаменитых, которые отличались талантами в определенной области. Об их удивительных способностях люди сложили легенды.

Вот одна из таких легенд.

Пришел мор в тундру. Люди одного племени никак не могли найти спасения от волков. Хищники уничтожали стада, олени боялись заходить в те места, где бывали или находились стаи. И тогда привезли большого знаменитого шамана. Когда его привезли, он покамлал и сказал:

— На самом краю вашего стойбища живет одна старуха — вдова, вечная бобылка (т.е. бесплодная). Приведите ее сюда. На краю стада возьмите ее за руки. Волк будет мчаться к стаду. Сделайте так, чтобы он пробежал между ее растопыренных ног.

Так и сделали, как шаман повелел. Через девять месяцев та старуха вдруг родила мальчика. Этот мальчик оказался особенным. У него был волчий хвост. Мальчик вырос и стал самым добычливым охотником. Когда он зимой возвращался с охоты, то стучал по дверному шесту чума своим хвостом, чтобы стряхнуть с него снег. По этим звукам все узнавали, что он вернулся.

Звали его Тайбулаа. Этот человек стал шаманом. Он помогал людям своего племени: исцелял их от болезней, помогал женщинам во время родов и вылечивал от полярной истерии. Помог он как дух-помощник и как акушер и моему отцу при рождении моей младшей сестры. В его бытность народ не знал голода и опасности от волков и медведей.

Оксана ДОБЖАНСКАЯ

Родилась в Киеве. Закончила Новосибирскую государственную консерваторию и при ней аспирантуру, по специальности — этномузыковед. С 1989 года занимается изучением музыкального фольклора народов Таймыра. Составитель ряда фольклорных сборников, кандидат искусствоведения. Ее работы публиковались в журнале «Факел Таймыра», в альманахе «Полярное сияние». Живет и работает в Дудинке.

НГАНАСАНСКИЙ ШАМАНИЗМ: ЗВУЧАНИЕ РИТУАЛА

На примере обрядов Демниме и Тубяку Нгамтусуо

Шаман. Кто из нас не слышал этого слова, волнуящего своей загадочностью и скрытой в нем тайной «особого знания»? О шаманах сейчас толкуют все — ученые, писатели, журналисты и даже рядовые обыватели, благо эта «остромодная» тема имеет несколько уровней понимания — от представления о шамане как колдуне до рассмотрения его как центральной фигуры первобытного социума.

Конец XX века, с его повышенным интересом к закрытым традиционным обществам, культуре аборигенов, вновь открыл для обсуждения тему шаманизма, актуальную в этнографических штудиях XVIII-XIX веков и отошедшую на второй план в век научно-технической революции. Сейчас эта тема стоит на пересечении интересов разных наук — истории, этнографии, культурологии, психологии, религиоведения, филологии, структурализма, медицины и других. А термин «шаман» трактуется очень широко, обозначая врача, экстрасенса, знахаря, колдуна, жреца, поэта-импровизатора, устроителя сакральных церемоний и т.д.

Расширительно трактуется и география шаманизма: говорят о шаманистах не только Сибири, но и Юго-Восточной Азии, Северной и Южной Америки. Однако не будем забывать, что впервые шаманизм был описан и изучен у народов Северной Азии — эвенков, чукчей, коряков, эскимосов (слово «шаман» — тунгусское «волшебник», «колдун»), и классическое представление о шаманизме сформировалось на основе культуры именно этих народов. Этнографическими школами XX века сибирский шаманизм был принят за эталон, признан наиболее полноценным типом шаманизма. В этой связи необыкновенно интересным оказывается шаманство народов Таймыра, самого северного региона Сибири.

На Таймыре традиция шаманизма была особенно сильна в традиционном обществе нганасанов. Кратко

остановимся на полуторавековой истории изучения шаманства этого народа.

Первым, кто собрал значительные материалы о нганасанах и опубликовал их на русском языке, был академик А.Ф.Миддендорф, в 1843-1844 гг. пересекший Таймырский полуостров с запада на восток. В книге «Путешествие на север и восток Сибири» он отмечает, что авамские нганасаны «находились совершенно под влиянием своего шамана», рассказывает о камлании по случаю неудачной охоты. В середине XIX века А.А.Мордвинов («Инородцы, обитающие в Туруханском крае») и П.И.Третьяков («Туруханский край, его природа и жители») впервые описали шаманские камлания в Чистом чуме, уделили внимание характеристике шаманских функций. Интересные сведения о культуре самодийских народов в целом, и в частности нганасан, находим в публикации В.Иславина «Самоеды в их домашнем и общественном быту». В это же время по северу Сибири путешествует финский языковед М.А.Кастрен, записавший и опубликовавший полевые дневниковые записи, словарь самодийских языков и ряд фольклорных текстов (в том числе песнопения ненецких шаманов). К сожалению, нганасанские материалы этого автора до сих пор не опубликованы и хранятся в библиотеке Университета г. Хельсинки в виде рукописи. Последовательный свод всех имеющихся описаний шаманства предлагает В.М. Михайловский в работе «Шаманство (сравнительно-этнографические очерки)», в конце XIX века подводя итог изучению сибирского шаманизма.

Фактически планомерное этнографическое изучение нганасан началось с конца 1920-х годов и связано с именами советских ученых. Благодаря подвижническому труду А.А. Попова, Г.Н. Грачевой, Б.О. Долгих, Ю.Б. Симченко, помногу месяцев живших в тундре и кочевавших вместе с нганасанами, появились детальные описания

шаманской атрибутики, этнических верований, “шаманских историй”, стал понятен мировоззренческий аспект нганасанского шаманства.

Однако самый главный для изучения шаманства материал – записи полных текстов шаманских камланий – оставался недоступным для изучения (не записанным из-за несовершенства технических средств, либо не опубликованным). В середине 70-х годов развитие звукозаписывающей техники позволило фиксировать тексты камланий, однако трудности с транскрипцией и переводом нганасанских текстов, посильные только лингвистам, поставили еще одно препятствие на пути к публикации. Случилось так, что публикация этих текстов на нганасанском и русском языках произошла только в 90-е годы: ее осуществили Е.А. Хелимский и Н.Т. Костеркина (“Таймырский этнолингвистический сборник”, 1994), Ю.Б. Симченко (“Традиционные верования нганасан”, 1996). Сравнительно недавно, в 90-е годы, началось и музыковедческое изучение шаманских камланий нганасан (автором были нотированы шаманские обряды, изучены музыкальные закономерности строения камлания, стилистика шаманского пения).

Роль музыки в шаманском ритуале нганасан огромна, и данная статья — попытка ввести читателя в своеобразный мир музыкальной поэтики шаманских песнопений.

В традиционном нганасанском обществе почти в каждой кочевой группе нганасан был свой шаман, который отстаивал интересы своего рода перед сверхъестественными силами. Шаман, как посредник между миром людей и миром богов (нго), был фигурой выдающейся. Человек, вступавший на поприще шамана, должен был быть готов к постоянным тяжелым испытаниям (как физическим, так и духовным). Кроме того, он должен был обладать хорошим голосом, прекрасно владеть бубном, знать фольклор своего народа и родословные его представителей, быть наблюдательным, обладать поистине феноменальной памятью. Поэтому среди нганасан (да и среди других шаманистских племен) распространено мнение, что настоящим шаманом становятся не по собственному побуждению, а по желанию могущественных нго — шаманских предков или духов. Каждый нганасанский род стремился иметь собственного шамана, и в прошлом у авамских нганасан в каждом из пяти родов имелся таковой.

Главнейшие функции шамана были связаны, прежде всего, с основными промыслами нганасан, обеспечением удачи в охоте и рыболовстве. Так, три раза в год шаман должен был обращаться к богам: весной, во время освобождения реки ото льда и прилета гусей — с просьбами об удачной рыбной ловле в предстоящем году;

осенью, в период подхода дикого оленя — с просьбами об удачной охоте; в начале зимы, когда становятся реки — с благодарностью за хорошую летнюю охоту и с просьбами хорошо пройти долгую зиму. Шаман угадывал также сроки и места охоты. Другими важными функциями шамана были лечение больных, помощь при родах, отыскание потерявшегося в пургу человека, предсказание будущего для членов рода, толкование снов. Деятельность его была направлена на регуляцию отношений между миром людей и миром богов, а также отношений внутри общины.

Г.Н. Грачева в работе “Традиционное мировоззрение охотников Таймыра” отмечает, что шаманский род *Нгамтусуо* с его ответвлением *Сыры-а* уже с середины XIX века славился своими сильными шаманами, имевшими авторитет среди всех кочевых групп нганасан. Это знаменитый шаманский род ведет свое происхождение от пяти шаманов-предков, о каждом из которых существуют предания. В 30-е годы нашего столетия одним из наиболее сильных шаманов авамской тундры считался Дюоходэ Нгамтусуо, с которым плодотворно работал этнограф А.А. Попов, оставивший подробные описания шаманской атрибутики и камланий Дюоходэ. Трое детей Дюоходэ — сыновья Тубяку, Демнине и дочь Нобобтиэ — тоже стали шаманами, известными в Авамской тундре.

Шаманы Тубяку и Демнине Нгамтусуо оказались последними шаманами нганасанского народа. “Е трагические для аборигенов Севера 1930-е — 1960-е годы... на шаманство были обрушены жестокие репрессии советского тоталитаризма и... у многих народов Сибири (ханты, манси, селькупы, эвенки, ненцы) сам факт существования и имена шаманов тщательно скрывались. Нганасанские шаманы даже в этот период не ушли “в подполье” и являлись основными информантами для большинства работавших на Таймыре этнографов, продолжая тем самым линию своих предшественников. Если в сегодняшней жизни нганасанского населения и таймырских поселках Усть-Авам, Волочанка, Новая уж никоим образом нельзя усмотреть центральной роли шамана в социуме, то причиной тому — не утрата этой роли, а полная (и, как это ни печально, скорее всего необратимая) деформация самого национального социума¹. Несмотря на преследования властей и неоднократные тюремные заключения, шаманам рода Нгамтусуо удалось сохранить обрядовую практику в форме “домашнего шаманства (проведение камланий для обеспечения благополучия членов семьи). В этих семейных камланиях не предпринимаются длительные шаманские путешествия к могущественным верховным богам, продолжающиеся несколько дней и ставшие легендарными благодаря этнографическим описаниям. Такие камлания имеют более камерный характер, нежели общеродовые, в них участвует меньшее количество людей, суживается круг задач стоящих перед шаманом. Однако именно эти “семейные” камлания шаманов-братьев Тубяку и Демнине Нгамтусуо оказались единственными сохранившимися до нашего

¹ Костеркина Н.Т., Хелимский Е.А. Малые камлания большого шамана // Таймырский этнолингвистический сборник. М., 1994, с. 18.

времени, зафиксированными в аудиозаписи — и поэтому доступными для филологического и этномусиковедческого исследования. Материалом статьи послужили шаманский обряд Тубяку Дюходовича Костеркина (записан в 1989 г.) и Демниме Дюходовича Костеркина (запись 1977 г.)

Мировоззренческой основой нганасанского шаманизма является представление о делении Вселенной на три мира, расположенные вертикально один над другим (Нижний мир — царство мертвых, Средний мир — земля людей, Верхний мир — небеса) и о космической оси, соединяющей эти миры (в представлении нганасан эта космическая вертикаль связана с Полярной звездой, имеющей название Нгуо чеха — “Небесный гвоздь”). Шаман как медиум, посредник в отношениях человека с миром духов обладает способностью перемещаться в Верхний и Нижний миры, выполняя связующую функцию между членами своей социальной группы и сверхъестественными силами. Он доносит до сведения богов Верхнего и Нижнего мира просьбы и чаяния своих соплеменников и, осуществляя обратную связь, передает людям волю богов. Контакт шамана с другим миром возможен только в ритуальной обстановке камлания, во время которого наступает экстаз — состояние “измененного сознания”, которое сопровождает полет шаманской души в иной мир. В это время шаман находится в глубоком, иногда каталептическом, трансе, не реагируя на происходящее вокруг него. Очнувшись от транса, шаман передает членам социума информацию, полученную им во время путешествия в мир божеств.

Содержание ритуала Демниме Нгамтусуо типично для больших нганасанских камланий по полному ритуалу (этот шаманский ритуал в сопровождении бубна проходил в чуме, в присутствии членов семьи шамана и съемочной группы из Эстонии). Сюжет этого камлания, развернутый и богатый событиями, раскрывает символическое путешествие шамана в мир духов, описывает обстоятельства и перипетии шаманской дороги, препятствия на пути, встречи с божествами и духами-покровителями.

Малое домашнее камлание Тубяку Костеркина производилось без бубна и полного шаманского костюма (главные шаманские атрибуты были переданы им Окружному краеведческому музею г. Дудинки, в экспозиции которого находятся и сейчас). Оно было совершено по поводу приезда гостей из Москвы и Новосибирска — участников этнографической экспедиции, а также направлено на исправление неприятных последствий семейной ссоры, произошедшей накануне. В основном, камлание сводилось к сеансу спиритических перевоплощений шамана (явившиеся по зову на камлание духи устами шамана беседуют с присутствующими, гадают, отвечают на вопросы и принимают пожелания, произносят заклинания и т.д.). При внешнем несходстве содержания малого и большого камлания, общая

структурная организация обрядов обнаруживает их глубинное родство. Несмотря на экстатический характер, кажущуюся спонтанность и импровизационность камлания, шаманский ритуал регламентирован изнутри: в своей основе он имеет строго определенную схему (глубинную модель).

Типологическая общность структуры ритуалов Тубяку и Демниме Нгамтусуо проявляется в наличии в каждом из обрядов трех разделов. В начальном разделе камлания шаман призывает, собирает спящих дотоле шаманских духов, производит ритуальное “кормление” каждого прибывшего на обряд духа-помощника, заказчики обряда извещают шамана о причине камлания, излагают свои просьбы. Следующий раздел связан с путешествием шамана в мир духов, обращением за помощью к различным богам и заклинанием их. Эта часть (монолог шамана) — самая протяженная и наименее регламентированная в обряде, в ней описывается шаманское путешествие в мир богов и возвращение обратно. В заключительной части обряда шаман передает заказчикам обряда ответ духов, предсказывает приметы (обычно — описание какого-либо природного явления, которое шаман описывает участникам обряда для подтверждения воли богов), после чего по очереди отпускает духов и укладывает их спать. Кроме названных обязательных блоков, важное место в строении каждого ритуала занимает раздел “Гадание” (проверка шаманской силы перед путешествием, предсказание будущего участникам камлания). Завершенность, симметрия сюжетной композиции нганасанского шаманского камлания — важная черта его структуры. Симметрия проявляется как в наличии трех основных разделов обряда (начального, центрального, заключительного), из которых третий является зеркально-симметричным отражением первого, так и в соответствии обрядовых процедур (призывание духов — роспуск духов и т.д.).

Обращает на себя внимание общность поэтики в камланиях обоих шаманов: они насыщены традиционными мифологическими образами (несмотря на различие индивидуальных шаманских пантеонов, оба шамана в своих заклинаниях обращаются к главным божествам, например, богу смерти Котура нго и богу вечного льда Сырада нго), устоявшимися в ритуальной практике поэтическими формулами обрядовых заклинаний-обращений, традиционными символами. В качестве примера хочется указать на текст центрального раздела шаманского камлания Демниме, представляющий высокопоэтическое аллегорическое описание шаманского пути. По узкой тропинке, где соединяются два горных хребта — белый и черный, меж белых и черных трав, под скрещенными белыми и черными шестью чума должен пройти шаман, проведя за собою сквозь эти препятствия и весь свой род. Белый цвет (цвет увядания, умирания) у нганасан символизирует смерть, черный (цвет свежей, полной соков травы) — символ жизни. Проход по узкой тропке на границе между белым и черным цветом наглядно

демонстрирует роль шамана — медиатора, соединяющего миры жизни и смерти. Опираясь на поддержку двух матерей-богинь, шаман просит их благословения в этом трудном пути. Этот пример ярко иллюстрирует тонкое замечание этнографа Е.С. Новик: “Импровизации шамана... тесно сопряжены с общекультурным контекстом и используют язык символов, принятый в данном коллективе”².

Несколько слов необходимо сказать о стихосложении шаманских песнопений. Академик Е.А. Хелимский констатирует: “Все слова, произносимые духами, пропеваются — при этом значительная часть текста подчинена строгой ритмической схеме: иные, непоэтические формы речевого общения для духов неприемлемы”³. Поэтическая речь шаманских духов подчинена метрической схеме восьмисложного стиха, наиболее строго соблюдающейся в центральном разделе камлания — монологе шамана. Здесь текст шаманских заклинаний почти сплошь состоит из устойчивых словесных образований (ритуальных обращений к богам, метафорических эпитетов, начальных и заключительных словесных формул). Эти факты свидетельствуют о высоком развитии и отточенности стилистики шаманских песнопений.

Важнейшую роль в шаманском обряде играет туоптуси — помощник шамана. Слово “туоптуси” переводится как “подпеватель” — тот, кто повторяет за шаманом слова его песен. Через своего туоптуси шаман, отправившись в экстатическое путешествие в мир духов, держит связь с миром реальным. У нагансан роль помощника исполняла обычно жена шамана (она же была хранительницей бубна и владелицей шаманской одежды и атрибутов) или другие члены семьи. Так, в ритуале Тубяку роль туоптуси выполнял его брат Борис Дюходович, а в обряде Демнине помощников было двое — жена шамана Хярку и его сын Дюлсымяку.

Туоптуси начинает камлание, запевая песню одного из шаманских духов-помощников. Цель пения туоптуси — пробудить от сна мир духов и призвать их в мир людей. Туоптуси Борис Дюходович Костеркин поет: “Быстрее, быстрее, дедушка, появься, быстрее гадай нам. Если в хорошую жизнь выход найдешь — выходи!”, — таким образом, обращаясь к шаману и заставляя его *нготодаты* (буквально: обращаться, идти к нго). В основе мелодики напева — возгласы, напоминающие сигналы пастухов по управлению оленьим стадом: “Хой! Хой! Хой!” Лицо шамана закрыто в это время бахромой шаманской шапки, он покачивает посох со звенящим колокольчиком.

О жестком, непреклонном для шаманов установлении держать в период непосредственного контакта с духами глаза закрытыми пишут все исследователи нганасанского шаманизма. “...Шаман во время церемонии выступает в

двух ипостасях: как ее организатор-распорядитель и в то же время — как телесное вместилище сверхъестественных сил. Переход из одной ипостаси в другую в описываемом обряде всегда сигнализируется положением бахромы *сеймизы* на шаманской шапке *нгойбука*. Опушенная и закрывающая глаза бахрома... как бы отгораживает шамана от внешнего мира, “отключает” его и позволяет духам пользоваться его телесной оболочкой. Когда пение духов заканчивается, бахрома откидывается, и тогда шаман может от собственного имени включиться в разговор...”⁴. По мнению Г.Н. Грачевой, подобная необходимость в отстранении шамана от внешнего мира во время камлания вызвала использование специальных деревянных масок у нганасан и энцев.

Присутствующие подхватывают пение туоптуси, вторя его песне, другие поддерживают пение возгласами *хоу-хоу* (этими возгласами весной нганасаны поднимают и подгоняют стадо оленей). Возникает своеобразное многоголосие, которое скорее можно назвать разноголосицей: все поют одну мелодию, не согласуя между собой ни время вступления голоса, ни тональность пения. Такой тип многоголосия определяется как гетерофония (буквально — “разнозвучие”) с импровизируемыми голосами, где нерегламентированы темп, высота и место вступления голосов.

Еще более колоритно начало шаманского обряда Демнине. После недлинной “прелюдии” бубна (равномерных тихих ударов) первой запекает туоптуси — жена шамана Хярку Чунанчар, на следующей строке ее песню подхватывает второй помощник — сын шамана Дюлсымяку. Мелодия песни Коти-немы (Матери Яловых Важенок), которую поют помощники шамана, начинается с напряженного рычания в низком регистре и заканчивается возгласным интонированием на слоги “Хой! Хой!” (при помощи этих возгласов в повседневной жизни пастухи-нганасаны поднимают оленье стадо, а в песне при помощи скотоводческих сигналов помощники шамана поднимают его шаманских духов). Голоса двух шаманских помощников ведут одну и ту же мелодию, не соподчиняясь друг с другом, партия бубна также совершенно самостоятельна и не соотносится с пением ни по метру, ни по темпу. Песня сначала поется на асемантические слоги (хэ-хэй-хэй-хой-хой...), затем один из туоптуси переходит на речитатив (в быстром темпе он произносит обращение к шаманским духам), другой же в это время продолжает вести основную мелодию песни в сопровождении ударов бубна. Второй помощник шамана (Дюлсымяку) обращается к шаманским духам: “Поднимите свои головы! Где ты, *Мать Яловых Важенок*? Где ты, *Калангу Мингиде*? Где ты, *Ямальский Железный Конь*? Поднимите-ка свои головы, приблизьтесь к нам, если суждено нам много раз еще доживать до времени расцветания трав!” Возникает любопытная партитура вокальной мелодии, речитатива и ударного сопровождения, составляющих единое звуковое пространство, однако каждый из пластов этого полифо-

² Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур. М., 1984, с. 62.

³ Цит. изд. - с. 21.

⁴ Цит. изд. - с. 21.

нического соединения живет по своим временным параметрам. Через некоторое время туоптуси меняются партиями, и речитативные призывания духов произносит другой. Речитатив помощника в начале камлания — также обязательный момент построения ритуала: “Туоптуси, хорошо зная... дямада, речитативом призывает их и одновременно дает задание, на конце каждой фразы ударяя деревянной палочкой в бубен”⁵.

У нганасан существует несколько лексем, обозначающих шаманское пение: *нгатазачиа балы* (“песня шаманского камлания”), *монютачиа балы* (“песня короткого камлания”), *нгаза балы* (“шаманская песня”). Начальная песня камлания *нгабатачиа балы* (“духов созывающая песня”) звучит в устах шамана при появлении его духов-помощников.

Духи-помощники шамана называются *дямада* (“зверь”, “медведь”), они имеют зоо- или антропоморфный облик. Остановимся на шаманском пантеоне Тубяку и Демнине Нгамтусуо. Одним из главных духов-помощников, полученным Тубяку Костеркиным в шаманском сне, является олень-важенка *Дягу немы* (“Мать двойняшек”), справа от которой идут олени телята, а слева — собаки. Пятеро других духов появляются в облике оленей: это *Баса та* (Железный домашний Олень), *Мингидя та* (Комольий Олень, песня этого духа-помощника перешла к Тубяку Костеркину от его отца), *Баса Диндуа* (Железный Конь), *Хотарыэ Калангуту* (этот дямада “Мамонтовый Хотарыэ” был главным богом Дюоде). Главный из пятерых духов-оленей *Хотарыэ Быза Тангу* (Хотарыэ Водяной Олень-производитель) предстает в виде восьминогого оленя с большими рогами; ответвление одного рога — зима, другого — лето (такое металлическое изображение духа Хотарыэ находится в нганасанской коллекции Музея антропологии и этнографии, г. Санкт-Петербург). Важное место занимали также духи-помощники Хоситала — боги битья в бубен — три старичка (слепой, немой и глухой), составляющие одно целое. Другие духи-помощники Тубяку Костеркина имели антропоморфное обличье (Семь дочерей солнца, Семь женщин с собаками, Семь дочерей молнии, Семь дочерей грома и др.) и представлялись в виде девушек⁶.

Информация о духах-помощниках шамана Демнине более скудна. Одно из ведущих положений в его шаманском пантеоне занимала Коти-немы (Мать Яловых Важенок), мелодия этого духа-помощника наиболее часто использовалась в качестве начальной песни его камланий. Другой важный дямада — Дяумалы Сыр Селу (Ямальский Белый Олень-хор) был в свое время получен отцом шамана от ямальских ненцев в виде круглой металлической

подвески с изображением оленя. Известно также о Хотарэ (Гагаре) и Дялы-немы (Матери Дня). Гипотетически, основываясь на мелодическом сходстве напевов в ритуалах Демнине и Тубяку, еще двух духов-помощников можно определить как Хоситала и Хотарыэ Быза Тангу.

Каждый дух-помощник имеет свою песню (мелодию, по которой его безошибочно узнают соплеменники, знакомые с шаманской традицией). Начиная пение, шаман как бы перевоплощается в то существо, чью песню он поет. “Он становится этим дямада, посылая песню (самого дямада) в пространство нго. Песня звучит постоянно, не прерываясь, ее подхватывает во время вдоха шамана туоптуси... Во время больших камланий все сидящие в чуме выступали в роли туоптуси, “весь народ (танса) пел песни дямада шамана”, “чем больше людей, тем легче идти” (выражения Тубяку Костеркина — О.Д.). Люди как бы выносят своими голосами-песнями самого шамана со всеми его духами-дямадами... в пространство нго, сами тоже следуя за ним... Чем громче и непрерывнее звучит бубен, чем больше голосов составляют хор, чем мощнее он звучит, тем больше силы у шамана, тем дальше он может двинуться в пространство нго”⁷.

Чтобы достичь цели камлания, шаман в своем путешествии должен идти разными “дорогами”, обращаться за помощью к разным духам, менять их в зависимости от стоящей перед ним задачи, а для этого запевать песню нового, нужного ему в данный момент дямада. Поскольку каждый дямада имеет свою песню, всякое изменение мелодии значимо для присутствующих: независимо от слов песни, только по мотиву они узнают о появлении очередного духа-помощника. У некоторых духов-помощников есть несколько мелодических маркеров: так, у Хотарыэ Быза Тангу автор обнаружила два напева, у Хоситала — три. Такое наличие нескольких мелодических репрезентантов у одного духа не представляется необычным. Напротив, это явление типично для шаманской музыки нганасан. О нем пишет Г.Н. Грачева: “У некоторых дямада бывает по два и даже более мотивов: например, один обычный, другой специальный для угадывания, третий для иной необходимости”⁸.

Звуковую картину шаманского ритуала украшают голоса зверей и птиц (воплощений зооморфных духов-помощников), которым мастерски подражает шаман. Это и завывание гагары, рычание медведя, хорканье оленя, клекот лебедей, крики гусей, голос кречета, пастушеские сигналы по управлению оленьим стадом. Приведем примеры использования звукоподражаний в разных эпизодах ритуала.

Сигнал, имитирующий голос зооморфного духа-помощника, указывает на появление последнего (завывание гагары в песне соответствующего дямада). Путешествие шамана (собственно шаманский танец, представленный кинемами езды на нарте, полета, прыжками) сопровождается голосами соответствующих зверей и птиц; криками гусей и лебедей сопровождается полет шамана в

⁵ Грачева Г.Н. Шаманы у нганасан // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981, с. 82.

⁶ Описание шаманского пантеона Т.Костеркина составлено по работам Г.Н.Грачевой и дополнено полевыми материалами автора 1989 г.

⁷ Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX-XX века). Л., 1983, с. 140.

⁸ Грачева Г.Н. Шаманы у нганасан..., с. 85.

другой мир, хорканьем оленя — езда на нарте, прыжки. Звукоподражания могут присутствовать в звуковой ткани обряда, даже если мелодия этого духа не звучит, но имя дьяда упоминается в тексте ритуала. Подражая кличам пастухов, шаман управляет своим “стадом” духов, подгоняя стадо вперед, в иной мир, либо разворачивая и возвращая домой (хэ-хэй, хэ-хэй, хэ-хэй-ха!).

Для распознавания шаманских духов-помощников служат не только мелодии и имитация голосов зверей и птиц. Выразительная ритуальная кинематика (шаманский танец) также является информативным “языком”, раскрывающим суть происходящего. Шаман имитирует движения оленя, летящих птиц, медведя, изображает езду на нарте. Кроме подражательных пантомим, существуют и самостоятельные кинемы шаманского танца: прыжки с бубном, кружение (по солнцу). В моменты осмотра местности, отыскивания шаманской дороги в другой мир, шаман всеми своими движениями сообщает происходящему максимальную достоверность: присматривается к местности, прислушивается и принимает, как олень, и т.д. Отдельными шаманскими танцами в сопровождении бубна, пения шаманских помощников и звукоподражательных сигналов становятся заключительные фазы эпизодов путешествия.

В тесной связи с кинематикой нужно рассматривать и звучание многочисленных подвесок (*сойбиту*), прикрепленных к парке шамана и сообщающих звуковой картине дополнительный колорит. Семантика металлических подвесок на шаманском костюме изучалась этнографами: оказалось, что они символизируют части тела шамана, а также изображают его духов-помощников. Роль звучания подвесок-погремушек в камлании весьма велика, их громкий звон символизирует голоса духов-помощников и “поднимает” силу шамана (из комментариев шамана явствует, что во время камлания он нарочно, “чтобы парка — кахя — заговорила”, совершает интенсивные движения телом и руками).

Говоря о музыке шаманского обряда, невозможно обойти молчанием главный музыкальный инструмент ритуала — бубен. Бубен играет важнейшую роль в формировании психологической атмосферы камлания. Звучание бубна сопровождает шаманский ритуал на всем его протяжении, создавая особую, ни с чем не сравнимую атмосферу экстаза, непрерывного движения, полета. Партия бубна — равномерные мелкие, частые удары, которые то затихают, переходя почти на шепот (мелкие удары колотушкой по мембране у обечайки), то нарастают до рокочущего гула (удары колотушкой по середине мембраны), то становятся гулкими и отрывистыми. Напомним, что шаманский бубен перед началом ритуала (а также в паузах во время камлания) обязательно прогревают над огнем: это значительно улучшает акустические свойства бубна, так как прогревая над огнем кожа

становится более эластичной и лучше вибрирует при ударе.

Нганасанский бубен *хендир* по своему строению относится к енисейско-таймырскому типу бубнов, название его созвучно наименованию бубна у других северосамодийских народов: *пензер* (ненцы), *педди* (лесные энцы), *федди* (тундренные энцы). Подобно традиционным представлениям многих народов Сибири, в нганасанской шаманской культуре бубен выполнял функцию ездового животного шамана — оленя; по сообщению А.А. Попова, некоторые нганасаны воспринимали бубен как облако⁹. Наличие определенного количества выступов-резонаторов (шишек) на обечайке бубна позволяло осмысливать бубен иначе: 7 резонаторов на бубне Демнине Костеркина делали бубен моделью семидневной недели, 12 резонаторов на бубне Тубяку Костеркина воспринимались как 12 месяцев года.

Колотушка бубна *хета'а* (хетаа) также имела метафорическое название: “язык бубна” или “нога бубна”. Кроме прямого назначения (орудие для битья в бубен), она использовалась в шаманском ритуале и как орудие гадания (колотушку подбрасывали вверх, она падала, и по ее положению предсказывали благополучный или неблагоприятный исход событий).

Необходимо добавить, что в традиционной нганасанской культуре существовала табуированная предназначенность шаманских атрибутов, бубна и колотушки только для использования в шаманском ритуале. Бубен, какместилище духов, нельзя было потревожить без уважительной причины, не рискуя навлечь на себя гнев шаманских шайтанов. Прикасаться к этим предметам могли лишь шаман и члены его семьи, причем исключительно в обрядовой ситуации.

Ударяя в бубен в начале камлания, шаман пробуждает от сна весь доступный в округе мир нго. По выражению Демнине, он как бы шевелит землю, пробуждая ее. В процессе обряда шаман то сам сопровождает пение игрой на бубне, то передает его своим помощникам-туоптуси. Кроме того, при обращении к шаманским духам с какой-либо просьбой или желая привлечь их внимание, туоптуси, или любой из участников камлания, постукивает по обечайке бубна специальной палочкой *хосихуа*.

Тубяку Костеркин в своем камлании *монютату* использовал шаманский посох *чире*, представляющий собой деревянную палку с вырезанным наверху человеческим лицом. На посохе подвешен колокольчик *сангу*, позванивающий при движениях шамана. При обращении к шаманским духам по посоху постукивают маленькой палочкой *хосихуа* точно так же, как при камлании с бубном в этом случае постукивают *хосихуа* по обечайке бубна.

Другое название посоха *Нинди хуа* (“дерево Нинди”) связано с именем шаманского предка рода Нгамтусуо Ниндили, который, по преданию, впервые использовал для камлания посох (он шаманил в безлесной тундре, где не было материала для изготовления бубна). “Известен

⁹ Попов А.А. Нганасаны: Социальное устройство и верования. Л., 1984, с. 137.

Ниндили тем, что он не имел бубна, но имел нагрудник и головной убор с металлическими подвесками. Шаманил он только с посохом чире. Посох представляет собой деревянное трехглавое изображение наподобие трезубца Нептуна, нижний конец которого оформлен в виде копыта. Во время камланий Ниндили держал посох в левой руке лицами вперед, а правой поколачивал его, по-видимому, колотушкой. По преданию, посох обладал чудодейственной силой: прикладывая изображения лиц к животу человека, Ниндили мог поднять этого человека и переложить на другое место¹⁰. Подобный посох существовал у ненецких шаманов категории самбана, связанных с духами подземного мира, его использовали также энецкие и селькупские шаманы при путешествии в нижний мир. Этот факт доказывает существование общесамодийских приемов и атрибутики шаманства.

В шаманском обряде посох расценивается как *койка* — «идол». Постукивание палочкой по посоху является ритуальной формой поведения, типичной в нганасанском быту для любого обращения к духам. Одновременно посох является звуковым орудием, хотя эта его функция выражена слабее. Звон колокольчика *сангу сля* как аккомпанемент пению используется только в начальной части обряда, в дальнейшем он возникает случайно, вследствие удара по посоху.

Подводя итоги нашего краткого исследования, хочется подробнее остановиться на роли музыки в шаманском ритуале нганасан. Шаманская музыка кардинально отличается от других жанров нганасанского музыкального фольклора. Во-первых, ей свойственно многоголосное коллективное исполнение (в отличие от сольных, сугубо одnogолосных песен и эпических песнопений нганасан). Во-вторых, пение в шаманском обряде сопровождается игрой на бубне (что совершенно невозможно в необрядовой сфере музыкальной культуры, где вокальная традиция отграничена от инструментальных наигрышей). Таким образом, мы видим, что в музыкальной культуре нганасан обрядовая и необрядовая сферы строго противопоставлены и нигде не пересекаются. Более того, все специфические стилевые и композиционные особенности шаманской музыки, отличающие ее от других жанров нганасанского музыкального фольклора, всецело связаны и полностью обусловлены обрядовой функцией этой музыки. Так, ансамблевое респонсорное пение в сопровождении ударного инструмента возникает вследствие коллективности обряда (голоса участников обряда, сливаясь при пении, образуют многоголосную музыкальную ткань), музыкальная композиция шаманского обряда (чередование мелодий духов-помощников) обусловлена чисто сюжетной необходимостью обращения к тому или иному духу, мелодическое содержание ритуала исчерпывается только традиционными мелодиями духов-помощников (импровизация или «сочинение» в современ-

ном смысле не допускаются). Такая безусловная функциональная предназначенность всех компонентов музыкальной ткани — свидетельство большой архаичности обрядовой культуры нганасан. В шаманском обряде музыка еще не обособилась от синкретичного ритуала, не стала собственно музыкальным искусством. При всей жизненной необходимости для проведения обряда, музыка здесь играет прикладную роль и, наряду с поэзией, танцем, драмой, является одной из составляющих синкретического шаманского ритуала. Вне обрядовой ситуации исполнение отрывков шаманского ритуала (песен духов, импровизаций на бубне) запрещено и порицается традицией.

В заключение хотелось бы остановиться еще на одной проблеме. С XIX века существует не изжитая до сих пор точка зрения на шаманство как на психическую аномалию, особую форму «полярной истерии» — распространенного в арктических широтах нервного заболевания. С другой стороны, шаманов часто упрекают в трюкачестве, спекуляции на зрелищных эффектах, фокусах, не видя за внешними эффектами сущности шаманства. Изучение музыкально-поэтического стиля шаманских обрядов убедительно доказывает, что шаманство — одна из наиболее регламентированных традиций в культуре нганасан. В обрядах нет ничего случайного, выходящего за рамки устоявшихся ритуальных действий и процедур, и все предпринимаемые шаманом «нововведения» (например, упоминание в текстах реалий современной жизни — лодочных моторов, «советского закона» и др.) вписываются в традиционную схему обряда. Действительно, в основе ритуала лежит раз и навсегда определенная модель, которой шаман строго придерживается в каждом своем камлании. Модель эта, включающая обязательные этапы призывания духов, обозначения цели камлания, гадания, путешествия к богам Верхнего или Нижнего мира, заклинания их, возвращения шамана на землю, роспуска духов, может в незначительной степени варьироваться, но в основе своей остается неприкосновенной и воспринимается шаманом как прямое «руководство к действию». Типологическая общность сюжетного, композиционного и музыкального строения проанализированных автором обрядов шаманов Нгамтусуо также налицо. Все это позволяет сделать вывод о существовании в этнической обрядовой культуре инвариантных структур и заставляет всерьез относиться к такому «несерьезному» занятию, как шаманство.

¹⁰ Грачева Г.Н. К этнокультурным связям нганасан // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., 1984, с. 89-90.

Казимир ЛАБАНАУСКАС

Родился в 1942 году в Литве. В 1969 году закончил Ленинградский университет. С 1975 года живет и работает в Дудинке. Главный специалист по фольклору Таймырского окружного центра народного творчества, заслуженный работник культуры РФ. Автор серии сборников "Фольклор народов Таймыра" (1992-1994), а также книг "Сказы седой старины" и "Нганасанская фольклорная хрестоматия", изданных в 2001 году.

О ЧЕМ ПЕЛА СВЯЩЕННАЯ ЕЛЬ

Энецкая легенда

В энецком фольклоре есть произведения, в которых повествуется о происхождении идолов, о первых шаманах и священных местах. Эти произведения относятся к жанру бытовых рассказов. В свое время они были записаны от таких известных энецких сказителей, как Роман Алексеевич Силкин, Холю Николаевич Каплин и Лебо Совалов, живших в поселке Воронцово. В настоящее время такие произведения уже больше не записываются и практически позабыты. Правда, они были изданы отдельной книгой "Бытовые рассказы энцев" в 1962 году. Но эта книга давно стала редкостью, находится в центральных библиотеках и доступна лишь узкому кругу читателей. До самих энцев, особенно до подрастающего поколения, учащейся молодежи, эта книга, к сожалению, так и не дошла. По всей вероятности, никогда и не дойдет, если не будет переиздана.

Ценность бытовых рассказов о шаманах, идолах и священных местах в том, что они позволяют глубже понять истоки энецкой традиционной культуры, пути возникновения шаманизма, влияние культур соседних народов. Известно, что первые шаманы у энцев пошли от рода Бай. А этот род по своему происхождению не является энецким. В древности члены рода Бай были эвенками и кетами, которые по разным причинам ассимилировались с настоящими энцами. Это произошло, вероятно, в XVIII веке, когда подавляющее большинство энцев проживало не в низовьях Енисея, а значительно южнее, там, где в настоящее время находятся Игарский и Туруханский районы Красноярского края и Тазовский район Ямало-Ненецкого автономного округа. Войдя в контакт с энцами этих районов, эвенки рода Баягир принесли в энецкую среду шаманство. В дальнейшем уже среди энцев появились свои шаманы. Вот имена наиболее известных энецких шаманов: Дябадеа, Пянтуку, Быкубо и Лабурэ. Об их деятельности больше всего можно узнать из произведений фольклора, записанных от уже упомянутого сказителя Романа Алексеевича Силкина в поселке

Воронцово в 1948 году известным этнографом Борисом Осиповичем Долгих. Часть преданий была записана позднее от других воронцовских энцев старшего поколения, которые, хотя и не были признанными сказителями, но хорошо помнили фольклор своего народа. К ним относился при жизни и Иван Иванович Силкин. В 1973 году автор этих строк записал ряд произведений. Некоторые из них уже опубликованы в первом выпуске сборника "Фольклор народов Таймыра", который в 1992 году был подготовлен Таймырским окружным центром народного творчества.

Теперь предлагаю читателям альманаха познакомиться с одной легендой, где речь идет о шамане Лабурэ и его сыне, о том, как им удалось раздобыть идол.

«У реки Большая Хета есть небольшой лес и большое озеро. С давних пор это место называется Томбе, по-ненецки Тампей. Там жил шаман Лабурэ. У него были жена и сын.

Однажды сын говорит отцу:

— Вот я видел сон. Во сне я услышал голос бога. Он как будто сказал мне, что где-то есть одна священная ель с семью разветвлениями. Эта ель качается на ветру и поет, обращаясь ко мне: приди, приди, приди! Уже сколько раз я видел эту ель во сне и слышал голос бога. Я боялся тебе, отец, об этом говорить. Однако больше молчать не могу. Может, приготовимся и будем аргить на то место, где стоит священная ель.

Шаман Лабурэ, услышав такие слова сына, был крайне удивлен. Он не мог понять, как сын, не будучи шаманом, мог слышать голос самого бога да еще видеть священную ель, которую даже опытные шаманы видят лишь в редких случаях. Шаман Лабурэ долго молчал, обдумывая слова сына, а потом заговорил:

— Сын, я не могу тебя понять. Даже если ты и услышал во сне песню священной ели, то где мы ее

найдем? Неужели мы будем ездить по всей Большой Хете и осматривать каждую ель? Это безумие. Мы проедем целый год, оленей зря будем мучить, но, может, ничего не найдем. Я так думаю, сын, если ты на самом деле слышал голос самого бога, то попытайся вспомнить, что он тебе говорил, не указал ли он тебе точное место, где можно найти ель?

Сын ничего не смог ответить отцу, и разговор на этом закончился.

Прошел один месяц, наступил март. Хоть солнышко уже довольно высоко, но в тундре еще холодно. Некоторые стойбища уже начали аргишить на север, к весенним местам отела оленей.

Сын шамана Лабурэ как-то вечером сказал:

— Отец, я во сне видел дорогу, по которой будем аргишить на священное место. Я опять слышал голос бога и пение ели. Мы должны аргишить через реку Малая Хета к Енисею. Мы пересечем одну возвышенность и найдем две сопочки, поросшие елью. Там будет священное место.

Услышав эти слова сына, шаман сказал:

— Хорошо, что ты узнал то место, куда мы должны аргишить. Я, конечно, хотел бы аргишить на север со всеми людьми к местам отела. Но если ты опять услышал голос самого бога, то надо аргишить на священное место.

Шаман стал готовиться к аргишу. Поймал тридцать ездовых оленей. С собой взял сына, жену и еще одного работника на случай, если некому будет оленей караулить.

Путь оказался далекий и трудный. Сделали целых четыре аргиша с небольшими остановками. Шаман очень торопился, он говорил:

— Нам надо ехать быстрее. Пока доедем до места, пока идол сделаем, настанет апрель. Когда же мы успеем аргишить в тундру? Ведь отел оленей приближается.

Наконец-то шаман и его люди достигли нужного места. Поставили чум недалеко от озера, в лесной местности, примерно 50 километров на юг от современной Дудинки. Озеро было такое, что не каждый его заметит. Там так много островов, что не поймешь, с какой стороны подойти. Но шаману Лабурэ это озеро было давно и хорошо известно. Он не раз проезжал там на оленях.

Вечером за ужином шаман сказал сыну:

— Я знаю это рыбное озеро. Правда, больших чиров здесь нет, но сегов можно ловить сколько хочешь. Пока сделаем священную нарту и положим идол, можем и порыбачить. Перед аргишом в тундру запасемся рыбой.

Шаман с сыном поставили сеть, а потом стали осматривать лес, чтобы найти подходящий материал для изготовления священной нарты. Сделали заготовки. Дерево рубил только сам шаман, сыну нельзя было этого делать. Он хоть и слышал голос во сне, но все-таки он еще не был шаманом. Он мог только передавать услышанное отцу.

Когда вечером шаман с сыном вернулись в чум, они обратили внимание на те две сопочки, поросшие елью.

Сын сказал:

— Отец, смотри, что там? Или огонь горит, или что-то светится? Может, костер горит? Но нет, на настоящий огонь непохоже.

Шаман Лабурэ сказал:

— Это не простой огонь. Ты видишь свет той ели, которая тебе во сне песни пела. Эта ель принадлежит самому богу. Простой человек не имеет права к ней подходить.

На следующий день шаман приступил к изготовлению священной нарты. Он все делал сам, а сын только сидел рядом и говорил отцу, как что делать. Он, наверное, во сне видел все детали нарты. К вечеру нарта была готова, осталось только застелить ее оленьими шкурами. Но шаман решил, что это надо делать завтра. Когда солнце уже село, таким священнодействием грех заниматься.

Сын сказал:

— Отец, поставь эту нарту подальше от чума, где земля совершенно чистая, где никто не ходил. Нарту мы сделали из ели, и ничто не должно ее осквернить, никто не должен к ней подходить.

Шаман поставил священную нарту на нужное место, а потом пошли в чум, поели и легли спать.

Утром, после завтрака, сын шамана опять заговорил о сновидении:

— Отец, не могу спокойно спать. Всю ночь во сне слышал пение священной ели. Сам бог мне не дает покоя. Скорей заканчивай снаряжать священную нарту! Теперь надо забить оленя. Во сне я видел, что олень должен быть трехгодовалый самец. Отец, давай быстрее забивать оленя!

Шаман Лабурэ пошел с сыном в стадо и поймал как раз такого оленя. Потом забили его и кровью обмазали все части священной нарты. Шкуру убитого оленя сняли с рогами, с копытами и накрыли ею всю нарту. Рога оставили на лбу.

Когда закончили это священнодействие, сын опять заговорил:

— Отец, запряги в эту нарту двух оленей и отвези ее к тем двум сопочкам, где в прошлый раз видели ель, от которой исходил свет. Поставь нарту передом в сторону восхода солнца. Когда вернешься, начнем делать мне бубен и шаманскую одежду. Теперь, когда в нашу нарту поселится идол, у меня появится возможность начать камлание.

Шаман Лабурэ сделал все так, как велел сын. Может, он и не хотел выполнять просьбы сына, не считая его настоящим шаманом, но отказаться не мог. Раз сын видел шаманские сновидения и слышал голос бога, то как теперь не выполнить его просьбу?

Сначала Лабурэ сделал бубен для сына, а мать тем временем сшила шаманскую шапку и парку. Все очень торопились, так как надо было срочно уезжать отсюда и аргишить в тундру, чтобы не опоздать к отелу оленей.

Когда бубен и одежда были готовы, наступил момент, когда сын шамана Лабурэ начал свое первое камлание. Он сел на специально приготовленное в чуме место, где была постелена шкура дикого оленя, взял бубен в руки и запел...

Шаман Лабурэ слушал пение сына и ничего не мог понять, хотя уже давно был опытным шаманом и сам не раз исполнял священные шаманские песни, которые обычно непонятны простому человеку. Как ни старался он понять пение сына, но ничего не получалось. Прервать сына и спросить, о чем песня, шаман, конечно, не мог. Это было вообще недопустимо. Шаман предположил, что сын, по всей вероятности, поет ту же песню, которую ему во сне пела священная ель.

Сын закончил петь, отложил бубен в сторону и сказал:

— Отец, теперь слушай очень внимательно! Священная нарта, которую ты оставил у тех двух сопочек, поросших елью, теперь уже не пустая. В ней есть хозяин. Его имя будет Нумгыпой. Он будет идол нашего рода. Куда бы мы ни аргишили, всегда будем возить его с собой. Правда, я не знаю, как выглядит хозяин нашей священной нарты. Но, отец, у тебя есть медные очки. Когда поедешь к этой нарте, загляни вовнутрь, но только через очки и только одним глазом. Второй глаз зажмурь! Отец, ты будешь один смотреть на хозяина нашей священной нарты. А все мы остальные отвернемся, нам нельзя смотреть. Даже я смотреть не буду, хотя я уже совершил свое первое камлание.

Когда сын закончил говорить, покушали, поймали оленей и поехали к сопочкам, где раньше было видно что-то светящееся. Шаман Лабурэ ехал впереди. Доехав до священной нарты, он надел медные очки, один глаз крепко зажмурил. Он приподнял оленью шкуру и, глядя одним глазом, увидел хозяина священной нарты — Нумгыпою. Было отчетливо видно какое-то человекоподобное существо, на теле которого сияло семь звезд...

Как только шаман Лабурэ увидел это существо, оленья шкура вдруг сама свернулась, как будто закрывая внутри себя какой-то предмет. Шаман оцупал эту шкуру и убедился, что внутри есть идол.

Потом шаман подошел к сыну и сказал:

— Сын, теперь ты настоящий шаман. Ты был прав, ты на самом деле видел вещие сны. Теперь мы обрели идола от самого бога. Дальше чего будем медлить? Хорошо завяжем идол на нарте, запрежем оленей и будем быстро аргишить домой. Весна нас торопит, скоро отел оленей. Однако, сын, прежде чем тронуться в путь, мы обязательно должны забить еще одного оленя и покормить не только самого идола, но и то место, где мы его обрели.

Забили оленя и совершили священнодействие. После этого вернулись на свое прежнее стойбище и вскоре начали аргишить на север, к реке Сухая Дудинка, где предстоял отел оленей».

Вот таков шаманский рассказ о появлении идола у энцев. Правда, в нем нет указания, что было с идолом Нумгыпоем потом: передавался ли он из поколения в поколение или он после смерти шамана остался на его могиле и исчез? Как относились к идолу энцы других

родов? Об этом, к сожалению, мы уже никогда не узнаем, тем более что самих шаманов уже давно нет. Но этот рассказ остается все же ценным источником для познания энецкой народной культуры, истоков традиционного мировоззрения.